

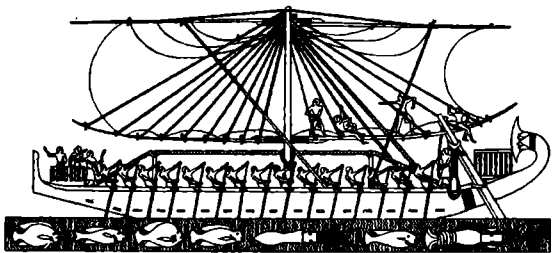
Мишель Шово

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЕГИПТА ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ

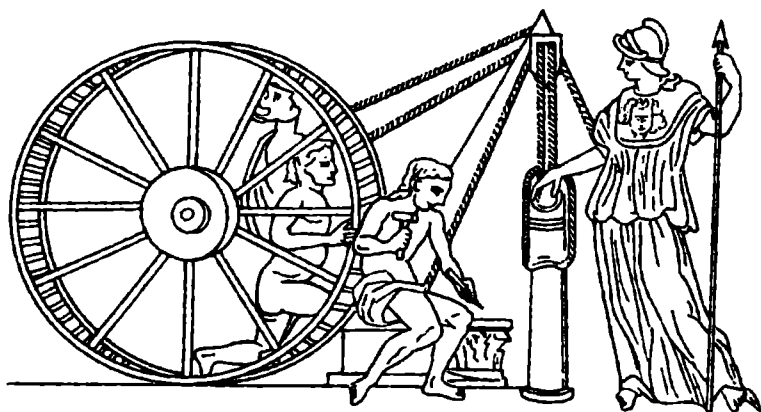
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Мишель Шово

Michel Chauveau
L'EGYPTE AU TEMPS
DE CLÉOPÂTRE

HACHETTE LITTÉRATURES

ЖИЗНЬ

ЕГИПТА
ВО ВРЕМЕНА
КЛЕОПАТРЫ

УДК 931
ББК 63.3(0)31
Ш 78

Перевод с французского
Е. Е. МАСЛОВОЙ

Научная редакция, примечания и приложение
С. В. АРХИПОВОЙ

Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

Перевод осуществлен по изданию:
Michel Chauveau L'Égypte au temps de Cléopâtre 180–30 av.J.-C.
Hachette Littératures, 1997

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры
(Национального центра книги)

ISBN 5-235-02639-X

© Hachette Littératures, 1997
© Маслова Е. Е., перевод, 2004
© Архипова С. В., примечания, приложение, 2004
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004
© «Палимпсест», 2004

Несмотря на то, что правление Клеопатры — один из самых популярных сюжетов античной истории, единственно доступной трактовкой этого царствования является точка зрения Рима. Классическая история, не сумев далеко уйти от художественной литературы и кинематографа, создала образ царицы Египта, основываясь на роли Клеопатры в самый решительный и драматический для Рима момент, когда неустойчивое республиканское государство, не приспособленное к управлению огромными разнородными и разбросанными территориями, раздираемое непрекращающимися гражданскими войнами, постепенно становилось самодержавной империей, претендующей на мировое господство. Именно этому государству, впоследствии принявшему христианство, суждено будет стать основой европейской цивилизации.

Между тем сам Египет во время царствования Клеопатры казался не более чем шаткой экзотической декорацией. Единственный смысл существования этой провинции заключался в снабжении царицы всем необходимым для соблазнения суровых римских полководцев. Нужно заметить, что такой точке зрения в немалой степени способствовала античная историография. Произведения греческих и римских историков, в которых упоминалось о правлении Клеопатры, несли на себе глубокий

отпечаток августианской пропаганды, бушевавшей до и после битвы при Акции¹. Сосредоточившись на роковом вмешательстве египетской царицы в дела Рима, они стремились заклеить ее пагубное влияние. Истинный образ Великой Клеопатры так и остался за пределами этих книг. Египет не имел для них практически никакого значения, если не считать схематичного образа отсталой страны с коррумпированной верхушкой, являющейся жертвой собственных странных суеверий. По сути, современные историки и географы, изучающие Египет времен правления Клеопатры, изображают некую вечную и незблемую страну фараонов, называемую Египтом, которая может пленить читателей, жадных до экзотики и парадоксов, но оставить абсолютно равнодушными к изменениям, произошедшим в стране за три века македонского правления².

Это несоответствие в восприятии образа Клеопатры и ее времени прослеживается во многих посвященных ей современных исследованиях³. Римская политика ставится здесь на первое место, тогда как внутренние жизненно важные процессы Египта практически полностью игнорируются. Это, конечно же, связано с неким замалчиванием классических авторов и относительно небольшим количеством других источников.

Однако Египет, изобилующий разнообразными письменными документами, — уникальная страна для историка античности. Повсюду на территории Средиземноморья исследователь за редким исключением располагает только эпиграфическими источниками, то есть текстами, написанными на каменных плитках — на единственном материале, который может сопротивляться неизбежному разрушению, свойственному всем органическим веществам. Особенности пустынного египетского климата позволили сохранить в песке тысячи папирусов и ostrakonov (то есть текстов, написанных краской на черепках керамики или обломках известняка) всех эпох от древних царств до мусульманского средневековья, с самыми различными формами египетско-

го письма (иероглифической, иератической, демотической, на коптском языке), включая языки завоевателей и иммигрантов (арамейский, греческий, латинский, пехлеви, арабский). В недрах этого изобилия документов (чаще всего изложенных на греческом или демотическом языке) греко-римская эпоха представляет, может быть, наиважнейшую часть⁴. Прошло всего лишь два века с того момента, как ученый мир смог осознать существование и значимость обнаруженных в Египте папирусов. Понадобилось ждать второй половины XIX века, чтобы увидеть первые научные публикации, посвященные греческим и демотическим папирусам.

Неожиданное открытие, сделанное в Фаюме и Среднем Египте в 1877 году, вынесло на мировой рынок античных документов огромное количество греческих папирусов. Систематические раскопки, предпринятые британскими учеными: Флиндерсом Петри в городах Хаваре и Гуробе в период с 1888 по 1890 год, а также Гренфеллом и Хантом около 1900 года в различных областях Фаюма (Тебтинис), затем в Эль-Хибе, и, наконец, французом Пьером Жуге в Горане и Магдоле с 1901 по 1902 год — позволили собрать достаточно богатые и однородные документы⁵. Сегодня опубликовано около 30 тысяч греческих папирусов и более тысячи папирусов на демотическом языке.

Национальные коллекции содержат огромное количество неопубликованных документов, а египетская земля не раскрыла еще все свои тайны, так как современные раскопки позволяют открывать все новые и новые хорошо сохранившиеся тексты⁶. Если добавить к этому еще тысячи остраконов, найденных в Фивах, Эдфу и Саккара, а также большое количество стел и записей на греческом, демотическом и иероглифическом языках, древние монеты и, наконец, храмы и часовни, построенные или отреставрированные в эпоху Птолемеев, которые буквально покрыты иероглифическими письменами, то материала для историков, изучающих египетское общество эпохи Птолемеев, хватит с избытком.

Естественно, временное и географическое распределение этих неравнозначных документов является результатом капризов археологии. Если одни находки — разрозненные и фрагментарные тексты, то другие (а по счастью таковых больше) представляют собой связные документы и даже целые архивы. Они воскрешают перед нашими глазами человека, семью, профессиональную общину и административное устройство государства. Так что общая картина, представшая перед нами благодаря греко-римским текстам, больше похожа на мозаику, чем на законченное полотно, прерываясь во времени, пространстве и социальной среде. Каждый документ — это всего лишь свет, выхватывающий ближайшие предметы, но оставляющий в тени огромное непознанное пространство. Мы хорошо знаем конкретную деревню на строго определенный момент, мы можем иногда проследить всю ремесленную жизнь единичной общины в течение нескольких поколений, однако соседняя деревня и ее ремесла остаются в тени.

С чисто хронологической точки зрения эпоха Великой Клеопатры оказалась менее всего освещенной в имеющихся папирусах. На сегодняшний день насчитывается всего лишь около 50 греческих папирусов, датированных временем ее правления, по большей части найденных в официальных архивах стратега Гераклеополя, другая же совсем небольшая часть папирусов на демотическом языке была найдена в Фаюме⁷. Парадоксальнейшим образом Египет в эпоху царствования самой знаменитой из цариц известен нам менее, нежели тот же самый Египет времен ее предшественников.

Первоначально работа, целью которой было воспроизведение картины двадцатилетнего правления последней царицы династии Лагидов, в условиях крайней нехватки документов казалась нам затеей абсолютно немыслимой.

И все же, если римское завоевание представляет в истории этой страны важный переломный момент, повлекший за собой очень серьезные последствия во всех областях социальной и культурной жизни, то

восшествие на престол Клеопатры VII выглядит обыкновенной перипетией в династической истории, богатой самыми красочными персонажами. Единственное предшествующее событие, которое может быть сравнимо с победой Октавиана при Акции, — это завоевания Александра Македонского. Но выбор такой отправной точки заставил бы нас вернуться к освещению всего эллинистического Египта, а изобилие источников, объединяющих этот период, таково, что пришлось бы ограничиться лишь беглым обзором огромного количества волнующих проблем.

Но и правление Птолемея V Эпифана, прапрадеда Клеопатры, представляет собой очень важный переломный момент в истории птолемеевского Египта. Он совпадает с кризисным периодом, отмеченным жесткой негативной реакцией местного населения на усиливающееся македонское иго, восстанием, которое было подавлено ценой колоссальных усилий, за счет ослабления позиции власти на международной арене. Ситуация все более осложнялась и приводила к разобщению внутри общества между местным населением и греческими иммигрантами, усугубляясь практически полным прекращением притока из Греции коренного ее населения. Так никогда и не достигнув настоящей полноты, египтинизация греков и эллинизация египтян все-таки наметились в складывающемся если уже не смешанном, то более или менее гармоничном и разнообразном обществе.

Оказывается, что в 195 году Птолемей V женился на царевне Клеопатре, ставшей первой царицей династии Лагидов с этим именем. Дочь царя Антиоха III Селевкида, который только что нанес своему будущему зятю сокрушительное поражение, она влила новую кровь, обогатив потомство своего супруга, родившегося от инцестивального брака. Остальным царствующим женщинам тоже приходилось играть важную роль в династии Птолемеев. Арсиноя II и Береника II, будучи очень сильными личностями, принимали решения за своих мужей, но у Клеопатры I была особая привилегия осуществлять единоличную

власть от имени своего несовершеннолетнего сына после смерти супруга в 180 году. Вступив в этот небольшой период регентства, Клеопатра I доказала, что права и возможности женщины на троне являются основными опорами для будущего страны. Отныне большинство цариц будут брать именно это имя — Клеопатра, отдавая тем самым дань династии, утвердившей одновременно свое потомство на троне и ознаменовавшей выход из политического кризиса в один из самых опасных моментов истории Египта. Многие царевны, получившие при рождении другое имя, достигнув вершины власти, брали себе имя Клеопатра. Среди самых известных цариц можно назвать Беренику III⁸, жену Птолемея Александра, и, естественно, Беренику IV⁹, дочь Птолемея XII. Таким образом, можно говорить, что параллельно с династией Птолемеев появилась династия Клеопатр, часто входящих в конфликт со своими мужьями, имея собственный взгляд на политику и успешно реализуя попытки гармоничного сочетания различных элементов управления страной.

Итак, мы не будем задерживаться на первом периоде Египта Птолемеев, пережившего установление и организацию иностранной власти, основанной на колонизации страны чужаками, явившимися со всех концов греческого мира и его варварских окраин. Один из самых важных документов этого периода, оставленных нам античностью, подписан карийцем Зеноном Каносским, управляющим областью в Фаюме, дарованной Птолемеем II своему министру финансов Аполлонию. Именно этот документ, замечательно проанализированный в недавних французских исследованиях, является основой всех наших знаний об экономике, административном управлении и общественном строе Египта третьего века¹⁰. Соответственно, мы ссылаемся на эти архивы так же, как и на другие важные источники этого же периода, только в той мере, в какой они могут помочь осветить основное направление, в котором развивалось египетское общество последние два века до нашей эры, то есть в эпоху Клеопатр.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Наследие Александра Великого

Три века, разделяющие нашествие войск Александра на Египет в 332 году* и взятие римскими солдатами Октавиана Александрии (1 августа 30 года), являются парадоксальным временем в истории Египта. Оказавшись во власти чужеземной династии со своими традициями, со своим языком и религией, Египет тем не менее переживает бурный период экономического процветания, политического могущества, а также интеллектуальной и творческой активности. С другой стороны, в первый раз за всю свою историю египетский народ столкнулся с истинным социальным и культурным вызовом: вызовом обосновавшихся на его территории чужеземных народов, наследников самых разнообразных, подчас более развитых, цивилизаций, навязывающих свой стиль и образ жизни как универсальную модель бытия.

Александр застал страну, которая после 60 лет независимости (404—342) вот уже 10 лет вновь находилась под гнетом Великого Царя. Египтяне, подвергаемые жестоким репрессиям и тяжело переносившие уже второе персидское нашествие, видели в

* Все даты, кроме специально оговоренных, до новой эры.
Прим. ред.

Александр Македонском чуть ли не своего освободителя. Завоевание свершилось самым безболезненным образом, как только персидский царь согласился на условия достойной капитуляции. Посещение Александром храмов в Мемфисе, его «дальновидное» коронование как фараона в храме Птаха и, наконец, его обращение к оракулу Амона в оазисе Сива — все это послужило признанию верховными египетскими кастами его как наследника древней египетской династии. Во главе страны он поставил грека, рожденного в Египте — Клеомена из Навкратиса, которого сопровождали два египетских номарха — Петеисис и Долоаспис; управление оккупационными войсками было доверено двум македонским офицерам. Однако самым долговременным его проектом оказалось создание нового греческого города в Средиземноморье — на стыке восточной дельты — который меньше чем через двадцать лет становится новой столицей. Правительство Клеомена чуть было не оттолкнуло египетский народ от новых хозяев страны. Непомеренные суммы, вымогаемые у жрецов под угрозой закрытия храмов, выросшие цены на торговлю зерновыми культурами и другие самые различные незаконные поборы заставили египтян почти сожалеть о тех временах, когда Египтом правили персы.

В то время преемственность регулировалась по принципу прямого наследия, и, когда в июне 323 года в Вавилоне умер Александр, македонские военачальники приступили к разделу провинций недавно завоеванной империи. Один из самых дальновидных и опытных полководцев, Птолемей, сын Лага, дальний родственник Александра, взял себе Египет. После того как он достаточно легко избавился от Клеомена, Птолемей оказался перед лицом более страшной угрозы, а именно, перед претензиями на власть конкурентов, предъявляющих права на его совсем еще новые владения.

После смерти сына Александра в 310 году угасла династия Аргеадов. В начавшееся беспокойное время междоусобицы, вызванное соперничеством и ко-

лебаниями различных сатрапов, Птолемей, по примеру других диадохов, провозгласил себя в 305—304 годах царем.

Вскоре, избавившись от наиболее опасных врагов, он смог полностью посвятить себя управлению страной и украшению своей молодой столицы — Александрии.

Птолемей оставил своим наследникам стабильное, достаточно уравновешенное между двумя основными силами страны — греко-македонцами и египтянами — государство, готовое вылиться в средиземноморскую империю, что позволяло укрепить политическую безопасность и экономическое процветание страны и ее столицы. Его сын Птолемей II достиг (в результате многочисленных войн, исход которых был различен) ощутимого расширения владений, завещанных ему отцом. Он преуспел также и в другом — создании и укреплении своей собственной династии. Женившись на родной сестре Арсиное II, он сумел воспользоваться ее смертью для достижения единоличной власти. Культ новой богини — Филადельфы — позволил объединить в едином верноподданническом порыве греков и египтян и надолго утвердить их преданность династии. Птолемей III, взошедший на трон в январе 246 года, воспользовался кризисной ситуацией, сложившейся у его соседа Селевкида. Поскольку господство последнего в Азии было достаточно шатким, Птолемею удалось вытребовать новые уступки во время Лаодикейской войны, вплоть до приобретения земель Селевкидов — Пиэрии, преддверия Антиохии — столицы вражеского государства.

Кризис государства времен правления Филопатора и Эпифана

III век знаменует собой апогей самодержавного правления династии Лагидов в Египте. Эффективное управление страной позволило настолько развить внешнюю торговлю, что в скором времени она стала

приносить сверхприбыли. Эти сверхдоходы были направлены на содержание могущественной армии, более того — благодаря им Египет получал негласное право вмешиваться в дела всех стран Восточного Средиземноморья, а также возможность сделать Александрию центром эллинизма. Однако такое управление страной, будучи достаточно хрупким, не смогло долго противостоять напряжению, спровоцированному чрезмерной эксплуатацией внутренних ресурсов. Общее положение еще более усугублялось действиями многочисленной и коррумпированной администрации, а социокультурные противоречия между правящей иностранной верхушкой и местным населением, придавленным высокими налогами и непосильной работой, только усиливали этот эффект.

Достаточно было обозначиться опасности внешнего вторжения, чтобы спровоцировать всплеск внутренних разрушающих сил. Эта угроза воплотилась в личности Антиоха III, молодого, амбициозного, энергичного монарха, ищущего повод для того, чтобы взять реванш над своим египетским противником. Блестяще справившись с восстановлением порядка в своей собственной стране, находившейся под угрозой социального взрыва, он попытался в свою первую кампанию отвоевать Сиро-палестинские провинции, находящиеся под властью династии Птолемеев. Вопреки всем ожиданиям, он был разбит уже на подступах к Египту в битве при Рафии, в июне 217 года разгильным и не приспособленным к войне Птолемеем IV Филопатором.

Но всякая медаль имеет и свою обратную сторону: эта неожиданная победа могла быть достигнута только за счет привлечения и вооружения огромных масс египтян. В условиях экономического кризиса, усугубленного войной, эти солдаты осознали свою силу и не замедлили подняться против власти, все менее и менее их устраивающей.

После смерти Птолемея IV в 205 году внутренние волнения привели к отделению южной части страны, оказавшейся в полном подчинении местной

власти, которой удалось заручиться поддержкой большей части касты жрецов. В то же время регентство несовершеннолетнего царя в Александрии подрывалось небольшой группкой манипулирующих мнением толпы противников, тем самым еще более ухудшая создавшуюся ситуацию. Антиох III в свою очередь сумел воспользоваться этими непредвиденными обстоятельствами и разбил армию Птолемея в битве при Панионе, молниеносно напав и овладев азиатскими территориями империи Лагидов. Однако мир между этими двумя государствами был достигнут только благодаря браку между молодым Птолемеем V Эпифаном и дочерью Антиоха III, первой из Клеопатр. Молодой царь смог, таким образом, заняться усмирением мятежников, окончательно разгромив их предводителя — царя Шаоннофриса в 186 году. Тем временем Антиох III, побежденный Римом, был вынужден подписать губительный для него Апамейский договор, который привел к ослаблению Селевкидов и освобождению египетского государства от тяжелой опеки. Таким образом, Рим утверждался как вершитель эллинистической власти.

Птолемей VI Филометор и восстановление Египта

В 180 году скоропостижно скончался Птолемей V, оставив трех несовершеннолетних детей. Регентство от имени молодого Птолемея VI успешно осуществляла царица Клеопатра, которая повела осторожную политику по отношению к своему ближайшему соседу, понемногу начинавшему оправляться от унижительного поражения. После ее смерти в 176 году власть перешла в руки недальновидных придворных, которые лишь умножили выпады против нового царя Сирии Антиоха IV Эпифана. Думая, что они располагают достаточными средствами, чтобы вернуть территории, утраченные в 200 году, они втягивают Египет в новую сирийскую войну. Это момен-

тально привело страну к катастрофе. Впервые со времени нашествия Пердикки в 321 году вражеская армия смогла проникнуть в пределы Египта. Антиоху IV хватило дерзости короноваться фараоном в Мемфисе. Распри внутри страны, вызванные неумелым правлением регентов Птолемея VI, породили некий союз, противопоставлявший царю его брата в качестве соправителя. Династия Лагидов спаслась лишь с помощью вмешательства римских войск. Во время встречи у ворот Александрии посланник сената (Попилий Ленас) заключил Антиоха IV в круг, который он начертил тростью на песке, предложив ему выбирать между Египтом и дружбой римского народа. Царь, соразмерив опасность, предпочел сохранить последнее и вернулся в Сирию со своей армией, оставив обоих братьев Птолемеев лицом к лицу. Однако братья не пришли ни к какому соглашению, походя впутывая в свою ссору представителей различных этнических кланов, оспаривающих друг у друга посты в правительстве. Таким образом, наметилась новая гражданская война, которая разжигалась на этот раз главой государства. Птолемей Младший взял на какое-то время верх над своим братом в октябре 164 года. Последний нашел убежище в Риме, подтвердившем, таким образом, роль опекуна птолемеевской монархии. По истечении нескольких месяцев молодой Птолемей стал настолько непопулярен в Александрии, что римский сенат смог настоять на проекте раздела территории: Птолемей VI Филометор должен был царствовать со своей сестрой Клеопатрой II в Египте и на Кипре, а его брат — в Киренаике.

Этот план раскола страны на неопределенный срок, приводящий к ослаблению власти династии Лагидов, имел, однако, и свою положительную сторону: разделение вернуло Египту спокойствие. Между 163—145 годами внутренняя ситуация в стране заметно улучшилась, чему свидетельствовало появление большого количества отстроенных и заново отреставрированных египетских храмов этого периода.

Неудавшиеся попытки младшего брата царя — прозванного из-за его почти гротесковой полноты Фискон (что значит «распухший», «одутловатый») — захватить Кипр не имели никакого резонанса даже в самом Египте. Более опасной оказалась смерть в 152 году наследного принца Птолемея Эвпатора, в которой смутно угадывался конец династии при отсутствии других детей мужского рода, рожденных в царской семье. Будущее страны представлялось теперь еще более смутным, чем во время опубликования завещания Фискона в 155 году, который завещал свое царство римскому народу. Это завещание создавало серьезную опасность для Египта, потому как Рим постепенно становился самой могущественной державой в Восточном Средиземноморье со времен завоевания Македонии и освобождения Греции в битве при Пидне в 168 году.

Однако ситуация в Сирии складывалась таким образом, что египтянам предоставлялся удобный случай для реванша. Дело в том, что с момента смерти Антиоха IV в 164 году государство Селевкидов находилось в состоянии крайнего упадка. Династические распри, умышленно разжигаемые Римом и государствами-соперниками, а именно Пергамом и Каппадокией, привели к тому, что самозванец Александр Балас, выдававший себя за сына Антиоха IV, добился свержения законного Селевкида — Деметрия.

С другой стороны, во время долгой войны, провоцируемой попытками Антиоха IV насильно эллинизировать страну, евреи, под предводительством Хасмонея Джонатана, добились своей независимости. Балас, боясь быть свергнутым сыном своей жертвы, также носившим имя Деметрия, обратился за помощью к Птолемею VI, который отдал ему в жены свою дочь, Клеопатру Теа. Египетский царь смог собрать армию и победоносно войти в Сирию. Его успех был настолько велик, что Балас, в очередной раз испугавшись свержения, попытался убить своего тестя. Но покушение провалилось, а Птолемей VI заключил союз с молодым Деметрием и выступил против своего давнего протезе. Население Антиохии, уставшее от

истинных и лже-Селевкидов, короновало Птолемея, сумевшего воплотить в жизнь мечты Антиоха IV об объединении Египта и Азии. Однако страх перед реакцией Рима заставил его отказаться от власти и единолично избрать на свое место Деметрия II. Тем не менее он завершил объединение государств, разбив в битве при Ойнопарасе Александра Баласа, однако сам Птолемей VI, серьезно раненный в этом бою при падении с лошади, умер несколькими днями позже.

Царь-толстяк и его жены

Узнав о смерти своего брата, Птолемей Фискон спешно прибыл из Кирены в Александрию, где и женился на вдове покойного царя, своей родной сестре Клеопатре II. Подобное возвращение, вызванное особыми обстоятельствами, спровоцировало враждебное отношение к нему как правящих кругов, так и столичного населения. Оно подогревалось ненавистными воспоминаниями об эфемерном правлении царя девятнадцать лет назад. Один из советников Птолемея VI, Галест, держал в своей власти истинного наследника престола — ребенка, которого ему доверил покойный царь. Полководец решил привлечь на свою сторону армию, находящуюся на грани бунта из-за задержки выплаты жалованья. Реакция нового царя, взявшего себе имя Эвергет («благодетельный»), была ужасной. На мятежников обрушились беспощадные репрессии: практически весь класс интеллектуальной элиты Музеума должен был покинуть родные места, подорвав тем самым статус столицы как центра эллинского просвещения.

Однако в стране восстановилось спокойствие. Вскоре в Мемфисе у Птолемея VIII (более счастливого, нежели его брат) родился сын, которого называли Мемфитом, по случаю состоявшихся в 144 году ритуалов коронации фараонов.

Интересен тот факт, что этот самый Птолемей VII Эвергет, дважды побывав владыкой Египта (в 170 и

145 годах), оказывался на троне исключительно в моменты внутреннего кризиса страны, подвергавшие опасности монархию Лагидов. Умный и образованный, он оставил воспоминания, из которых до нас дошло лишь несколько отрывков. В них ясно прослеживается его вкус к скандальным историям¹. Однако именно утонченному Птолемею Эвергету суждено было разрушить за несколько недель лучшее, что было создано его предшественниками — Александрию — интеллектуальную столицу греческого мира. Автор дальновидного и актуального своему времени свода законов, он все-таки не замедлил втянуть страну в новую и сомнительную гражданскую войну исключительно по своей собственной ошибке. Менее чем через три года после женитьбы на своей сестре Клеопатре II он решил жениться на собственной племяннице и одновременно падчерице — Клеопатре III. Таким образом, он осуществил план, который его брат хотел когда-то реализовать, дабы компенсировать отсутствие наследника мужского рода.

Вторая его супруга подарила ему по меньшей мере двух сыновей и трех дочерей. Соперничество между двумя Клеопатрами, матерью и дочерью, было неизбежно. Каждая из них желала увидеть своего отпрыска наследником престола.

Внутренняя вражда выродилась, в конце концов, в войну. В 132 году Клеопатра II изгнала из страны своего мужа и дочь, которые укрылись на Кипре. Сумев приблизить к себе молодого Мемфита, Птолемей VIII убил его и послал расчлененное тело юноши его матери в качестве подарка ко дню рождения. Положение ухудшал и тот факт, что страна была разделена между приверженцами Клеопатры II и сторонниками четы Птолемея VIII и Клеопатры III. Разделение это проходило по всему Египту изломанной линией: между Александрией и хорой, между египтянами и греками, между греками и евреями, между соседними городами, которых разделяла давняя вражда.

Птолемей VIII понемногу взял верх, сумев изгнать

в свою очередь сестру в 124 году. Но волнения продолжались, внутренние противоречия приводили к непрерывному ряду провокаций, влекущих за собой неминуемые репрессии. Крестьяне покидали свои наделы, сбивались в банды и промышляли грабежом, административная и земельная власть занималась различного рода вымогательствами (сбором незаконных налогов и т. д.), не уважая более право убежища в храмах. Земля не обрабатывалась, цены на основные продовольственные товары постоянно росли, вся страна находилась на грани экономического и социального краха.

В такой ситуации царь решился вернуть свою сестру. Он признал свои ошибки, отводя своему убитому сыну место в пантеоне династии Птолемеев под парадоксальным именем: «Новый Бог, Который Любит Своего Отца» (Теос Неос Филопатор). В конце марта 118 года Птолемей VIII издал тонко рассчитанный указ о полной амнистии, по своему размаху не сравнимой ни с какой другой. Щедрая и одновременно справедливая амнистия оправдывала все действия, совершенные во время гражданской войны, за исключением особо кровавых преступлений и святотатств. Все долги были прощены; земледельцы смогли вернуться в свои владения и начать работать на благо царя. Огромное количество второстепенных постановлений было направлено на пресечение правонарушений, усугублявших кризис, а также на прояснение основных правовых норм, как, например, юридические отношения между греками и египтянами. Вопреки всем ожиданиям эти меры были с радостью восприняты местным населением, а воцарившийся в стране мир, благотворно повлиявший на общую внутреннюю ситуацию, вел государство к процветанию.

24 июня 116 года Птолемей VIII умер в возрасте примерно 68 лет, парадоксальным образом оказавшись одним из самых старых Лагидов, за исключением, пожалуй, только первого Птолемея, не однажды подвергнув опасности будущее своей династии вследствие собственной ошибки.

Дети Фискона

Он оставил престол своему старшему сыну Птолемею Сотеру II, прозванному Латир («Бородавка»), однако его правление проходило под гнетущим опекунством двух цариц матерей. Новый фараон посетил вместе с ними юг страны в Асуане и в Нижней Нубии, укрепляя границы против вторжения государства Мероэ. К счастью, для поддержания внутреннего мира Клеопатра II исчезла через несколько месяцев, оставив правление в руках своей дочери и одновременно бывшей соперницы — Клеопатры III. Последняя же пользовалась властью безраздельно, оставив своему сыну, царствующему лишь номинально, в качестве малоутешительной компенсации самоличное правление только на территории Киренаики². Государь, уже женатый на своей старшей сестре Клеопатре IV, должен был по приказанию своей матери развестись с ней, чтобы жениться на другой своей сестре — Клеопатре Селене. На самом деле Клеопатра III предпочитала видеть царем другого своего сына — Александра. Она добилась для него царского титула и правления на Кипре в 114 году. Таким образом, семейные распри дробили ту небольшую часть, которая осталась от империи Лагидов. Царица, находя своего старшего сына недостаточно покорным, окончательно отстранила его от власти, поставив на место правителя Египта его младшего брата — Александра (107 год). Власть Клеопатры III отныне стала абсолютной, доказательством чему было принятие ею высшего духовного сана жрецов Александрии — звания, которого не могла достигнуть ни одна женщина.

К тому времени, после череды неудач, Птолемея Сотер сумел захватить Кипр, желая сделать его отправной точкой для дальнейшего отвоевания своего царства. В 103 году он испытал свою судьбу, по правде говоря, окольным путем: Сотер ответил на просьбу о помощи со стороны жителей города Птолемаиды-Акко, что во владениях Палестины, осажденного новым царем иудеев Александром Янне. После того

как Птолемей высадился на берег, ему пришлось отказать от въезда в город, жители которого к тому времени уже успели передумать. Однако это не помешало ему нанести сокрушительное поражение Янне и опустошить со своей армией иудейское царство. Такое победоносное появление своего сына вблизи от Египта насторожило Клеопатру III. В свою очередь она собрала армию для того, чтобы отбросить его к морю. Разразившаяся война все более и более запутывала ситуацию, вовлекая новые действующие лица, среди которых оказались и два царя Селевкида, оспаривавших власть у Антиоха.

К тому времени Сотер вторгся в Египет, но был изгнан, так как армия его не отличалась ни ловкостью, ни силой. Прожив зиму в Газе, он вынужден был вернуться обратно на Кипр.

Что касается Птолемея Александра, то, воспользовавшись царящими беспорядками, он убил свою мать, чье иго не в состоянии был больше переносить. Так завершились пятнадцать лет авторитарной власти одной из представительниц династии Клеопатр, доказавшей, что государство может с успехом управляться женщиной, о чем полвека спустя будет вспоминать ее правнучка — Великая Клеопатра.

Александр процарствовал со своей женой Береникой III 12 лет. По воле судьбы она была дочерью враждовавшего с ним брата, Птолемея Сотера, и эта супружеская коллизия напоминала брак ее бабушки Клеопатры III с Птолемеем VIII. В течение этого нового правления внутренняя ситуация в Египте заметно ухудшилась. Обычным явлением стали волнения в Верхнем Египте. Впрочем, все более частое вывешивание у храмов указов египетского царя об убежищах свидетельствовало о том, что либо право на убежище более не чтилось, либо эти указы были лишь поводом для нарушений, приводивших к нищете и отсутствию ощущения безопасности. В то время Египет окончательно теряет свой контроль над Киренаикой, сначала сдавшейся Птолемею Апиону (внебрачному сыну Птолемея VIII), а затем завещанной Риму в 96 году. С 89 по 88 год гарнизон Алек-

сандрии поднялся против царя и призвал брата Александра, правившего на Кипре. Александр вынужден был бежать, но был убит в морском бою. Сотер II утвердился в столице, однако ему пришлось усмирять вновь восставший Верхний Египет.

Покидая Александрию, Птолемей Александр оставил бомбу замедленного действия, а именно: завещание, в котором он называл Римский Народ своим наследником — действие тщетно предпринятое, дабы хоть как-то помешать возвращению Сотера на трон. Отныне самые различные политические группы, которые могли оспорить власть в пользу Рима, располагали юридическим документом, провозглашавшим присоединение Египта к Республике. Сотер II пережил своего брата всего лишь на восемь лет. Он был последним из династии Лагидов, обладавший независимой от Рима властью. Римская Республика, раздираемая внутренними гражданскими войнами и вовлеченная в непрекращающийся конфликт против понтийского царя Митридата, не занималась больше египетскими проблемами.

Птолемей Флейтист

Со смертью Сотера его дочь Береника III, к тому времени уже вдова Александра, оказалась единственной наследницей. Так как у нее не было ни мужа, ни сына, с которыми она могла бы править, после нескольких месяцев колебаний египетская царица решила выйти замуж за внебрачного сына покойного царя, также именовавшегося Александром, жившего в то время на территории современной Италии.

Новый царь — протеже Суллы, с недавнего времени неоспоримого хозяина Рима, смог навязать свою волю египетскому двору. Вскоре после свадьбы Птолемей XI-Александр II, слишком поспешивший взвалить на себя одного бремя царской власти, организовал убийство своей новоиспеченной супруги и одновременно мачехи. Он поступил крайне опро-

метчиво. Береника, как и большинство цариц этой династии, была очень популярна среди народа Александрии. Вспыхнул один из тех жесточайших мятежей, которые периодически будоражили столицу: разбушевавшаяся толпа ворвалась во дворец и повесила молодого убийцу, удержавшегося на троне всего лишь восемнадцать дней.

После таких перипетий Египет находился на грани истощения. К счастью, в Риме не было личности, готовой воплотить в жизнь завещание Птолемея X. Двор Александрии мог принять последних внебрачных детей Сотера II — двух Птолемеев и Клеопатру. Следуя традиции, они заставили старшего Птолемея жениться на своей сестре и посадили чету на египетский трон. Чтобы избежать любых братоубийственных распрей, младшего сделали царем Кипра. Так началось жалкое правление Птолемея XII и Клеопатры VI, пышно названное «правлением Богов Филопатора и Филадельфии». Однако новый Птолемей отказался от набожности в пользу искусств, назвав себя «Новым богом Дионисом». В историю он вошел под именем «Флейтист» (Авлет). Этот коронованный поклонник искусства низвел свою династию до того, что она стала простой игрушкой в руках лидеров различных партий Рима. Нужно сказать, что такая ситуация его мало устраивала: обязанный своим царственным положением неконтролируемым капризам александрийской толпы, вместе с тем он находился под постоянной угрозой римского вторжения в случае неполучения им формального признания со стороны великой защитницы всех государств и городов Востока. Птолемей старался изо всех сил достичь звания «союзника и друга» Римского Народа, без которого легитимность его власти не была бы одобрена Римом. Он развращал политическую верхушку Рима, снабжая ее дорогостоящими «подарками», которые поглощали большую часть его собственного дохода.

Такая ситуация сохранялась до прибытия Помпея на восток в 64 году. К этому времени Митридат был окончательно разбит, и амбициозный Помпей ре-

шил перестроить на свой лад политическую географию всего региона. С превращением Сирии в одну из провинций Рима он уничтожил ту малую часть, что осталась от государства Селевкидов. Решив внутренние проблемы еврейского царства, а также урегулировав отношения с арабским государством Набатеев, ему ничего другого не оставалось, как заняться делами Египта.

Авлет поспешил направить к нему посла, однако Помпей предпочел вернуться в Малую Азию, так как Митридат только что покончил с собой. В то время единственным и лучшим союзником Лагидов была осторожность. В Римской республике в любой момент мог найтись человек, способный возглавить процесс объединения.

Однако все попытки воплотить в жизнь это присоединение были расстроены противниками данного проекта. Птолемей добился своими щедрыми дарами поддержки триумvirата, в состав которого входили Цезарь, Помпей и Красс. В 59 году Птолемей был официально признан римским сенатом. Однако в сложной политической игре, разворачивавшейся в то время в Риме, это признание требовало определенной оплаты — и этой ценой был Кипр. В 58 году правителем на остров был назначен от имени Республики Катон Утический, прежде выступавший против этого проекта. Брат Авлета, лишенный римской властью своих владений, покончил с собой.

Бегство и возвращение Авлета

При этом известии Александрию снова охватила смута. Авлет, уже ненавидимый из-за расточения богатств страны, обвинялся еще и в разорении острова, чья судьба с давних пор была связана с династией Лагидов. Не в состоянии противостоять и боясь повторить судьбу своего эфемерного предшественника, Авлет, оставив семью, покинул столицу, прихватив с собой ее сокровища, и уплыл на Родос. Приведенные в замешательство этим внезапным отплытием пред-

водители александрийского вооруженного восстания решили отдать трон одновременно Клеопатре Трифане, которую Авлет отстранил от власти, и старшей дочери царя Беренике IV. Речь шла о срочных мерах, предпринятых, чтобы утвердить продолжение власти в стране, которую денежные потребности царя и незаконные поборы чиновников и сборщиков налогов привели к полной нищете и непрекращающимся смутам. Папирус из Гераклеополя, современник этих событий, рассказывает нам о жестокой реакции против одного из таких вымогателей: «На следующий день появилась еще более многочисленная толпа и настойчиво требовала помощи цариц (Клеопатры VI и Береники IV) и армии. Стратег встретил этих людей и вновь услышал о многочисленных преступлениях, совершенных перед лицом каждого из людей Гермаискоса. Жалующиеся утверждали, что они откажутся брать на себя какую-либо работу, если стратег не доложит царицам и министру финансов, что люди Гермаискоса исключены из нома»³.

Клеопатра VI Трифана умерла вскоре после своего прихода к власти, оставив Беренику IV единственной царицей. Ее советники безуспешно искали ей мужа, достойного взять на себя управление страной. Среди различных намеченных претендентов один авантюрист, выдававший себя за Селевкида, чуть было не преуспел, но был разоблачен и убит вскоре после свадьбы. В конечном счете остановили свой выбор на некоем Архелae, сыне выдающегося полководца царя Понта Митридата, надеясь, что он наследовал военные способности своего отца, которые были так необходимы в сложившейся внутривосточной ситуации. Птолемей был очень грубо принят на Родосе: Катон, в это время готовившийся завоевать Кипр, посоветовал ему вернуться обратно. Наследник династии Лагидов уехал в Рим, где был очень хорошо принят Помпеем. Птолемей попытался с помощью взяток добиться военной поддержки сената для своего возвращения в Александрию, но политическая ситуация в Риме была такова, что сенат не мог

прийти к согласию ни в одном вопросе. Двор Александрии, полагая, что власть царя сама собой затухала, послал в Италию сильное посольство, насчитывающее примерно сто человек, для того чтобы защищать свою точку зрения. Царь использовал свои богатства, чтобы устранить большинство послов, во главе делегации которых стоял философ Дион, прежде, чем они будут выслушаны сенатом. Это преступление не помогло ему: книги Сивилл, или, скорее, их тенденциозная интерпретация, открыли Птолемею, что даже боги противятся утверждению египетского царя при помощи римской армии.

Под давлением дурных предзнаменований осенью 57 года Авлет решил покинуть Италию. Он обосновался в знаменитом храме Артемиды в Эфесе. В это время в Риме Помпей без особого успеха силился победить своих противников и выпроводить Авлета в Александрию. Царю повезло с наместником новой римской провинции Сирии — Авлом Габинием, который согласился ему помогать, вытребовав для себя колоссальную комиссию в десять тысяч талантов. Отвергнув план войны против парфян, он объединил все резервные войска и вступил в Египет. Муж Береники, Архелай, повел себя мужественно при встрече с захватчиком, но погиб в сражении, закончившемся разгромом египетской армии. Птолемей, единственной целью которого было умертвить свою дочь Беренику, спешно вернулся в Александрию. Второе правление Птолемея XII началось, таким образом, с разграбления столицы, оставленной Габинием якобы для защиты царя и римских интересов. В городе хозяйничала солдатня галльского и германского происхождения. Казна была полностью разворована, а Авлет должен был еще возратить огромные суммы, которые он занял у римских банкиров для раздачи многочисленных взяток. Не имея возможности выполнять свои обязательства, он решил поручить главному среди оставленных в городе военных — Рабирию Постуму — управление финансами Египта, наградив его титулом диойкета, позволяющим свободно грабить страну. Это вызвало воз-

мущение среди местного населения, на что Авлет, без сомнения, коварно рассчитывал. Под давлением толпы Постум был смещен и вынужден бежать. Однако и в Риме его ждало привлечение к суду за многочисленные денежные растраты.

Несмотря на все перипетии, финансовые сложности государства не были решены. Царь вынужден был прибегнуть к резкому снижению ценности серебряных денег, которая оставалась практически неизменяемой со времен принятия финикийского эталона еще Птолемеем I. В серебряной монете (статер или тетрадрахм) содержание драгоценного металла упало с 90 до 33%, что свидетельствовало о крахе денежной системы Лагидов, который предшествовал их политической агонии. Ко всем этим сложностям прибавились еще и волнения, связанные с плохо организованной преемственностью власти. Преждевременно состарившийся царь предчувствовал свою скорую смерть. У него осталось четверо детей — два сына и две старшие дочери, что не сулило в будущем династического мира. Дабы избежать опасности, он объединил всех своих отпрысков внутри единой коллегии «новых богов Филадельфов», демонстрируя тем самым путь к согласию, желанному и одновременно невозможному, что выдавало все бессилие власти в утверждении жизнеспособного, прочного наследования Лагидов.

Дети Авлета

Мы мало знаем об обстоятельствах наследства Авлета, так же как и о борьбе за власть между старшей из дочерей — Клеопатрой VII и ее братом — Птолемеем XII, вернее — о борьбе двух александрийских групп, поддерживающих каждая своего претендента⁴. Дальнейшие события проясняются лишь с прибытием Юлия Цезаря в Александрию осенью 48 года. Последние месяцы правления Птолемея XII (между февралем и июлем 51 года) покрыты непроницаемым мраком. Либо к тому времени царь был уже

мертв, но эту новость удалось скрыть на некоторое время, либо он был настолько болен, что уже не мог управлять государством: в любом случае Клеопатра воспользовалась этой неопределенной ситуацией, чтобы составить завещание в свою пользу.

На самом деле такой исход был полным противоречием последней воле Авлета, завещавшего престол царственной семейной паре — союзу старшей дочери и первого из своих сыновей. В принципе, выполнение условий завещания было возложено на римский сенат, то есть на Помпея, который считался опекуном династии Лагидов. Теперь же он находился перед уже свершившимся фактом, ибо Клеопатра после периода фиктивного соуправления со своим отцом вскоре оказалась единственной правительницей. Несмотря на то что ей было всего лишь около девятнадцати лет и на ее несгибаемую волю к власти, которую она продемонстрирует позднее еще не раз, вероятно, Клеопатра пользовалась весомой поддержкой среди друзей умиравшего царя. Несомненным остается одно: мы не можем рассматривать эту возможную поддержку за неимением каких-либо сведений, тогда как клан противников нам хорошо известен. Противники не сидели сложа руки и старательно добивались, чтобы предполагаемая воля покойного царя была соблюдена. В течение всего 50 года Клеопатра была вынуждена мириться с существованием самого старшего из братьев — двенадцатилетнего ребенка, как одного из соправителей. Но вскоре царица и его отодвинула на второй план, оставив, таким образом, свободным поле деятельности для опекунов своего брата⁵.

Внутренняя ситуация в стране доходила до наивысшей точки нищеты и нестабильности, ибо непрерывные неурожаи только умножили раздражения и недовольства предыдущим правлением. В октябре правители издали эдикт, устанавливающий контроль над всеми имеющимися излишками пшеницы в Верхнем Египте и предписывающий под страхом смертной казни транспортировать ее в любое место, кроме Александрии⁶. Только угроза голода могла оп-

равдать такое исключительное предписание. Попыталась ли Клеопатра воспользоваться общим недовольством во благо себе? Действительно ли она бежала из Александрии, чтобы найти поддержку в провинции? Страна находилась в состоянии полнейшей путаницы: Клеопатра положила начало новой эфемерной эре, которая была принята ее сторонниками в датировке документов⁷, тогда как другие продолжали называть «царя Птолемея и царицу Клеопатру богами Филопаторами»⁸, как будто не произошло никакого разрыва. Мы не знаем, каким образом Клеопатра была изгнана из Египта. Но факт в том, что она оказалась на границе Палестины, поддерживаемая гражданами Аскалона, которые чекали деньги с ее изображением⁹. Дабы предотвратить возможное возвращение царицы, советники ее брата поставили последнего во главе армии в Пелусии. Однако гражданская война в Египте представляла меньшую опасность по сравнению с грозными событиями, которые сотрясли в то время территории, находившиеся под властью Рима. Двое старых союзников — Цезарь и Помпей — были равно втянуты в безжалостную войну. Армия Помпея потерпела сокрушительное поражение в битве при Фарсале в Греции 9 августа 48 года. Полководец обрел убежище в Египте, где его благосклонность к прежнему царю позволяла рассчитывать на радушный прием. Но его ожидал там трагический конец, о чем существует патетический рассказ у Плутарха. Потин и Ахилл, которым было известно, что Цезарь гнался по пятам за беглецом, и желая угодить победителю, предпочли предать смерти бывшего триумвира, едва тот сошел с корабля на пелусийский берег¹⁰.

Продолжение истории хорошо известно. Появление Цезаря в Александрии, его неудовольствие, вызванное тем, что он узнал об обстоятельствах смерти своего противника, и чувство ненависти, которое он испытал к клике советников царя, внезапное, при пикантных обстоятельствах появление Клеопатры перед Цезарем — все это привело к временному урегулированию кризиса за счет возвращения к *status quo*

ante, навязанного новым хозяином Рима. На самом деле, Цезарь недооценивал всех опасностей ситуации, более сложной, чем могло показаться на первый взгляд. Вскоре он оказался в ловушке настоящей городской войны, так называемой «александрийской войны», все события которой описывать здесь бесполезно. Смерть юного царя Птолемея XIII, утонувшего в порту, и прибытие долгожданного подкрепления к Цезарю поставили точку на этом печальном эпизоде, грозившем разрушить город и преждевременно похоронить карьеру молодого диктатора. Понимая это, Цезарь решил укрепить позиции Клеопатры в качестве царицы Египта, лишь для проформы назначив ей в помощники последнего из ее братьев, очередного Птолемея. Путешествие по Нилу победителя и уже беременной молодой царицы в начале весны 47 года позволило повысить престиж Клеопатры среди египетского населения, укрепив связи, объединяющие двух любовников. Вскоре после такого помпезного действия Цезарь покидает Египет, но, опасаясь возобновления волнений, оставляет из предосторожности три военных легиона на этой беспокойной земле.

Клеопатра — союзница Рима

С 47 по 30 год Клеопатра царствовала единолично, избавившись от всех опекунов, если не считать чисто номинальных помощников, без каких-либо ограничений, за исключением тех, которые навязывал ей протекторат Рима, чьей благосклонностью она пользовалась. Хотелось бы больше знать о возможном улучшении внутренней ситуации в стране, к которой могло привести такое благоприятное стечение обстоятельств. К несчастью, эпоха Клеопатры крайне скупа на документы: количество записей, сделанных как на греческом, так и на египетском языках, самое ничтожное. Между тем древние авторы часто распространялись о том, что касается вмешательства в дела Рима царицы, роль которой сделала виток от взлета до окончательного падения.

23 июня 47 года Клеопатра родила сына, которого назвала Птолемей Цезарь для того, чтобы больше не было никаких сомнений по поводу ее союза с Цезарем, плодом которого был этот ребенок. Она не обращала внимания на скандальный характер этой связи как с точки зрения римлян, так и с точки зрения египтян. Менее года спустя, в мае или июне 46 года, царица в сопровождении своего малолетнего сына и супруга-брата направилась с официальным визитом в Рим с откровенной целью восстановить дружеский договор и союз с сенатом и народом Рима, чем когда-то выгодно воспользовался Авлет. Речь шла о воссоединении с Цезарем, который готовился к празднованию не менее четырех триумфов подряд, один из которых был посвящен его победе над Александрией, где была выставлена на всеобщее обозрение родная сестра Клеопатры, несчастная Арсиноя, совершившая непростительную ошибку, заняв сторону восставших. Египетский двор пребывал в Риме до Мартовских ид 44 года, во время которых произошло убийство диктатора. Завещание Цезаря развеяло все иллюзии царицы и ее сына, он передавал все бразды правления и оставлял единственным наследником молодого Октавиана. Клеопатра, разочарованная и лишенная своего защитника, поспешно вернулась в Александрию, где исключила любой возможный риск оспаривания наследства, устранив своего брата Птолемея XIV. Птолемей Цезарь становился официальным соправителем до того, как такое положение дел было признано в римском сенате в 41 году.

В течение двух последующих лет гражданская война, разгоревшаяся в связи с убийством Цезаря, поставила Клеопатру в очень опасное положение. Каждая из сторон просила ее покровительства, но, заняв сторону проигравшего, она навлекла бы на Египет гнев возможного победителя, а вместе с тем и давнюю угрозу присоединения Египта к Риму. Она очень быстро решила избавиться от легионов, оставленных Цезарем, в рядах которых она могла подозревать заговор против себя, отправив их на войну

против Долабеллы-цезарианца, который был быстро изгнан. Между тем она боялась остаться без собственной армии и в особенности без лучшей ее части — своего флота.

Сумев за счет тактики оттягивания избежать опасности войны, Клеопатра заключила мир с триумvirатом, который сформировался в 43 году между правителями: Октавианом, Антонием и Лепидом; этого времени ей было достаточно, чтобы не слишком выдавать двусмысленность своих действий. Два сражения при Филиппах в октябре 42 года сделали Октавиана — нового Цезаря — и Антония практически единственными хозяевами положения. В ходе последующего разделения территорий весь восток, так же как и присоединенные провинции, достался Антонию. Этот верный соратник Цезаря хорошо знал Египет, так как именно он, будучи во главе кавалерии Габиния, разбил Архелая в 55 году на подступах к Александрии. Когда Антоний пригласил Клеопатру в Тарс в Киликии, для того чтобы она предоставила ему гарантии египетского союзничества, Клеопатра появилась во всем своем ослепительном великолепии как некое воплощение Исиды-Афродиты, со всей театральной пышностью. Эта встреча в Тарсе, изначально задуманная как унижительная для царицы церемония, в конечном итоге стала ее триумфом; она демонстрировала свои дарования, мало схожие с дипломатическими манерами, что в конечном счете и определило будущее Египта.

Клеопатра и Антоний

Подробности сложных отношений между Клеопатрой и Антонием, начиная с 41 года, хорошо известны, хотя важность и смысл этих отношений не вполне очевидны. Искажением мы обязаны исключительно эффективной пропаганде молодого Цезаря*, которая распространялась, начиная с 34 года. На-

* Речь идет об Октавиане Августе. — *Прим. ред.*

правленная в первую очередь против царицы Египта и косвенно против Антония, эта пропаганда повлияла на все исторические источники того периода, усложняя правильное видение реальных мотивов и стратегии каждого из действующих лиц.

Клеопатра, чья точка зрения является для нас наиболее важной, вначале не могла иметь иных амбиций, кроме как самого элементарного политического выживания и поддержания жизни своего государства перед лицом недвусмысленных попыток Рима присоединить к себе Египет. Она окончательно утвердилась на троне, сумев отстранить от власти своих братьев, и вскоре успешно избавилась от своей сестры, чью голову она настойчиво требовала у Антония. Присоединение Египта, в свою очередь, полностью зависело от расположения представителя римской власти на Востоке, то есть от Антония. Только по прошествии времени Клеопатра смогла действительно оценить то влияние, которое она имела на Антония и в чем смутно предчувствовала возможность изменить направление истории, единственно за счет все нарастающей страсти Антония. Совершенно ясно, что огромная военная политическая власть, которой он обладал, была использована Клеопатрой с целью восстановить древнюю птолемеевскую империю, однако точка зрения Антония на этот счет была иной.

До того времени и еще в течение нескольких десятков лет политика Рима на Востоке была далека от действительного присоединения Египта. Как это делали до него один за одним Лукулл, Помпей и Цезарь, Антоний мечтал построить государство на Востоке по системе провинций, управляемых непосредственно из Рима, территорий немногочисленных, с относительно малой протяженностью, но богатых, стабильных и легко охраняемых. Эти провинции, по мнению Антония, должны были находиться в окружении государств-союзников, управляемых проверенными и преданными правителями. В 37 году, когда Антоний встретился с Клеопатрой после трех лет разлуки, будучи уже женатым на Октавии — сестре

Октавиана, — он начал перераспределение всех принадлежащих ему территорий, как это легально ему позволял империум, которым он располагал на Востоке. Значительное расширение территорий, объединенных с Египтом, предполагало усиление эффективности системы, ввиду планируемого честолюбивого похода против парфян. Эти приобретения были представлены правительством Клеопатры как победа царицы, которая открыла, таким образом, новую эру как в Египте, так и во всех сирийских городах, чьей полновластной хозяйкой она стала, называясь отныне — «Самая Молодая из Богинь» (Тэа Неотера)¹¹.

Неудачные походы Антония в Армению и Мидию окончательно разрушили его амбиции стать новым Александром и поставили в зависимое положение от царицы. Клеопатра, в свою очередь, заставила его изменить курс правления с римского на эллинистический вплоть до того, что Антоний развелся со своей законной женой Октавией и одновременно порвал все отношения со своими бывшими союзниками. Он мечтал о новой организации управления землями вокруг Египта и о новом царском роде, основателями которого будут они с Клеопатрой. После второго похода на Армению, результатом которого стало присоединение этой страны к Египту, Антоний устроил осенью 34 года триумф в Александрии, превращая ее, таким образом, в новый Рим. Это празднование, которое больше походило на дионисийский пир, нежели на римские праздники, завершилось необыкновенной церемонией Раздачи Даров. Посреди этой торжественной роскоши, развернувшейся перед александрийской толпой, собравшейся в Великом Гимнасии, короновали на царство детей Антония и Клеопатры: младший — Птолемей Филадельф — родившийся в 36 году, становился царем Азии по эту сторону Евфрата (Малая Азия и Сирия); Александр Гелий, родившийся в 40 году, становился царем Азии по ту сторону Евфрата (Армения, Мидия и все остальные земли парфян, которые еще предстояло завоевать!); Клеопатра Селена, родившаяся одновременно

с Александром Гелием, короновалась как царица Кирены и Крита. Сама Клеопатра была провозглашена «Царицей царей», а Птолемей Цезарь — «Царем царей». Можно себе представить, какой тяжелый резонанс вызвал этот обряд на Западе.

Однако Антоний пользовался еще очень сильной поддержкой Рима и даже сената, так как оба консула, избранные на 32 год, были из числа его приверженцев. Только путем долгих убеждений, используя лживую информацию, пуская в ход все хитрости пропаганды, позволили, в конце концов, Октавиану убедить сенат объявить войну... но только одной Клеопатре, намеренно оставляя Антония в стороне.

Исход конфликта определила не расстановка сил, а, скорее всего, тактические и стратегические ошибки Антония, чье слабование стало первопричиной его поражения. Выбирая, вопреки всяческой логике, сражение на море, он неосмотрительно переложил большую часть ответственности на Клеопатру, чей флот был основой всех военно-морских сил. Какими бы ни были причины поведения Клеопатры в битве при Акции 2 сентября 31 года, но последовавшая за этой битвой катастрофа определила судьбу самой Клеопатры и, следовательно, судьбу всего Египта. Менее одиннадцати месяцев спустя новый Цезарь триумфально войдет в Александрию и воздаст почести мумифицированным телам создателей великого города. Но так как он гордо и свысока относился к могилам династии Лагидов, а также не отдавал должного почтения священным животным божественных фараонов, египтяне поняли, что наступила эпоха новых Богов.

ГРЕЧЕСКИЕ ФАРАОНЫ И ИХ СЛУГИ

Цари, царицы и их венценосные дети

В семье Лагидов никогда не существовало четко установленного принципа наследования. Опирались на две различные традиции: первая предусматривала передачу власти по старому македонскому династическому принципу, вторая — по наследованию священного сана фараонов. Птолеми могли претендовать на престол как в первом, так и во втором случае. В принципе, власть наследовал первый ребенок в семье, однако четкого правила, исключающего младших сыновей и дочерей, не было. Примером тому служит решение Птолемея I, взявшего в соправители сына своей последней жены, обойдя, тем самым, своего старшего сына от предыдущего брака, Птолемея Керауноса. Первые трое наследников Птолемея не сталкивались с подобной проблемой, оставляя каждый раз одного единственного законного наследника. После 180 года потомство Птолемея V Эпифана разрослось, что неминуемо повлекло за собой династические кризисы: после двенадцати лет правления Птолемей VI Филометор не захотел разделять трон со своим младшим братом. Их совместное царствование зашло в такой тупик, что необходимо было вмешательство Рима: Египет и Кипр отдали старшему брату, а Киренаику — младшему. Последний не был удовлетворен таким

решением и долго плел интриги, чтобы присоединить Кипр к своему царству. И только случай помог разрешить ситуацию: смерть Птолемея VI позволила ему унаследовать все земли. Следующее поколение столкнулось с подобной же ситуацией: Птолемей Александр претендовал на территории своего брата. Птолемей XII, будучи внебрачным ребенком, мог претендовать на трон только в случае смерти своей кровной сестры Береники III, последней законной представительницы рода Лагидов. После своей смерти Птолемей XII оставил четырех детей: двух сыновей и двух старших дочерей, чьи династические распри стали последним кризисом правления Лагидов.

Характерной чертой птолемеевской династии является постоянно возрастающее значение женщины на троне, достигшее своей кульминации во времена последней Клеопатры. В течение первых трех царствований браки совершались на основе выгодного договора, который правители заключали с враждующей династией. Так, Птолемей II женился на Арсиное I, дочери Лисимаха, царя Фракии и союзника Лагидов против их соперников Антигонидов и Селевкидов. Таким же образом Птолемей III женился на своей кузине Беренике II, дочери Магаса, что позволило ему объединить Киренаику со своими собственными владениями. Также были выданы замуж за иностранных царей принцессы: Арсиноя II, дочь Птолемея I, — за Лисимаха, и Береника, дочь Птолемея II, — за Антиоха II. В первое время правления династии единственным исключением, имевшим впоследствии огромное значение, явился брак Птолемея II (который вынужден был с этой целью развестись с Арсиноей I) со своей собственной сестрой Арсиноей II, ставшей в 276 году вдовой Лисимаха. Этот инцестивальный союз, который полностью противоречил всем греческим законам, спровоцировал бурю волнений среди местного населения. Но, вместо того чтобы замять скандал, царь воспользовался им в собственных целях, развивая культ божественной царской семьи, которая не могла быть подчинена общечеловеческим правилам и законам. Арсиноя стала

еще при жизни богиней Филадельфой («Та, которая любит своего брата»), и ее культ распространился во всех египетских храмах, встав в один ряд с местными богами.

Лагиды опирались и на греческие мифологические сюжеты. Как известно, Зевс был родным братом своей жены Геры. Египетские фараоны не могли остаться равнодушными к такому мистическому знаку — этот союз напоминал им инцестивальный брак Исиды и Осириса, который положил начало священному царствованию фараонов. Помимо возможных и внушенных страстью мотиваций, этот брак позволил, в конце концов, создать базу для династического культа, вокруг которого смогли объединиться как египтяне, так и греки. Но понять всю важность этого брака наследники Птолемея смогли лишь намного позднее. Птолемей IV был первым, который последовал примеру своего предка, женившись на своей собственной сестре Арсиное III, создав, таким образом, род богов Филопаторов. Птолемей V, не имевший сестер, возобновил классическую традицию царской экзогамии, женившись на дочери своего противника великого Антиоха III Клеопатре, чье имя сыграет не последнюю роль в судьбе династии Лагидов. После скоропостижной кончины своего супруга царица Клеопатра станет первой женщиной в Египте со времен Нового царства, которая начнет править самостоятельно от имени своего маленького сына Птолемея VI Филометора («Тот, кто любит свою мать»). Этот Птолемей также женился на своей сестре — Клеопатре II. Из двух его дочерей старшая, Клеопатра Теа, сочеталась законным браком три раза подряд с различными представителями династии Селевкидов. Что касается младшей, также названной Клеопатрой, то ее хотели выдать замуж за ее дядю, киренского царя, мечтая объединить сразу все территории под одним именем. Неожиданная смерть Птолемея VI не позволила осуществиться этому замыслу. Птолемей Киренский решил, что более выгодной для него будет женитьба на собственной сестре, вдове брата и, таким образом, стать царем Египта. Но молодая

Клеопатра тем не менее не отказалась от своих намерений и несколькими годами позже без колебаний вышла замуж за своего дядю и одновременно отчима. Конфликт, иногда скрытый, иногда выходящий наружу, между матерью и дочерью, ставшими противницами, играл ведущую роль в политической истории Египта на протяжении, по крайней мере, двух десятков лет.

После смерти Птолемея Фискона его вдова Клеопатра III смогла править одна от имени своих сыновей (с 116 по 101 год), приняв все предосторожности, чтобы удалить свою старшую дочь Клеопатру IV, в которой она угадывала зарождение сильных амбиций. Позже, после смерти Птолемея IX Сотера в 80 году, престол заняла его дочь Береника III, которая и была провозглашена законной наследницей, преемницей своего отца. Если убийство этой царицы привело незаконнорожденного Птолемея XII на трон, то другим двум женщинам народ Александрии обязан постыдным бегством последнего в Рим. Что касается наследства Птолемея XII, всем известно, как последняя Клеопатра присвоила его, обойдя своих братьев.

Царь и греки

Птолемеяевская династия происходит не из царского рода. Даже если ее создатель — Птолемей I — мог гордиться отдаленным родством со старым родом Агреадов, это еще не давало ему повода а priori претендовать на престол. Только политический вакуум, образовавшийся в мире после смерти Александра, мог объяснить возможность такого удачного для Лагидов варианта. Но это продвижение не свершилось в один миг. Птолемей, как и другие диадохи, вынужден был довольствоваться званием «сатрапа», то есть правителя одной из провинций от имени македонского царя. Начиная с 310 года, эта теоретически второстепенная позиция становится чистой фикцией, так как династия прекращает свое существование после убийства сына Александра, родившегося после

его смерти. Однако нужно было, чтобы самый дерзкий из «сатрапов» (а им оказался Антигон Одноглазый) сделал первый шаг! Что и свершилось в 306 году. В течение последующего года все диадохи приняли — каждый на своей территории — царский титул. Так в 305 году бывший полководец Александра становится для своих греческих подданных царем (*базилевсом*) Птолемеем, а для египетских подданных — фараоном.

Грекам, обосновавшимся в Египте или в других владениях Лагидов, слово «монархия» было знакомо. Даже если большинство из них вели свой род из городов с демократическим или олигархическим устройством, они знали, что все греческие государства в определенный момент своей истории управлялись царями. Некоторые же из таких государств, в первую очередь Македония, вообще не знали другого режима, и именно македонский пример в глазах греков послужил моделью для монархии Лагидов, как, впрочем, и для других царств, вышедших из развалившейся империи Александра. Однако в эллинистическом сознании монархия ассоциировалась с позорным режимом Ахеменидов и более всего с правлением Великого Персидского Царя, над которым наиболее храбрые греческие города неоднократно одерживали победы во время мидийских войн. Монархия также являлась способом управления варварскими народами, не способными к самоуправлению. Эти варвары, по мнению греков, вели жизнь рабов, в отличие от них, свободных граждан полисов. Очевидно, что позиция подобных новых режимов, среди которых была и эллинистическая монархия, достаточно деликатна: такая монархия не могла принять форму правления древних македонских царей, не способную контролировать огромные и густонаселенные пространства. Одновременно она должна была избежать и восточного деспотизма, который для греков был синонимом позорного рабства.

В конечном счете царь Лагидов обязан быть двуликим: с одной стороны, он должен остаться близким и понятным греческим подданным, для которых

он не более чем «царь Птолемей», а с другой — наследником фараонов в глазах египтян, носителем священного начала. Таким образом, для первого поколения греков, поселившихся в Египте (за исключением тех, что обосновались до завоеваний Александра Македонского, то есть мемфисских эллинов), отношение, которое связывает их с царем — это в первую очередь отношение служащего к своему патрону, нежели зависимость слуг от своего господина. Эти отношения между царем и греками очень быстро изменялись, с одной стороны, из-за их постепенной интеграции на египетской земле и вследствие удаленности от их родных городов, а с другой стороны, благодаря усиленной пропаганде царской власти, направленной на подчеркивание божественного происхождения династии. Однако такое развитие не могло дойти до своего завершения, не произошло и полной интеграции греков с местным населением, как и постепенного превращения царя из рода Лагидов в самодержца восточного типа. Если гражданские начала греков, обосновавшихся в хоре, или, точнее, их потомков постепенно растворяются до полного исчезновения из памяти, то сама эллинистическая культура, напротив, утверждается, а с ней появляется и осознание принадлежности к привилегированному меньшинству, где царь — это лишь один из лучших его представителей. Даже установив законность самодержавной власти, правители из рода Лагидов до конца своего правления не смогут навязать своим греческим подданным формы рабского верноподданства и мистического почитания, которые восточные нации привыкли проявлять по отношению к своим монархам.

Обожествленный царь

Отныне греческие воззрения о божественности происхождения монарха оставляли широкие возможности для создания и развития культа царской власти. Для греков, в отличие от иудеев, значитель-

ное превосходство не являлось основополагающим признаком божественного, и, вследствие этого, граница между миром людей и миром богов вовсе не была непреодолимой. Как боги могли жить по своему усмотрению среди смертных, так и смертные, по крайней мере некоторые из них, могли приобретать черты, присущие исключительно божествам. Более того, существовала даже некоторая промежуточная категория — категория героев, которые за свою храбрость и заслуги награждались некоторыми божественными чертами — например бессмертием. Но героизация лежала в основе исключительно культурного процесса, касающегося только мифических фигур, которым приписывали создания городов, а также первые шаги политического и социального устройства. С течением времени могли героизировать посмертно и некоторых граждан, исходя из их благодеяний в пользу города, прославившего в благодарность их имена.

Однако обожествление царей и цариц рода Лагидов успешно осуществлялось под влиянием различных процессов. Александр был первым. Именно он использовал различного рода ухищрения, прибегал к чудесам, откровениям, уделял особое внимание предзнаменованиям, пророчествам, чтобы в первую очередь убедить в своем божественном происхождении собственную армию и во вторую — всех жителей Македонии и Греции. Самый известный шаг в этой области — поход в оазис Сива, осуществленный с одной лишь целью — подтвердить свое божественное происхождение, ссылаясь на пророчество оракула Амона. Известно, что это притязание вызвало волну протеста даже среди офицеров его собственной армии, настолько эта идея была чужда эллинам.

Диадохи в большинстве своем оказались более осторожны, базируя свою пропаганду на образе Завоевателя. Однако часто сами они бывали застигнуты врасплох инициативами городов, которые наделяли их божественными полномочиями иногда даже ранее, чем сам диадок получал царский титул. Так, например, граждане Афин в своем стремлении угодить

правителям провозгласили «Богами Спасителями» Антигону и Деметрия, когда в 307 году последний изгнал македонский гарнизон из города и установил демократическое правление.

Следующие поколения — эпигоны — не были настолько щепетильны и, по крайней мере в Египте, быстро поняли, что необходимо создать легитимность своей власти на уже существующей религиозной основе. Мы видели, как этого добился Птолемей II, женившись на своей собственной сестре Арсиное, таким образом обожествив ее, скорее всего еще при жизни, под именем «Богини Филадельфы». Его отец, уже получивший от жителей Родоса эпитет Сотер («Спаситель»), был возведен в ранг богов точно так же, как и мать Птолемея — Береника. Боги Спасители образовывали пару богам Адельфам, о чем свидетельствуют монеты, на которых первые чеканились на лицевой стороне, а вторые — на оборотной¹.

Чтобы установить этот новый культ, Птолемей II предпринял целый ряд мер. Некоторые из них касались только греческого населения, как, например, создание в 279—278 годах Исолимпийских игр (некоего эквивалента олимпийским играм) в Александрии, которые получили название — Птолемейи. Проводимые каждые четыре года в честь Птолемея Сотера, эти игры состояли из атлетических состязаний, скачек, поэтических и музыкальных конкурсов, объединяющих представителей большинства греческих городов восточного бассейна Средиземноморья. Третьи Исолимпийские игры в 271—270 годах сопровождались необыкновенным триумфальным шествием, посвященным празднованию победы династии Лагидов в первой сирийской войне². Интересен тот факт, что в 269 году появился культ жрицы Арсиной Филадельфы, названной Канефорой («Носительницей золотой корзины»). Этот культ существовал наравне с культом жреца Александра, установленным Сотером. Вместе с этим по всей стране был введен новый налог, называемый *атомойра*. Взимали его с виноградников и фруктовых садов, принадлежащих частным владельцам, для того чтобы поддер-

жать культ «новой богини Филадельфы» во всех местных храмах. Это была последняя и, несомненно, самая эффективная мера. Можно предположить, что царица была популярна еще при жизни, учитывая огромное количество предпринятых мер по распространению ее образа и изображения. Это была первая царица, чье лицо стали чеканить на монетах³. Множество эпиграфических и иконографических свидетельств, таких, как статуэтки и стелы, выполненных иногда довольно грубо и наивно, лишний раз подтверждают догадку о необыкновенном почитании и поистине искренней всенародной любви к царице⁴.

Преемники Птолемея II шли уже проторенным путем, постепенно добавляя свои собственные культы к культам предшественников. Так, семья за семьей, династический пантеон регулярно обогащался, продолжая священную идеологию, которая все больше и больше укореняла род Птолемеев на египетской земле. Эпитеты, которыми наделялась каждая из семей, выявляют природу того почитания, на которое претендовали те или иные цари и царицы. Так, эпитет Сотер («Спаситель») был избран Птолемеем I и Птолемеем IX, Эвергет («Благотворитель») — Птолемеем III и Птолемеем VIII, а Эвхарист («Благодетель») — Птолемеем V. Эти имена свидетельствуют о защите и процветании, которые цари так хотели привнести в свое правление. Имя Эпифан (Птолемей V) недвусмысленно намекало на божественность царя, чье чудесное сошествие в мир смертных не устают прославлять его верноподданные. Другие эпитеты: Филадельф, Филопатор и Филометор — свидетельствовали о любовных связях или о мистическом почитании между различными членами одной династии. Таким образом, царская фамилия становилась некой моделью отношений, земным воплощением божественного генеалогического древа. Можно заметить определенную чрезмерность в этой царской теологии, которая постепенно обесценивалась, доходя в конечном счете до простого обозначения священного происхождения того или иного правителя. Так Клеопатра III стала «Исидой — Великой Матерью бо-

гов», а Птолемей XII был назван «новым богом Дионисом». Последняя Клеопатра в долгу не осталась: даже если в официальной документации не содержится никаких титулов царицы, то литературные тексты наряду с историческими документами не раз напоминают о том, что царица нередко появлялась в наряде Исиды-Афродиты⁵.

Фараон и египтяне

В контексте этой монархии священные права царя состояли в том, что он мог демонстрировать свое родство в отношении с богами. Будучи правителем Египта, монарх был в первую очередь избранником богов всей страны! В противном случае в глазах своих египетских подданных он казался бы не более чем главой иноземной нации. Александр вовсе не открыл путь своим последователям: его краткое посещение Мемфиса, где он любезно принял почести жрецов, благодаривших царя за освобождение города от персов, не позволило ему наметить даже в общих чертах политику отношений с местной религией. Провозглашение Александра Македонского фараоном (точное подтверждение чему еще не найдено) в любом случае оставалось ходом чисто формальным и быстро совершенным духовенством, которое радо было подчинить этого молодого иноверца странным и непонятным для него ритуалам. С другой стороны, жрецы с давних пор вели записи, в которых отмечалась любая смена власти. Каждого нового правителя они наделяли определенным набором титулов, становившихся эквивалентом власти фараона. Имя Александра, таким образом, писалось иероглифами на стенах строящихся на тот момент храмов. Имена других правителей, даже тех, кто ни разу в жизни не ступал на египетскую землю (например, брат Филипп Архидейский и сын Александра), будут также записываться на стенах тех или иных храмов.

Первый Птолемей понял, что он не может довольствоваться только пассивным одобрением со сторо-

ны местных жителей и прежде, чем официально стать царем, он предпринял ряд мер, направленных на создание собственного образа как идеального воплощения фараона. Возможно, что его сподвигли на эти действия некоторые из приближенных египтян, которым он позволил участвовать в Совете. Многие иероглифические тексты, оставшиеся на стелах и статуях, рассказывают о биографиях некоторых из египтян, современников Птолемея Сотера, занимавших высокие административные и военные посты⁶. Некоторые из них принадлежали даже к последнему царскому египетскому роду Нектанеба⁷. Тем не менее сложно точно оценить их роль и влияние на политику первого царя из династии Лагидов, так как отыскать какие-либо упоминания о них в греческих источниках практически невозможно.

Греческие авторы сообщают только об одном из высокопоставленных египтян при дворе Птолемея Сотера — о жреце из Себенита по имени Манефон, который появился только к концу правления Птолемея. Он исполнял роль эксперта по египетским делам во время правления Птолемея II, который приказал ему письменно вести историю Египта фараонов на греческом языке⁸. Можно предположить, что у Манефона были предшественники, которые информировали Птолемея о нравах и обычаях Египта, а также консультировали его о поведении в храмах и о египетских богах. Великолепная стела, названная «стелой Сатрапа», явственно носит отпечаток этого влияния⁹. Сообщая о дарственной передаче земель фараона храму в Буто, подтвержденную сатрапом Птолемеем, эта стела содержит эвлогию самого Птолемея. Эта эвлогия представляет собой краткое описание внутренней (обоснование в своей новой столице — Александрии) и внешней (поход на Сирию) политики царя. Очевидно, что такой хвалебный текст был внушен Птолемею его двором. Однако стиль, композиция, обороты, темы, использованные на стеле, выдают в авторе человека египетской культуры, прилежно передающего облик, который сатрап хотел придать себе самому и своей политике в глазах местного населения.

Позднее одно из направлений подобного хвалебного стиля приобретет необыкновенную популярность, так как к нему неоднократно будут обращаться авторы других текстов в течение следующего столетия. Основная тема таких сочинений заключалась в разыскании и возвращении в Египет священных статуй и других предметов культа, украденных или увезенных в Азию во время предыдущих вторжений в страну, например во время войны с персами¹⁰. Такой жест почитания богов оправдывал в глазах местного духовенства, к которому, собственно, и были обращены эти тексты, захватнические походы, принятые династией Лагидов.

С этого момента Птолемеи становились защитниками египетских богов, приравнивая себя к Хорсиесису — архетипу царей-завоевателей, чей род брал начало от великого бога Осириса, коварно убитого Сетом, который олицетворял образ иноземной угрозы.

Довольно сложно оценить реальное воздействие, которое оказывалось проведением подобных параллелей на египтян, близких к правителям. Можно, конечно, предположить, что похожие стелы могли воздвигаться во многих других храмах. Но если стела воплощала образ, который египтяне придавали предыдущим фараонам, то деятельность Птолемеев поистине должна была их впечатлить. Действительно, ни один из царей трех последних местных династий не преуспел ни в одном захватническом походе. Даже саисские фараоны двумя веками ранее одерживали лишь незначительные победы, впоследствии оборачивающиеся мучительными, постыдными поражениями, по крайней мере, это касается походов в Азию. Гениальность пропагандистского хода династии Лагидов состояла в успешном сопоставлении военных побед с проявлением благосклонности египетских богов. В качестве примера приведем одну фразу, ставшую клише в любой речи фараонов: «То, что сделали они, не совершалось прежде ни одним царем».

Фараон и боги

Предоставив храмам независимость во внутреннем управлении и организации, Лагиды сохранили за собой право жесткого экономического контроля, направленного на эксплуатацию земельных угодий и установление государством налогов, незаконно повышаемых иногда самими жрецами. Тем самым правители стремились установить тесные и постоянные связи между царским двором и местным духовенством. Поскольку общение непосредственно с каждым святилищем в отдельности было крайне затруднительным, Лагиды взяли за правило ежегодно созывать синоды, на которые съезжались представители храмов всего Египта. Вначале синоды проходили в самой Александрии или в ее предместьях (в Канопе), затем для большего удобства в Мемфисе. Мы знаем о созыве этих синодов только во времена Птолемея III и Птолемея VI¹¹, благодаря красочным стелам, которые теоретически должны были быть сооружены в каждом храме, дабы ознаменовать собой принятые решения. Некоторые из этих стел дошли до нас в более или менее хорошем состоянии. На многих из них сохранились образцы текстов, воспроизводящих один и тот же синодальный указ. Обычно он был записан в трех версиях: на греческом, на разговорном египетском (демотикой) и на священном языке (иероглификой). Эти постановления воздавали хвалу правителям за все благодеяния, свершенные ими по отношению к стране и богам, а также содержали отдельные отрывки, выражающие признательность духовенства.

Благодеяния, о которых идет речь, были по большей части реальными фактами, так как из трех наиболее сохранившихся декретов два посвящены великим военным событиям: памятная битва Птолемея IV, одержавшего победу над царем Селевкидом (Рафийский декрет)¹² и подавление Птолемеем V восставших египтян во время его пребывания в Ликонполе (Мемфисский декрет)¹³. Постановления, принятые синодом, касались статуи, предметов куль-

та, установленных в честь царя или его семьи, но в равной степени они рассматривали и общие вопросы по устройству храмов, по ведению жреческих служб, проходивших, естественно, под непосредственным наблюдением царя и его советников. Например, документ, названный «Канопским декретом», предусматривал создание во всех священных коллегиях пятой трибы, посвященной «богам Эвергета», и введение в календарь високосного года. Мало вероятно, что все синоды учреждали такие эпиграфические документы, так как тогда их было бы найдено огромное количество. Увековечивались только некоторые из постановлений в силу исключительных обстоятельств (победа при Рафии) или важности принятых решений. Нет никаких сведений, по какой причине подобные документы стали исчезать, начиная с правления Птолемея VI. Существует несколько версий: либо их упразднил сам синод, либо функции, которые они выполняли, свелись до нуля. В последнем случае ежегодная встреча фараона и жрецов должна была превратиться в пустую формальность, прежде чем окончательно устареть. Так как, начиная с правления Птолемея V, цари все чаще и все больше времени проводят в Мемфисе, то возможно, что представители различных храмов пользовались этой ситуацией, чтобы напрямую встретиться с царем, воздать ему почести и одновременно обратиться с жалобами.

Защита храмов

Как частные землевладельцы жрецы жаловались на незаконные поборы, число которых только возросло в сложившейся кризисной ситуации. Царские чиновники и в особенности сборщики налогов любыми способами стремились пополнить как царскую казну, так и свои собственные карманы. Жрецы имели еще особый повод для недовольства, который был связан с частым нарушением священного права убежища. Эта привилегия храмов, безмолвно при-

знанная еще со времен фараонов, оставалась в распоряжении жрецов, заботившихся об ограничении правонарушений со стороны государства. Этим правом чаще всего пользовались в смутные времена: должники пытались скрыться от кредиторов или от налогов, грабители убегали от царского правосудия и т. д. Местные власти или частные землевладельцы, соблюдавшие свои собственные интересы, все чаще поддавались соблазну нарушить закон, чтобы задержать несчастного должника или преступника, укрывшегося в храме. Однако жрецы и частные лица, оказывая покровительство тому или иному храму, получали от царя официальный документ, подтверждавший нерушимость священной территории вокруг святилища. Эти постановления, чаще всего написанные на греческом, но иногда и демотическим письмом, появлялись в огороженных, защищенных местах. В подтверждение этому факту существует множество примеров. Вот текст на одной из стел, найденной в местечке Теадельфия в Фаюме, датированный 19 февраля 93 года:

«Священное место по (царскому) указу. Проход нежелательным лицам запрещен. — Царю Птолемею (X) Александру, богу Филометору — приветствие (от лица всех) жрецов Исиды Сашипсиды, великой первой появившейся богини храма в Теадельфии. О великий царь, повелевший, чтобы алтарь остался святым местом, как то было и при предшественниках! Это правило, почитавшееся и являвшееся важнейшим во все эпохи, нарушается теперь некоторыми безбожниками, которые ведут себя в храме неподобающе! Они не только силой изгоняют просителей, приходящих сюда в надежде найти убежище, но также, используя грубую силу, святотатствуют, оскорбляя ту любовь, которую ты проявляешь к Божественному и в особенности к богине Исиде. О великий святой царь, мы просим тебя издать указ, повелевающий, чтобы вышеуказанный храм стал местом убежища, а священное место было бы ограждено с четырех сторон на расстоянии 50 локтей (=25 метров) каменными стелами, с надписью: «НЕЖЕЛА-

ТЕЛЬНЫМ ЛИЦАМ ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН». Это, о великий царь, в твоих же интересах, ибо тогда жертвоприношения, жертвенные возлияния вина, а также другие церемонии, установленные в честь тебя, твоих детей и родственников, восхваляющие Исиду и Сараписа, станут проходить лучше, и мы тем самым сможем возблагодарить тебя за твои благодеяния. Всего хорошего. (Ответ Царя:) Лисанию (стратегу нома), исполнить (по ходатайству жрецов). 21 год, 7 день месяца Мехира»¹⁴. Такие документы, подбадривавшие жрецов и одновременно увеличивающие влияние храма, в равной степени служили и укреплению царского престижа, демонстрируя на глазах у всех облик чуткого к страданиям слабых, уважающего авторитет местных богов и без колебаний пресекающего злоупотребления своих подданных.

Царская «филантропия»

Желая покончить с кризисами, которые только усугублялись в течение двух последних веков, царская власть не раз обращалась к практике проведения целого ряда амнистий. Самый древний из подобных декретов был обнародован Птолемеем V Эпифаном в 186 году. Тем самым он желал покончить с печальными последствиями великой гражданской войны, которая опустошала страну на протяжении большей части его царствования. Наиважнейшим и самым известным стал декрет Птолемея VIII и его двух жен, объединившихся после бесконечной династической войны (с 132 по 119 год). Вот несколько отрывков из этого документа:

«Царь Птолемей (VIII), царица — сестра Клеопатра (II) и царица — супруга Клеопатра (III) объявляют всем своим подданным об амнистии по любым проступкам, преступлениям, обвинениям, осуждениям и правонарушениям всех видов, совершенным до 9 числа месяца Формутия 52 года (28 апреля 118 года), за исключением убийств и святотатства.

Они объявляют, что воры, беглецы, а также винов-

ные в других правонарушениях должны будут вернуться к местам своего проживания и приняться за мирный труд. Они смогут вернуть себе свое добро, конфискованное у них за проступки, но лишь в том случае, если оно еще не будет к тому времени продано».

Наряду с многочисленными мерами по возвращению долгов и уплаты налогов также предпринимались действия по пресечению злоупотреблений лицами, обладавшими публичной властью. Некоторые пункты касались местных храмов:

«И они утвердили, что священная земля и доходы, принадлежащие храмам, остаются в их распоряжении и что храмы будут продолжать получать апомайру (прибыль), которую по обычаю они получают с виноградников, садов и других земель [и они утвердили, что расходы на захоронения (быка) Аписа и (быка) Мневиса будут покрываться доходами царского двора, как и в случае со священными персонами...].

И они установили, что стратеги и другие подданные не смогут принуждать никого из жителей страны работать на себя, а также не смогут силой отбирать скот для своих собственных нужд. [...]

И что ни стратеги, ни представитель царской семьи, ни города, ни храмы не смогут ни под каким предлогом никого арестовать из-за долга, ссоры или частного дела, ни посадить в тюрьму. Только в том случае, если они кого-то обвиняют, должны предоставить обвинение в магистрат, существующий в каждом номе, и обязаны придерживаться решения, принятого по существующим правилам и декретам»¹⁵.

Даже название этих мер — *филантропия* — обозначает настроение, в котором подобные меры были достигнуты. По ту сторону практических интересов царской династии, направленных на восстановление доверия через уплату долгов, эти декреты позволяли правителям Эвергетам выступить в роли благодетелей человечества и продемонстрировать свою любовь за счет уступок храмам.

Путешествия по провинции

Довольно часто царская семья покидала александрийские дворцы для того, чтобы оказаться в хоре в качестве обыкновенных владельцев своего домена, уважая, однако, старое табу, которое запрещало фараонам переправляться по Нилу во время половодья и, соответственно, ограничивало их возможности предпринимать поездки на Юг до четко обозначенного времени года¹⁶. Эти путешествия, о которых оповещалось заранее, всегда сопровождались различного рода слухами, даже если не было точно известно, воспользуются ли правители великолепной *таламегой*. Это был настоящий плавучий дворец, сконструированный еще для Птолемея IV! Однако внушительные размеры и скромные судоходные характеристики этого пышного сооружения сводили практически на нет его навигационные способности. Таким образом, использование корабля ограничивалось короткими экскурсиями по озеру Мареотис или же по каналу, ведущему в Каноп. Как раз такая поездка и становилась единственной возможностью для местного населения, египтян или греков, обосновавшихся в провинции, наблюдать царя-фараона и его супругу — настоящих живых богов, чье появление пробуждало надежду у большинства и недовольство у некоторых. На самом деле, народный энтузиазм скорее был плодом наивного восхищения перед помпезностью кортежа, нежели убежденностью в том, что правители пришли как поборники справедливости воздать каждому по заслугам.

Эта вера в царскую милость проявлялась несколько иначе. Она воплощалась в лавине жалоб и ходатайств, поступающих на имя царя. Все документы просматривались и лаконично подписывались. Затем их передавали огромной армии секретарей, являвшихся неотъемлемой частью царского кортежа. Эти жалобы подавались как от отдельных лиц, жреческих коллегий, так и от целых профессиональных групп. Примером тому может служить просьба, поданная от жрецов храма Хнума, находившегося в го-

роде Элефантине. Это ходатайство было передано Птолемею IX во время путешествия царя в сопровождении своей бабушки и матери в 115 году¹⁷. Таким же образом царь возлагал на себя все обязанности великого фараона, торжественно открывая священный храм, работы над которым закончились как раз во время его путешествия. Это был Птолемей VIII, освятивший храм в Эдфу 10 сентября 142 года. Помимо подписания распоряжений царь мог отслеживать работы по строительству, как это делал Птолемей II в храме священного овна в Мендесе¹⁸. Любые поводы были хороши для того, чтобы продемонстрировать интерес, который проявлял царь к местным культам, даже если совершаемые ритуалы проходили на незнакомом ему языке и тем самым могли поставить его в затруднительное положение, которое сопоставимо только с тем, что мог бы испытывать британский король во время приветственной церемонии, устраиваемой в его честь африканским племенем! Так, пожалуй, выглядел Птолемей VI в Фивах, вводя в храм Амона нового быка Бухиса, священного животного бога Монту, во время своего путешествия по Верхнему Египту в 157 году¹⁹.

Царская жизнь

Несмотря на нечаянную удачу создатель новой династии Птолемей I вел жизнь строгую и простую. Его долгая служба, проходившая во время военных кампаний Филиппа II и Александра, не располагала к ведению роскошного образа жизни. Такого положения вещей он продолжал придерживаться и тогда, когда стал правителем Египта, и даже тогда, когда он присвоил себе царский титул. Однако с его преемниками ситуация складывалась полностью противоположная. Его сын Птолемей II, утверждая культ обожествленных правителей, должен был отличаться от простых смертных абсолютно другим образом жизни. Поэтому интерьер его дворца был пышно декорирован редчайшими для того времени материала-

ми: мрамором, алебастром, порфиром. Постепенно Птолемей II ввел торжественные царские ритуалы, тщательно имитирующие восточные традиции, которые со временем стали управлять жизнью «друзей», соратников и советников царя, а также огромным количеством его слуг. Вначале царь отличался от остальной знати только ношением диадемы (при этом не было никакого различия в одежде), так называемой *тении* — простой ленты, повязанной вокруг головы, которая являлась традиционным и священным символом царской власти в Македонии. Вскоре облачение в дорогие одежды во время многочисленных пиров, задававших определенный ритм жизни двора, стало правилом для царя. Изобилие и утонченный вкус подаваемых на этих торжествах блюд были составной частью богатства царя, специально выставленного для гостей и послов. Царь и царица иногда своим собственным видом демонстрировали благосостояние, а их отеканенное на монетах изображение часто сопровождалось символическим рогом изобилия. Тогда как внешние границы Египта ослабевали, правитель династии Лагидов требовал все больше и больше так называемой *трифе* («пышности»), отождествлявшей царя с Дионисом. Такая жизнь не переставала шокировать римлян, еще к тому времени руководимых суровой моралью *mos maiorum* («обычаи предков»). Так, когда Сципион Эмилиан, еще к тому времени находившийся под впечатлением своей победы над Карфагеном, высадился в Александрии в 139 году, он был принят Птолемеем VIII, потерявшим всяческие формы из-за «жирности и необъятности своего живота, который он с трудом мог охватить руками. Одет он был в ниспадающее до самых ступней платье с рукавами до запястий»²⁰.

Другой автор добавляет: «Свои объемы царь подчеркивал ношением чрезмерно вызывающего костюма. Казалось, он старался продемонстрировать другим то, что любой приличный человек на его месте пытался бы спрятать»²¹. Это длинное платье придавало правителю сходство с богом Дионисом, что

он подчеркивал еще и ношением лаврового венка. Для римлян такой вид Птолемея был ужасен. Но сам «повелитель Верхнего и Нижнего Египта» никак не мог этого понять и только еще более настойчиво пытался продемонстрировать свое почтение, выставляя перед ними великолепие и пышность собственной персоны, которые должны были отождествляться со сказочным богатством Египта²².

Однако не все римляне были настолько глухи к довольно специфической этике александрийского двора. Вспоминается Марк Антоний, о котором ходит множество историй. Многие из них иллюстрируют тот роскошный образ жизни, который он вел с Клеопатрой. Разнузданная роскошь «неподражаемых» служила только на руку все возрастающей популярности Октавиана. Расточительность власти достигала необычайных размеров. Характерный пример приводит Плутарх²³: царского повара однажды спросили, для какого грандиозного приема готовятся восемь огромных кабанов; повар ответил, что ожидается не более двенадцати гостей; возможно, они захотят только пить вино, но все блюда должны быть готовы к моменту их прихода на всякий случай... Верная династическим идеалам *трифе* Клеопатра чувствовала себя обязанной держать стол, достойный богов!

Система египетских титулов

Ритуал посвящения в фараоны был полностью признан египетским духовенством за династией Лагидов, даже если последние не принимали лично участия в традиционных церемониях, где царю отводилась ведущая роль. Это признание проявлялось в довольно яркой и сложной манере иероглифической титулатуры каждого из царей и некоторых цариц. Такая практика не была новшеством, так как даже два первых персидских царя имели титулы фараонов, сокращенные, правда, всего до двух имен²⁴. Александр, два его македонских последователя и оба

первых Птолемея имели право на обычно построенное титулование, которое было, однако, мало интересным и неоригинальным. Такой порядок перечисления титулов традиционно содержал в себе не менее пяти слов, расположенных по определенной схеме. Каждое новое слово вносило специфический оттенок, два последних были вписаны в рамку. Совокупность названий должна была вызвать представление о божественном происхождении царя, которое устанавливалось со времени его коронации и определялось его отношением с богами и со страной. Так, Птолемей II назывался «*Хор, молодой Силач, (Повелитель) двух богинь, великий в доблести, золотой Хор, Тот, кого породил (во славе) его великий отец, царь Верхнего и Нижнего Египта, Всемогущий Ка бога Ра, возлюбленный Амона, Сын Ра — Птолемей*»²⁵. Все эти имена условны, кроме третьего, которое намекает на коронацию царя его собственным отцом Птолемеем I и, таким образом, доказывает законность его власти.

Начиная с правления Птолемея III, перечисление титулов редко увеличивалось в количестве. В самые великие для истории фараонов времена жрецы пускали в ход всю свою эрудицию, чтобы выстроить царские титулы в какой-нибудь специфической последовательности. Пышный мемфисский указ, более известный под названием «Розеттский камень», полностью был посвящен перечислению иероглифических титулов Птолемея V на демотическом и греческом языках: «*Молодой Хор, который (во славе) появился на троне своего отца, (Повелитель) двух богинь, великий в доблести, царствующий на Обеих Землях, великолепно управляющий своей Страной, чье благое сердце обращено к богам, золотой Хор, который улучшил людскую жизнь, повелитель празднеств подобный Птаху, правитель, подобный Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, наследник богов, возлюбивший своего отца (= Птолемей IV и Арсиноя III Филопатор), избранник Птаха, всемогущий Ка бога Ра, живой образ Амона, Сын Ра — Птолемей, живущий вечно, возлюбленный Птаха, появившийся*

Бог (= Эпифан), повелитель блага (= Евхарист)»²⁶. Греческая версия достаточно верно сохраняет все эпитеты, заменяя лишь имена богов: Птаха — на Гестаста, Ра — на Гелиоса, Амона — на Зевса.

С Птолемея VI до Птолемея XII этот неизменный набор царских титулов претерпел небольшие изменения, связанные с введением новых тем, как, например, новое имя, рассматривающее царя в качестве брата-близнеца живого бога Аписа, источником которого стало, скорее всего, реальное совпадение даты рождения Птолемея VI с рождением священного быка Аписа в 186 году. В конце концов, даже сама Клеопатра VII была наделена только несколькими определениями, среди которых значилось имя Хора и одна единственная рамка с тем же самым именем, как и у ее предшественницы Клеопатры I. Такой скромный набор титулов означает отношение египетского духовенства, которое не могло позволить, чтобы женщина полностью взяла на себя теологическую роль, по праву принадлежащую фараону. Именно Птолемей XV Цезарь, которого изображали на огромной южной стене храма в Дендерах, обогнал свою мать в качестве титулованного фараона. Однако жрецы не наделили царственного ребенка каким-то особым титулом, его первая рамка в имени была лишь копией с рамки его деда Птолемея XII, что было несомненным знаком некоторого замешательства со стороны жрецов в точном определении законности власти сына великого Цезаря.

Верность жречества

Анализируя складывающуюся ситуацию, можно прийти к выводу, что престиж и даже авторитет монархии Лагидов в стране по большей части базировались на признании местного духовенства. Можно проследить способы и механизмы, задействованные для утверждения этого признания и, как следствие, преданности власти. Теперь необходимо сказать о реальной эффективности предпринятых

царями мер. Можно сомневаться в искренности жрецов по отношению к режиму, который представлял интересы иноземного народа, тем более что представители именно этой нации занимали все руководящие посты в экономике и управлении страной. Часто те или иные решения, принятые греками, совершались в ущерб интересам древней священной касты. Но разобщенность самого слоя египетского духовенства, проявлявшаяся как в географической удаленности, так и в существовании жесткой социальной иерархии, дает основание предполагать, что единодушие в том или ином случае не могло быть достигнуто. Само духовенство делилось внутри себя на две части: «союзников» и противников. К несчастью, о последних осталось очень мало свидетельств. Естественно, удобней было упоминать о тех египетских жрецах, которые сознательно шли на службу интересам государственной политики, для того чтобы получить из этого выгоду для самих себя и для своих храмов.

Мемфисское духовенство представляет особый случай. Престиж культов этого города по всему Египту, в особенности культа, посвященного быку Апису, был огромен и не мог пройти мимо внимания власти, которая демонстративно оказывала знаки особого уважения к местным верованиям. Таким образом, все Лагиды, начиная, по крайней мере, с Птолемея V, а может, и ранее, короновались на царствование в храме Птаха, следуя древним ритуалам. Великий жрец бога Птаха — глава духовенства этого храма — был человеком, всячески облагодетельствованным правителями. Естественно, не случайно этот пост брал на себя один из членов царской семьи на протяжении всего правления птолемеевской династии. Такая ответственная должность не могла попасть в чужие руки: передача престола по наследству должна была иметь хотя бы относительную гарантию. А верность царской семье такую гарантию предоставляла. Многие из жрецов оставили после себя похоронные стелы на иероглифическом и демотическом языках, иногда с автобиографическими текстами, которые

позволяют нам лучше понять природу отношений этого привилегированного класса с Лагидами:

«Я отправился в греческую царскую резиденцию, которая находилась на берегу [Великого Зеленого] моря (Средиземное море) на западном берегу Канопского пролива, имя которой Ракотис. Царь Верхнего и Нижнего Египта, бог Филопатор Филадельф, молодой Осирис (Птолемей XII) появился во дворце в благополучии и здравии, он отправился в храм Исиды [...], он принес [богине] большое количество обильных даров. Когда он выехал из храма Исиды на своей колеснице, он сам остановился передо мной и надел на мою голову диадему из золота и драгоценных камней, на которых было выгравировано изображение царя. Так я стал его жрецом, и он издал царский указ для всех городов и номов, говоря: “Я повышаю этого жреца в должности, до великого жреца Птаха Псенптаиса, я дарую ему доход от храмов Верхнего и Нижнего Египта”»²⁷.

Взаимовыгодный обмен услугами очевиден: царь торжественно и публично возвел мелкого служителя культа в сан великого жреца бога Птаха, когда новоиспеченному жрецу было не более четырнадцати лет. Тот, в награду за оказанную ему милость, должен был совершить ритуал узаконивания — то есть коронации — над царской особой. В этом случае отношения между царем и жрецом базировались на взаимной поддержке. Никто из духовенства Египта не мог претендовать на такого рода обращение. Многие из жрецов играли похожую роль, но только в местном масштабе. Однако некоторые из них, совершавшие не менее почетные службы, как, например, служители бога Амона в Фивах, имели законные основания чувствовать себя обделенными особой милостью, которой пользовались их соратники из Мемфиса. Неудивительно, что некоторые жрецы использовали все возможные уловки, чтобы привлечь к себе внимание правителей. Фрагмент остракона, найденного в мемфисском некрополе, повествует о некоем Хоре, сыне Харендота, жреца Исиды и Тота из провинции Себеннитос²⁸. В 168 году во время драматических со-

бытий, связанных с вторжением в Египет Антиоха IV, когда тот смог даже надеть облачение фараона в Мемфисе и уже осаждал Александрию, Хор утверждал, что его во сне посетили боги:

«И тогда Исида, великая богиня Египта и Сирии, прошла по водяной глади Сирийского моря, а Тот шел позади нее, держа ее за руку. Она подошла к вратам Ракотиса и сказала: “Ракотис спасен от разрушения”»²⁹.

Хор утверждал, что этот сон предвещал отступление армии Антиоха 30 июля текущего года. Он продолжал: «Я доложил об этом сне стратегу Эйренею 11 июля 168 года, в то время, когда Клеон, командующий армией Антиоха, еще не покинул Мемфис»³⁰. Эта последняя ремарка явно рассчитана на то, чтобы убедить, что предсказание было раньше самого события. На самом деле, вопреки утверждениям Хора, Эйренею следовало быть человеком более скептическим, так как он ждал исполнения воли оракула, чтобы послать Хора в Александрию с письмом, адресованным царской фамилии: «Я передал письмо фараонам в великом Серапеуме Александрийском 29 августа 168 года, я поприветствовал Александрию и весь народ, который собрался здесь, благодаря молитвам фараонов. Никто не мог оспорить, что [мой сон] касается отступления Антиоха и его армии»³¹. Хор за счет проверенной а *posteriori* истинности своего божественного откровения надеялся привлечь внимание и доверие царской династии. Еще в течение нескольких лет он продолжал посылать в Александрию отчеты о своих снах, которые могли бы заинтересовать Двор, чередуя их с прошениями, касающимися культа. Именно служение богине Исиде составляло все его средства к существованию, в частности, пищу и похороны священных ибисов Тота, то, чем он занимался в мемфисском некрополе. Как Распутин два тысячелетия спустя, Хор также должен был играть на заботах и волнениях царей о наследном принце, Эвпаторе, который, как известно, умер на заре своей юности³². Подтверждением тому служат, по крайней мере, два найденных черновых

варианта письма, обращенного к монархам. Мы можем только восхищаться ловкостью этого простого служителя культа, легко манипулирующего тревогами и легковерностью царской семьи. Это была единственная победа коренного населения над иноземными хозяевами!

Идеология сопротивления

Нам практически ничего не известно о деятельности местных повстанцев, которые неоднократно угрожали правлению Лагидов в Египте³³. До нас не дошло ни одной программы, ни одного текста, изображающего угнетателей и оправдывающего действия восставших. Все, что нам известно об их идеологии, можно вычитать из скромного списка титулов трех представителей египетских царских родов, которые — один за другим — посвятили себя «национальным революциям». Так как эти таинственные фараоны не оставили после себя ни одного иероглифического текста, мы знаем их титулы только по демотическим документам. Первые два — Хургонафор и Шаоннофрис — оба были «возлюбленные Исиды и Амона-Ра, царя богов», что позволяет предположить причастность духовенства из Филе и Фив к захвату власти. Гордо провозглашая себя «сыном Осириса», последний из взбунтовавшихся фараонов — Харсиесис — отстаивал свое право на теологическую законность своей власти, в отличие от греческих царей, которых он рассматривал как безбожников и узурпаторов.

Кроме очевидности этих титулов и некоторых размытых намеков, возможное участие духовенства в этих возмущениях всегда оставалось открытой темой для домыслов. Все свидетельства о поддержке храмами восставших тщательным образом вымарывались жрецами-«соратниками» царской власти. Единственный след, который остался о повстанцах — это упоминание о возмущениях из-за боязни репрессий царской власти против всего священного класса жрецов. В тех редких документах, где сохра-

нились упоминания о восставших, их деятельность оборачивалась против них же самих. Так, в тексте о провале бунта Харсиесиса этот фараон был назван «Врагом Богов»³⁴, определением, которое он сам хотел применить к Птолемею VIII в своей «идеологической борьбе».

Однако существует единственное упоминание, свидетельствующее о сильных недовольствах местного населения, послуживших почвой для восстания. Этот текст, написанный на трех папирусах в римскую эпоху, известен под названием *Оракул Гончара*³⁵. Удивительным образом он был написан на греческом языке, но при этом явно переведен с демотического. Этот текст представлял собой рассказ о пророчестве, касающемся будущего Египта, сказанном гончаром в эпоху древнего царя по имени Аменхотеп. Этот жанр литературы восходит, по крайней мере, к Среднему Царству. Принцип был прост: человек (или иногда животное), наставляемый божеством, начинает пророчествовать перед фараоном, возвещая одновременно об апокалиптических несчастьях для страны и о приходе спасителя, который положит всему этому конец. Так как авторы подобных текстов всегда намекали на актуальные для них события, служившие главной темой для пророчеств, то достаточно определить эти аллюзии, для того чтобы вывести точную дату подобного текста. В *Оракуле Гончара* основная тема — это разрушение и разорение города «на берегу моря», который был заселен иноземцами и назывался «городом носителей поясов (городом солдат?)» или же «строющимся городом». Несложно провести параллели с Александрией, тем более что последний перифраз (*Ktizonémè polis*) очень хорошо передает египетское значение названия столицы Лагидов — *Ракотис* («стройка») ³⁶. Жители этого проклятого города назывались «тифонами» (то есть «поклоняющиеся Богу Сету», по-гречески этот бог назывался Тифоном), который в Египте той эпохи олицетворял зло.

Эти иноземцы (ясно, что речь идет о греках) разрушат себя сами, так как ненависть и убийства разо-

рят и погубят их семьи (возможно, здесь содержится намек на династические войны II века). Египетские землепашцы будут притеснены, их задушат налогами настолько, что им нечего будет сажать и «они убегут в земли Верхнего Египта». В принципе, именно это и было одной из главных причин разорения деревень Лагидов. Исключительно собственное безбожие «строителей» повлечет за собой смерть хозяев проклятого города. «Переделывая образы богов» (то есть эллинизируя традиционные представления о божествах), «они затмят последних». Это упоминание является достаточно ясным намеком на культ Сараписа, введенный Птолемеем I. «И тогда Агатос Даймон покинет строящийся город (= Ракотис — Александрия) и уйдет в Мемфис, являющийся отцом всех богов». Из этого документа видно, до какой степени Александрия, греки и режим правления Лагидов вызывали ненависть у местного населения. Надежда на реабилитацию власти местной египетской элиты связывалась также со знаком божественного вмешательства. Многие ожидали знамения о будущем спасителе, который восстановит Мемфис как столицу и вернет старый режим. Эти настроения только подогревали надежды египтян.

ГОРОДА И ПРОВИНЦИИ

Общий обзор

Благодаря своему привилегированному географическому положению на стыке стран Африки и Средиземноморья, одновременно принадлежа и тем и другим, Египет, таким образом, занимает совершенно особое место в античном мире. Центр стратегических интересов всех стремящихся к мировому господству империй, он всегда становился объектом притязания завоевателей, как только подобные амбиции могли воплотиться. Поэтому трудно определить стечением обстоятельств тот факт, что с VI века египетский народ утрачивает право на управление своей собственной судьбой, которое им уже не будет обретено, не считая быстротечных и редких периодов своей истории, вплоть до середины нашего столетия вместе с исчезновением последних империй, британской и французской, рассматривающих долину Нила в качестве ключа своей гегемонии. Обетованная земля для соседних народов, напряженно работающих на бесплодных землях, то сжигаемых засухой, то одолеваемых бурями, Египет предстает как образ изобилия, безразличного к капризам природы, благодаря регулярным загадочным паводкам, несущим ему жизнь и благоденствие посреди враждебной пустыни. Его фауна — ибисы, обезьяны, львы, как и расти-

тельный мир — пальмы и заросли папируса, характерные для африканских краев, и при этом то непреодолимое влечение, которое испытывали к Египту его северные соседи Средиземноморья, — все это вдохновляло на создание множества произведений искусства, в которых авторы предавались мечтам об экзотической стране, примером чему являются нильские пейзажи в знаменитой мозаике Пренеста¹.

Во времена Клеопатры Египет — это уже древняя страна, чья история насчитывает около трех тысячелетий. Его границы, определившиеся в силу исключительных географических условий, не претерпели никаких изменений со времен постройки пирамид. Эти рубежи не смог преодолеть и современный Египет, а, с точки зрения античного мира, линейность его определившихся к концу прошлого века границ, опоясывающих пустыню подобно параллелям и меридианам, выглядит удивительно. Основное полезное пространство составляют долина и дельта Нила. К нему следует также отнести оазисы западных пустынь, обширные низины, в которых грунтовые воды Сахары выходят на поверхность, иногда даже образуя в глубине впадин постоянные озера, как, например, в провинции Фаюм, в дельте одного из рукавов Нила. К полезному пространству на востоке страны, где простирается Аравийская пустыня с ее сильно пересеченным рельефом, можно добавить только рудниковые месторождения. Побережье Средиземного моря, окаймляющее дельту на севере, подобно водам Красного моря на востоке, негостеприимно и малоблагоприятно для мореплавателей. На юге граница традиционно проходит в окрестностях Асуана, в том месте, где поднимающиеся от самого моря вверх по реке лодки встречают первое препятствие на своем пути в виде порогов, образующихся водопадом. По другую сторону расположена Нижняя Нубия, территория естественным образом присоединенная к Египту и обозначаемая как Додекаскен, исходя из того расстояния (12 схенов = примерно 120 километрам), на которое она простирается от острова Элефантина. Этот район был отвоеван у ну-

бийского царства Мероэ при правлении Птолемея II². Последний смог также вернуть золотые рудники Вади Аллаки, печально известные своей эксплуатацией рабов и тем самым навеки запятнавшие память о Лагидах³.

В III веке Птолемей I и трое его преемников, кроме Египта, владели огромной империей. Она включала как зоны традиционной экспансии фараонов в Палестине и Сирии, так и регионы, куда до сих пор власть фараонов не распространялась: на западе — Киренаику, на севере — Кипр, Крит, Ионийские и Кикладские острова, многочисленные города в Малой Азии и даже далекую Фракию. Точнее говоря, речь шла не о чисто «египетской» империи, а скорее о личных владениях правителя Египта, рассматривавшего каждую из этих территорий в отдельности в соответствии с традициями ее населения, с уважением относясь к автономии греческих островов и обычаям местных общин, как, например, к евреям в Палестине. Династия Лагидов постепенно утратила эти земли в течение последующих двух веков. Это произошло в период между правлениями Птолемея IV и отца Клеопатры, который был вынужден лишь беспомощно наблюдать за завоеванием Римом последнего оплота Птолемеев — Кипра. Довольно быстро Клеопатра вернет часть империи своих предков⁴, но это произойдет уже по доброй воле одного из римских *императоров*, Марка Антония, распорядившегося по своей прихоти завоеванными Римом территориями. Даже если бы все эти области, одна за другой покоряемые и утрачиваемые, позволили бы Лагидам усилить их мощь, единственным оплотом последней всегда бы оставалось бесспорное владычество над странами Нила.

Население

Египет времен Клеопатры представлял собой страну с очень высокой плотностью населения, являясь, без всякого сомнения, самым густонаселенным государством античного мира. Исключительная пло-

дородность его почвы, орошаемой и удобряемой па-
водками, изобилие и регулярность которых вызыва-
ли удивление и восхищение всех древних авторов,
позволяла прокормить быстро разрастающееся на-
селение. Такая ситуация тем более заслуживала вос-
хищения, что сводилась она только к орошаемым
Нилом землям. Плодовитость местных женщин, ко-
торая объяснялась поразительной частотой рожде-
ния близнецов, была к тому же общеизвестным фак-
том. Что касается самой численности населения, то
мы не обладаем совершенно никакими достоверны-
ми средствами для ее подсчета. Конечно, при Лагидах
в целях сбора налогов проводились переписи насе-
ления, но только один из недавно опубликованных
греко-демотических папирусов дает нам представле-
ние об одном из трех подразделений Фаюма времен
правления Птолемея III⁵. Сделав поправку на опас-
ность обобщения, опираясь на данные только по од-
ному региону, можно тем не менее сделать вывод о
вероятной величине народонаселения.

Определяя общее количество подданных, облага-
емых соляным налогом — в действительности своего
рода подушная подать, составитель папируса, о кото-
ром идет речь, включил в перепись 229 года около
11 тысяч жителей, переступивших порог совершен-
нолетия, мужчин и женщин западного района Фаю-
ма. Если добавить в соответствующей пропорции не
включенных в эти списки детей и военных, а также
учесть сопоставимые величины по северным и юж-
ным регионам, вводя дополнительную поправку для
городского населения столицы Арсинои, Фаюм мог
бы насчитывать от 50 до 100 тысяч жителей. Таким
образом, Фаюм, который, кажется, фигурировал сре-
ди самых густонаселенных регионов, в соответствии
с занимаемой площадью, по сравнению с остальным
Египтом, насчитывал от 20 до 25 тысяч человек. Вы-
сказываясь в пользу самых высоких показателей, мы
в этом случае получили бы цифру в 2,5 миллиона жи-
телей страны за исключением Александрии.

Диодор Сицилийский, опирающийся в своих рас-
четах численности населения птолемейского царст-

ва 60-х годов на жреческие источники, выдвигает следующие цифры: население Египта в этот период (без сомнения, включая Александрию) могло составлять 3 миллиона человек⁶, что хорошо согласовывалось бы с тем максимумом, который был предложен в локальной переписи населения 229 года. Основываясь на этих расчетах, которые большинство ученых склонны рассматривать как заниженные, в качестве средней плотности населения долины и дельты мы получим примерно 125 жителей на квадратный километр. Подобная величина, превосходящая плотность населения современной Франции, не должна вводить в заблуждение: ее следует, скорее, сравнивать с плотностью современного внепустынного Египта, превосходящей ее в 12—14 раз. С этой точки зрения, а именно занимаемой площади, соотношение между Египтом времен Клеопатры и различными странами средиземноморской Европы, находившимися под господством Римской империи, следует рассматривать как соотношение между современным Египтом и странами Западной Европы, то есть примерно в соотношении десять к одному.

Для приезжего иностранца египетская сельская местность должна была показаться почти бесконечной чередой густонаселенных деревень, отстающих друг от друга максимум на три-четыре километра, дающих приют до тысячи жителей, хотя также хорошо известна деревня в Фаюме, насчитывавшая всего три человека. Теокрит⁷ при Птолемее II насчитывал 33 333 таких деревни, что примерно соответствует количеству общин в современной Франции. Такие цифры, кажущиеся невероятными, конечно, не имеют в своей основе официальных данных, несмотря на то, что Диодор⁸ и Плиний Старший⁹ приводили сравнимые величины. В любом случае они прекрасно иллюстрируют то впечатление, которое оставляла о себе египетская провинция. По сравнению с последней города должны были часто казаться разросшимися селами, отличавшимися друг от друга только своей административной ролью и значительностью религиозных сооружений.

Большие потрясения, отразившиеся на экономической географии и распределении населения Египта в период между правлением фараонов и эпохой Клеопатры, определили само появление Александрии. Город, основанный Александром в январе — апреле 331 года на насыпном валу, отделявшем Средиземное море от озера Мариотис, а на западе от канопского устья Нила, становится при царствовании Птолемеев центром власти. Переезд царской резиденции в новый город не был по своей сути чем-то революционным для Египта. Многие фараоны прежде решали вопрос о выборе столицы, а иногда и строили ее в какой-нибудь девственно чистой местности, до этого необитаемой, как, например, Эхнатон-Амарну или Рамзес II-Пер-Рамзес. В то же самое время прежде никто никогда не помышлял превратить столицу Египта в порт. Почти за три тысячи лет существования Египта ни один из фараонов не основал ни одного настоящего порта на Средиземноморье, чьи низкие и зыбкие берега практически не представляли никакого естественного убежища от опасных течений и ветров. Если создание большого портового города сразу открывало Египет миру средиземноморских стран, то его выдвигание как центра царской власти понижало уровень всей остальной страны до статуса сельскохозяйственной провинции, поддерживающей его торговлю. С этой, строго говоря, экономической точки зрения Птолемеи превратили Египет в сельскую местность для одного греческого города. Последний, построенный внутри обширного пространства по гипподамовскому плану, начерченному самим Александром, стал очень быстро развиваться, что вскоре превратило город в самый крупный населенный пункт античного мира. И только Рим во II веке смог затмить его.

Основав Мусей и знаменитую Библиотеку, Птолемеи превратили свою столицу в монументальный город и культурный центр первой величины. Александрия — это, конечно, прежде всего город в том

значении, в котором понимали его греки, а именно полис, имеющий все необходимые учреждения, хотя и лишенный политических органов, гарантировавших ему недопустимую для царской власти автономию. Как и в любом греческом городе, основой Александрии служило гражданское общество, делившееся на демы и трибы («род, сообщество»), доступ в которые египтянам в принципе был запрещен. Последних только терпели в столице. Для ограничения их доступа предпринимались соответствующие меры во избежание египтизации города, призванного быть лицом эллинизма. Естественно, что египтяне относились к этому иностранному городу, расположенному на их земле, с подозрением, если не сказать с презрением. Несмотря на многочисленные попытки со стороны официальных властей, самая ранняя из которых датируется 311 годом, греческие цари так и не смогли заставить местное население принять название Александрии, на ее коренном языке имеющее значение «города Александра». Единственное имя, которое египтяне давали своей новой столице, было Ra-qed (в греческом варианте Ракотис), и именно в таком виде оно было воспринято коптами в византийскую эпоху. Его оригинальное значение — «строительство» или еще точнее — «строительная площадка» сразу недвусмысленно намекает на то реальное состояние, в котором пребывала Александрия в первые десятилетия, следовавшие после ее основания в 331 году. Такое обозначение конечно же несет значительный социальный подтекст: коренное население, принципиально исключенное из гражданского городского общества, продолжало тем не менее в нем жить в качестве рабочей силы на строительстве общественных и частных зданий, которое управлялось подрядчиками греками. Именно в соответствии с традициями и религией своей страны рабочие так окрестили строящийся иностранный город, и по этой причине тот никогда не смог интегрироваться в культурную и религиозную географию Египта, оставаясь в глазах коренного населения только «стройкой». Позднее, в правление Пто-

лемя VIII, это египетское название Александрии было переведено на греческий автором-эллинофобом «Оракула Гончара», который предсказал разрушение города, не называя его явно¹¹. Любопытно, что, начиная со Страбона, трактовка названия Ракотис греческими и латинскими авторами будет неверной; последние усматривали в нем почетное египетское обозначение векового сооружения, на месте которого Александр должен был основать свой город, и ошибочно полагали, что именно к нему относились найденные их современниками следы древних памятников. Нет никаких сомнений, что такая интерпретация проистекала из желания предоставить престижному городу законное основание для притязаний на земли Египта в качестве наследника Древнего мира, созданного фараонами, подобно попыткам оправдать египетское царствование Александра и его преемников Птолемеев недостоверным родством с последним царем последней коренной династии¹².

Очевидно, что подобные пустые рассуждения были чужды его основателю. Однако и противоположная концепция об Александрии как городе вне Египта, а только рядом с ним должна была столкнуться с очевидными экономическими и политическими доводами. Открытая всему Средиземноморью, Александрия оставалась внутри страны, получая оттуда продукты, а взамен поставляя различные товары, как и государственные умы для ее надзора и эксплуатации.

Центр эллинистического мира

В сравнении с классическими Афинами или даже императорским Римом Александрия при Клеопатре нам действительно малознакома. Современный турист не может восхищаться хоть какой-нибудь постройкой, свидетельствующей об этих знаменитых временах, за исключением нескольких маловыразительных некрополей. Современная археология до

недавнего времени¹³ обнаруживала лишь следы более поздних периодов, как, например, изысканный одеон белого мрамора в Ком-эль-Дикке. Эффектные катакомбы в Ком-эль-Шугафа также относятся уже к римской эпохе, а величественная колонна, названная «Колонной Помпея», была воздвигнута в честь императора Диоклетиана более трехсот лет после самоубийства Клеопатры. Все, чем мы располагаем, чтобы составить объективное мнение о столице последних цариц Египта, это описания древних авторов, из которых самым подробным остается описание Страбона, посетившего город около 25 года, то есть всего лишь пять лет спустя после падения птолемеевской династии¹⁴. Однако именно благодаря ему можно составить точное представление о знаменитом маяке, построенном к 280 году архитектором Состратом Книдским, который, должно быть, до Средневековья оставался самым замечательным памятником города¹⁵. Самое высокое сооружение всей классической античности, возвышавшееся как минимум на 120 метров, превосходили только две пирамиды Хеопса и Хефрена, гораздо более массивные и воздвигнутые более двух тысячелетий до этого. Подробное описание одного арабского автора, а также изображения на монетах, вазах и так далее позволили воссоздать то, что только сейчас начала подтверждать археология. В любом случае эта трехуровневая башня, превосходящая колоссальную статую Зевса Сотера, давала сигнал кораблям о близости порта, чье побережье иначе лишилось какого бы то ни было ориентира. Огонь, установленный на уровне верхнего этажа, позволял судам пришвартовываться даже ночью. Для жителей и приезжих маяк был предметом гордости и любопытства, народным символом, подобным в наше время Эйфелевой башне в Париже или статуе Свободы в порту Нью-Йорка.

Сам город был построен в монументальном стиле с главными улицами, достигавшими тридцати метров в ширину. Самая важная из них, Канопская дорога, по прямой линии пересекала город с востока на запад. Эти «проспекты» разрезали пять кварталов,

пронумерованных в алфавитном порядке от альфы до эпсилона. Значительную площадь занимали дворцы, ибо с каждым правителем новые здания добавлялись к уже существующим. В эпоху Страбона дворцовый квартал занимал около трети города. Общий план и расположение дворцов нам неизвестны, но, без сомнения, нам следовало бы себе их представить как непрерывный ряд крытых галерей, внутренних дворов с колоннадами, садов, приемных залов и административных сооружений, наконец, покоев царской семьи, ее окружения и прислуги. Существовал даже специальный порт для пользования царской службой. По крайней мере, одна часть этого ансамбля открывалась по особым случаям широкой публике, как, например, в праздник Адониса, упомянутый Феоκριтом в одной из его самых красочных «Идиллий»¹⁶.

Рядом с дворцами находился Мусейон, знаменитое учреждение, составившее славу Александрии как интеллектуальной столицы. К нему примыкала Библиотека. По правде говоря, Мусейон как научный и литературный центр пришел в некоторый упадок. Произошло это во II веке, сразу после 145 года, когда по политическим причинам Птолемей VIII изгнал из Александрии всех ученых и людей искусства, подозревавшихся в оппозиции. Золотой запас талантов, таким образом, был опустошен, Мусейон оказался в ситуации, когда им в течение нескольких лет управлял военный. В то же время греко-персидские войны, в I веке до нашей эры опустошившие Малую Азию и Аттику, вернули в Александрию небольшую часть «интеллигенции», способствовавшей возрождению Мусейона в эпоху Авлета и Клеопатры. Но именно в царствование последней великая Библиотека была уничтожена в огне. Эта катастрофа, несчастное последствие войны, которую вела Александрия, скорее всего не была столь масштабной, как это представлялось, ибо весьма вероятно, что огонь достиг только тех книжных хранилищ, которые предназначались на экспорт¹⁷. Как бы там ни было, изъятия, производимые по личной воле Антония в библиотеке

Пергама, позволили восстановить ее до падения династии.

Наконец, последний памятник, достойный посещения, — *Сема*, гробница Александра, построенная первым Птолемеем и реконструированная Птолемеем IV Филопатором, чтобы дать последний приют скончавшимся Лагидам. К сожалению, нам ничего не известно о ее внешнем виде и архитектуре, также как и не установлено точное местонахождение гробницы. И конечно же Александрия располагала всеми необходимыми для любого греческого города и украшающими его жизнь сооружениями: театром вблизи царского дворца; местом для собраний — центральной рыночной площадью с пересекающей ее Канопской дорогой; стадионом на юге города и ипподромом на востоке. Среди многочисленных храмов, воздвигнутых в честь греческих богов, следует упомянуть о великом Серапеуме, располагавшемся на холме над городом; его бесформенные развалины видны рядом с колонной Помпея. Портовый комплекс, главное подтверждение существования Александрии, был особенно грандиозным с двумя основными доками, разделенными плотинной, которая связывала остров Фарос с берегом: Большой порт на востоке и порт Эвност («Счастлиное Возвращение») на западе. В этом последнем внутренний порт Кибот — дословно «Коробка» — был соединен каналом с озером Мареотис и канопским рукавом Нила. Существование воды вокруг Александрии не должно вводить в заблуждение относительно главной муниципальной проблемы, от решения которой зависело выживание города. Она состояла в обеспечении города питьевой водой, так как вода в озерах и каналах была для этого непригодна. Единственным решением стало сооружение под землей целого города с сотнями водоемов, чьи своды часто поддерживались несколькими ярусами колонн. Эти водоемы сохранились вплоть до арабского периода, а некоторые существуют и по сей день¹⁸.

Согласно Диодору, Александрия должна была на-

считывать 300 тысяч свободных граждан¹⁹, но при этом не рассматривалось, что именно стоит за этой цифрой: только взрослое население или население с учетом детей? С другой стороны, соотношение рабов, которых следовало добавить, невозможно подсчитать. Раньше наблюдалась тенденция преувеличивать число жителей античных метрополий, при этом доходило порой до цифр, сравнимых лишь с численностью больших европейских городов в начале века. И, действительно, весьма вероятно, что на протяжении всего существования птолемеевского Египта проблемы управления городским населением, превышающим полмиллиона жителей, оставались почти неразрешимыми, и только Рим при Антонинах смог спокойно превысить эту цифру благодаря ресурсам невиданной по своей протяженности империи, а также организации государственного управления и своим богатствам. Итак, в какой бы степени ни происходили манипуляции с данными Диодора, было бы неверным приписывать Александрии Птолемею численность, превышающую 500 тысяч горожан. Подобное количество уже превращало Александрию в мегаполис, сосредоточивший в себе около $\frac{1}{6}$ общего населения Египта. Таким образом, ее демографическая нагрузка была бы сравнима с проблемой перенаселения современного Парижа по сравнению с пустынями во французских колониях! В подобных условиях, вероятно, второй по значимости город, Мемфис, не мог бы превзойти по численности и половины столицы²⁰.

В большинстве своем население Александрии состояло из уроженцев различных областей греческого мира или районов Малой Азии и Балкан, более или менее недавно эллинизированных. Знатные семьи гордились принадлежностью к македонцам, как царская семья, и при дворе очень долго сохранялось употребление дорического диалекта, который отличал аристократию от александрийских плебеев. Цари всегда стремились держать египтян в меньшинстве; зато они всячески поддерживали поселения евреев, по крайней мере вплоть до правления

Птолемя VI. В одном из пяти кварталов города (*Дельте*), неподалеку от царских дворцов, евреев было даже больше, чем представителей какой-либо другой национальности. Им принадлежало множество синагог, рассеянных по городу и его окрестностям, где они собирались для чтения Торы. Преследования, которым они подвергались в Иудее при правлении Селевкидов, спровоцировали исход евреев, противившихся политике эллинизации, насаждаемой Антиохом IV. Благосклонность Птолемя VI и Клеопатры II дошла до того, что позволила иудейскому первосвященнику Ониасу IV отреставрировать храм в Леонтополе (Тель-эль-Яхудье), в восточной дельте, в качестве компенсации за потерю святилища в Иерусалиме, оскверненного эллинистскими религиозными обрядами²¹.

Побережье вокруг Александрии постепенно урбанизировалось. В пятидесяти километрах на восток Тапозирис Магна была украшена храмом в египетском стиле, чья белая крепостная стена в наши дни все еще смотрит на море. Виноградники, которые выращивались на земляном валу, разделявшем этот город и столицу, славились своими сортами вин и их выдержкой. На западе — Каноп, город в устье одноименного рукава Нила, считался излюбленным курортным местечком александрийцев, которые отправлялись туда на лодках по каналу, берущему свое начало в столице, утопающей в цветах, звуках флейт и тамбуринов²². Город славился также многочисленными святилищами, среди которых храм Сараписа был знаменит своими оракулами. На севере города, на вершине мыса Зефириона, защищавшего городской порт, возвышался храм, посвященный Арсиное Филადельфии, приравненной к Афродите. На алтарь этого святилища царица Береника II принесла в жертву прядь своих волос. Именно этот скромный дар вдохновил поэта Каллимака на создание своей самой прекрасной элегии, переведенной позднее на латынь. Существовала легенда о том, что прядь исчезла, дабы вновь появиться на небесах в виде одного из созвездий²³.

Дельта

Александрия с ее прибрежными землями была отделена от Египта так называемыми лагунными и заболоченными полосами, окаймлявшими весь север дельты вместе с живущим там с незапамятных времен немногочисленным населением, не вполне ассимилировавшимся, добывавшим себе пропитание за счет скотоводства и рыболовства²⁴. Это была неизведанная и маргинальная область, которой египетская традиция приписывала множество мифов, как, например, тех, что рассказывали о детстве Гора, нашедшего в этих зарослях вместе со своей матерью Исидой прибежище от смертельной ярости Сета. В восточной стороне, напротив Александрии, находится укрепленный город Пелузий, защищающий Египет от вторжений из Азии, сдача его очень часто становилась началом захвата страны иностранными войсками. И наоборот, Пелузий играл, в свою очередь, роль центра сосредоточения войск и являлся базой отправки захватнических экспедиций в Сирию²⁵.

За Александрией, побережьем и негостеприимными прилегающими областями начинался для путешественника Египет фараонов и богов, чья фантастическая древность так же поражала иностранца тогда, как поражает и современного туриста. Как бы хотелось описать страну глазами Сципиона Эмилиана, который был там в 139 году²⁶, или Цезаря, поднявшегося по течению реки весной 47 года в сопровождении последней царицы Лагидов. К сожалению, ни одна из дневниковых записей, которая бы передавала впечатления столь осведомленных и выдающихся иностранцев, до нас не дошла. Остается только полагаться на свое собственное воображение, подпитываемое описанием, оставленным Страбоном, малазийским греком, современником Клеопатры VII, но посетившим Египет только после смерти последней, при римском правлении.

Короткие записи Страбона в большинстве своем не столь выразительны, если не дополнены археоло-

гическими находками или эпиграфическими и папирологическими документами. Множество приведенных им мест даже трудно идентифицировать. Сведения слишком неравномерно классифицированы. Это относится, например, к описанию обширной, в форме треугольника, дельты Нила. Этот важный регион, служащий защитой для Александрии, традиционно представлял собой Нижний Египет и по своей значимости, как с экономической и демографической точек зрения, так и административной и религиозной, был равен долине Нила на юге от Мемфиса. Однако большинство имен и городов дельты для нас теперь только названия, без сомнения, знаменитые, но которые больше нельзя связать с памятниками, в подавляющем своем большинстве исчезнувшими.

Богатейшая территория, на которой пахотные земли затоплялись в период паводков, раскинулась насколько хватает глаз до широких горизонтов. Ее города и многочисленные деревни обосновались вдоль ответвлений реки, расходящихся к северу, растекаясь семью каноническими устьями, откуда Нил несет свои воды к морю. Населенные островки, щадимые паводками и развившиеся за счет скопления остатков человеческой жизнедеятельности, занимали вершины холмов. Они появлялись подобно множеству островов, усеявших неподвижное море. Главные города представляли взору приезжих и паломников свои грандиозные храмы; некоторые из этих святилищ, посвященных популярным божествам, — процветали, например, такие, как Изидьон из Бехбей-эль-Хагара, другие — были опустошены и, может быть, разрушены, как святилище бога Солнца в Гелиополе. Все основные античные столицы: Саис, Мендес, Бубастис, Себенитос, Танис — должны были прийти в упадок в той или иной степени, в тот период времени, когда экономическая деятельность всего региона была ориентирована на Александрию. На западе автономия древней милетской фактории Навкратиса, первого греческого города в Египте, основанного в 650 году на канопском рукаве Нила, вызвала уважение со стороны Птолемеев, несмотря на

то, что с выдвиганием Александрии он лишался своей экономической значимости. И, наконец, бубастисский рукав был соединен с Красным морем искусственным каналом, строительство которого начал фараон Нехо в период XXVI династии и завершил великий персидский царь Дарий. Поставленный на службу Лагидами, этот канал проходил по долине Вади-Тумилат до озер Амеров, далее разветвлялся к югу до самого порта Арсиной, в свое время переименованного в Клеопатрис, чье местонахождение соответствует сегодняшнему Суэцу. Его экономическое значение было все же относительным, без сомнения, по причине своих небольших размеров и постоянных песочных оползней. Сообщение между Красным морем и Нилом проходило по заимствованным у древних дорогам, проходящим сквозь Аравийскую пустыню, подобным той, что связывала с архаической античности Миос Гормос с Коптосом через Вади-Хаммамат²⁷. Другие порты были созданы на Красном море первыми Птолемеями для получения африканских товаров или в качестве пунктов для смены лошадей при охоте на слонов, как, например, Береника Троглодитская или Птолемаида Охотничья, но прекращение этого вида деятельности в III веке чуть было не нанесло их существованию сокрушительный удар²⁸. Эти фактории пережили новый взлет и процветание лишь по истечении II века, когда открытие муссона позволило путешествовать по Индийскому океану, активизировав, таким образом, морское сообщение в регионе²⁹.

Мемфис и Фаюм

В самой высокой точке дельты путешественник с севера, поднимающийся из Александрии по канопскому рукаву или с северо-восточной границы — по пелузийскому и бубастисскому рукавам, всегда попадал в Мемфис³⁰. В течение трех тысячелетий, несмотря на все превратности истории, Мемфис сохранял статус столицы Египта. Его географическое положение, в сорока километрах вверх по течению от раз-

ветвления Нила, выходы к Фаюму и западным оазисам, древность его памятников и культов — все эти преимущества не позволяли никакому другому городу оспаривать превосходство Мемфиса. До основания Александрии он был также самым крупным городом страны. Его численность могла быть посчитана только приблизительно: по крайней мере, 50 тысяч жителей, но едва ли больше, если вспомнить цифры 3 миллиона и 500 тысяч соответственно для населения всего Египта и Александрии³¹. Сатрап Птолемей в 311 году, до того как окончательно обосноваться в новой столице, устроил свою резиденцию именно в Мемфисе. Окаймляемый с востока рекой, город был защищен от ее разливов серией плотин средней высоты в двенадцать локтей (около шести метров), окружавших его полностью. Многочисленные кварталы города чувствовали себя уютно внутри этого восьмикилометрового пространства; некоторые из них, задолго до Александрии, уже были определены за иностранными общинами: в первую очередь за греками, а также карийцами, сирийцами, евреями. Храм бога Птаха, отождествляемого с греческим богом Гефестом, является первым святилищем Египта, так как именно в нем фараоны праздновали свое воцарение. Эту традицию соблюдали и Лагиды, по крайней мере начиная с Птолемея V. Мемфис считался также жилищем такого живого божества, каким был священный бык Апис, сыгравший главную роль в создании бога Сараписа, покровительствующего Александрии. Но город был не только религиозной столицей; его географическое положение обеспечивало ему обязательный транзит всех товаров, провозимых из долины в провинцию. Связанный напрямую с Фаюмом регулярно используемой дорогой через пустыню, Мемфис становился естественным местом сбыта всей богатейшей сельскохозяйственной продукции региона. В равной степени можно было назвать его и промышленным центром, известным своими мастерскими по производству оружия, тканей и фаянса.

На юге Мемфиса начинается Верхний Египет — длинная лента зелени меж двух пустынь. На западе

простирается фаюмская низина, к северу расположено озеро, питаемое естественным каналом, ответвляющимся от Нила. Бурный рост этого запущенного в течение долгого времени региона связывают с деятельностью первых Птолемеев, которые успешно внедрили широкий проект развития в невиданном до тех пор масштабе. Все проведенные работы, замечательным образом сочетавшие как орошение, так и осушение, позволили одновременно обрабатывать пустынные края и заболоченные зоны вблизи озера, чей уровень был понижен для освоения новых земель. Талант субсидируемых царем греческих инженеров, а также мобилизация египетской рабочей силы обеспечили быстрый успех этому предприятию, значительно обогатившему царскую казну и позволившему последней одарить землями военных наемников, например, клерухов. Итак, если одна часть угодий пополнила доход государства, то другие области, значительные по своей площади, в целях обеспечения их рационального использования были сданы знатным людям. Наиболее известной из этих земель была область, отписанная диойкету Аполлонию, министру финансов в эпоху Птолемея II. Этот район в 10 тысяч арур (2756 гектаров) управлялся его доверенным лицом, неким Зеноном Коносским, чьи архивы, неожиданно обнаруженные в его владениях в Филадельфии, стали одним из важнейших документальных свидетельств эпохи эллинизма³².

Столица региона, чье население поклонялось божеству-крокодилу Собеку, была названа греками Крокодиополь, который позднее был переименован в Арсиною в честь покойной супруги царя. Значение города постоянно росло: строилось множество деревень, иногда в греческом стиле по гипподамовскому плану, наподобие Филадельфии, «столицы» вотчины Аполлония. Следует заметить, что большинство этих образований, будучи некогда большими сельскохозяйственными поселениями, украшенными храмами и общественными зданиями, теперь разбросаны в песках, порой на приличном расстоянии от возделываемых сегодня земель. Ведущиеся уже сто лет

раскопки позволяют нам оживить картину прошлого в зависимости от того количества греческих и демотических папирусов, которые они нам поставляют. С Сокнопеоса Несоса (ныне Диме) на севере до Тебтиниса на юге, эти деревни образуют почти замкнутый круг поселений вокруг впадины «Озерной страны», называемой еще «Море» (P-іom = Фаюм).

Верхний Египет

По всей долине главные города древних номов стали называться новыми греческими именами, в зависимости от Бога или священного животного, которое покровительствовало тому или иному городу. Так древний *Ху-нен-несу*, посвященный Геришефу (Арсафесу) богу-Овну, которого греки отождествляли с Гераклом, стал называться Гераклеополь. Ближе к югу, священный город бога Тота, который назывался Уну, был переименован в Гермополь («Город Гермеса»). Между Панополем («город Пана = Мина») и разрушенным городом Абидосом, где можно было еще увидеть Мемнонион или могилу Осириса, описанную Страбоном, находилась Птолемаида, единственный греческий город в долине, основанный первым Птолемеем. Несмотря на то что Страбон называет его самым большим городом в Фиваиде, сравнимым только с Мемфисом, на сегодняшний момент от него не осталось практически никакого следа, если не считать впечатляющую каменную пристань, которая говорит о том, что город был важным речным портом. Призванный по мысли своего создателя потеснить Фивы в качестве столицы Верхнего Египта, Птолемаида должна была производить неожиданное впечатление эллинистического города посреди египетских пейзажей, с политическими институтами, зданиями культа и культурными постройками, характерными для греческого полиса: театр, буле (орган управления в древней Греции), притании (залы для приема почетных гостей), храмы Диониса, где приносили жертвы артисты³³.

Однако он с большим трудом вытеснил старую столицу эпохи нового царства, которую египтяне называли *Уасе*, или просто *Но* («Город»). Населенный пункт быстро был переименован в Диосполь («город Зевса»), так как сам бог Амон был быстро переиначен во Владыку Олимпа. Это название намного почетнее, поскольку еще во времена Гомера Фивы были названы «городом ста ворот», и это определение достигло наших дней! Настоящий музей архитектуры и скульптуры фараонов — Фивы растянулись на огромном участке земли, включая в себя небольшие поселения, рассыпанные вокруг, а также внутри территории, ограниченной Карнаком и Луксором по правому берегу Нила, и Мединет Абу по левому. Огромные храмы, содержание которых было практически невозможно, всегда пустовали, и город уже давно имел вид усыпанного руинами пространства. Религиозная жизнь переместилась либо в храмы более населенных районов, либо в только что отстроенные здания, как, например, в храм Хатхор в Дейр-эль-Медине, или же в старинные, но тщательно, до мельчайших деталей отреставрированные здания, как небольшой храм в Мединет Абу. Население, преданное своим традициям и верное своему прошлому, населяло один из самых беспокойных регионов страны, включая своего ближайшего соседа Гермон-тиса (города воинственного бога Монту), который гордился своим призванием быть местом пребывания священного быка Бухиса, равного мемфисскому богу Апису для Верхнего Египта.

Под таким неудержимым натиском, который Фивы³⁴ переживали во время правления Лагидов, город постепенно стал приходить в упадок. Уже лишенные статуса южной столицы из-за широкой деятельности Птолемаиды, которая все больше напоминала главный административный город, Фивы находились во власти постоянно вспыхивающих бунтов против правящей власти. Одна из самых серьезных репрессий обрушилась на город во время волнений, которые сопровождали падение Птолемея X Александра и восшествие на трон его старшего брата

Птолемея IX Сотера в конце 88 года. Город был охвачен волнениями еще три года назад. Уже тогда Фивы претерпевали огромные убытки, однако не были окончательно разрушены, как это утверждал греческий историк Павсаний, поскольку многие документы свидетельствуют о некоторой активности храмов Карнака и Мединет Абу во время правления Авлета и Клеопатры. Во II веке Фивы и Гермонтис стали городами очень пристального надзора, ведущегося гарнизонами Патира и Крокодиополя на юге, в котором проживали солдаты из разных регионов страны. Образ их жизни более походил на египетский, нежели на греческий, однако они всегда были верны птолемеевской власти. Постепенно города ослабевали и некоторые из них даже исчезли после событий 88 года. Такие полисы Южного нома, как Латонполь (Эсне), Аполлонополь (Эдфу), Омбос и Ассуан (последний с прилегающими островами Элефантиной и Филе) избежали этих превратностей, о чем свидетельствуют пышные храмы, возведенные в то время.

Большинство городов процветали во время правления династии Лагидов. Не представляя себе никакого другого государственного устройства, кроме городского, греки пытались осесть в областных центрах, чья роль постоянно росла за счет политики централизации в администрировании и экономическом управлении, проводимом царями. Однако эти города не могли обрести автономии, приближенной к статусу греческих полисов, которая была пожалована одной Птолемаиде. Увеличение греческих поселенцев привело к росту влияния иностранных институтов в традиционной египетской социально-политической жизни, главным образом это распространилось на гимнасии, в которых явственно ощущались элементы эллинистического образования. Египетский храм не был больше единственным городским центром, он стал испытывать жесткую конкуренцию со стороны светских учреждений, которые больше вписывались в концепцию нового образа жизни, как, например, публичные бани, появившиеся практически в каждой деревне начиная с III века.

Городская архитектура

За исключением материала, идущего на строительство храмов, то есть песчаника и известняка, главным для строительства жилищ и большинства общественных зданий был кирпич. Строительного сырья было достаточно, и оно легко добывалось, потому что даже ил служил для его производства. Так как дожди шли редко, кирпич использовали сырым после его прессовки и просушки на солнце по технологии, остававшейся неизменной еще с додинастических времен. Обожженный кирпич использовали исключительно для строительства колодцев, водоемов или бань. Использовали также камень, по преимуществу розовый гранит из Асуана для фундаментов, порогов и иногда дверных и оконных рам, хотя последние, по большей части, были из дерева. Благородный материал, который предназначался только для греков, такой, как мрамор, не существовал в Египте. И лишь некоторые дома знатных господ, дворцы и богатейшие царские здания в Александрии возводились из мрамора, импортируемого по высоким ценам. Мрамор использовали чаще всего как элемент декорации, а не как материал для строительства. Деревянный каркас из-за своего низкого качества также был практически непригоден в Египте. Даже в Александрии дома были с каменными сводами, потому что, начиная еще с Александрийской войны, отсутствие дерева в городе помогло избежать возможных пожаров.

Как в деревнях, так и в городах дома³⁵ были, по большей части, двухуровневые: различные жилые комнаты (один уровень) и комнаты для прислуги (другой уровень), расположенные часто вокруг одного из множества дворов. Подвалы и сводчатые погреба встречаются достаточно часто, что приводило к надстройке первого этажа, на который можно было попасть через внешнюю лестницу. Вход чаще всего находился на северной стороне дома, для того чтобы можно было пользоваться свежестью северных ветров. Внешних окон немного, все они неболь-

шого размера и расположены высоко над землей. Чаще всего такие окошки были оборудованы небольшими каменными или деревянными рамами, к которым крепились деревянные створки, закрывавшиеся, чтобы воспрепятствовать солнцу и жаре проникнуть внутрь жилища. В некоторых домах было более одного этажа. Они приобретали иногда вид двух, трех, четырех, а иногда и пяти уровней, достигая таким образом высоты до 30 метров, что становилось характерной чертой для некоторых городов, а иногда и деревень. В таких домах могли сдаваться помещения, а на нижних этажах иногда открывались магазины. В комнатах приема и проживания гостей стены и потолки были чаще всего расписаны символическими мотивами. Иногда рисунок имитировал драгоценные материалы — мрамор, алебастр или оникс — и располагался на разных уровнях, следуя эллинистической моде тех лет. В самых шикарных постройках подвалы могли быть выложены мозаикой. Таким образом, в городе уживались два различных архитектурных направления — египетское и декоративное эллинистическое.

Египетская традиция зависела не только от используемого материала, но и от личного вкуса и любви к архитектуре фараонов, а также от моды на нее, которая усилилась к концу династии Птолемеев. В это время богатые деревенские дома украшались массивной входной башней, имитировавшей пилоны местных храмов. Это сооружение представляло собой две соединенные между собой башни в виде усеченных пирамид, скрывавших внутри себя множество комнат, похожих на жилища причетников. Декорирование заимствовалось по большей части из традиционного египетского эпоса, его часто заново интерпретировали. Так, можно встретить фигуры сфинксов, узкие карнизы и другие подобные мотивы наравне с колоннами и антаблементами в греческом стиле.

Как и на Ближнем Востоке, города и села фараонов развивались без всякого плана. Только храмы и соединяющие их длинные аллеи для праздничных

процессий имели четкую организацию и устройство. Все остальное: дома, магазины, хлебные амбары, немногочисленные публичные здания — сосредоточивались вокруг священных построек и *драмосов*, часто украшенных фигурами сфинксов аллей для процессий, которые связывали храмы с пристанью или другими храмами. За оградой находились жилища жрецов, так же скученные, как и дома ремесленников и торговцев по ту сторону стены. Общественных мест было крайне мало, они ограничивались папертью храма или же многолюдной улицей. Однако и улочки, похожие скорее на неудобные и узкие дороги, не составляли единой системы сообщения, а очень часто заканчивались тупиками.

В течение долгого времени в Греции, так же как и в Малой Азии, греки развивали принципы четко выверенного и монументального градостроительства. Воплощение своих чаяний они нашли в строительстве Александрии, а также (по крайней мере, это можно предположить) Птолемаиды в Верхнем Египте. Последствия этого нового веяния, которое было связано и с привнесенным в него образом жизни, не замедлило сказаться на остальной части Египта. Не только основанные во время правления двух первых Птолемеев в зоне быстрого экономического развития в долине Фаюм новые села, в общем, следовали такому плану развития (как, например, Филадельфия — если верить записям Зенона), но даже и древние города находили выгоду в некотором улучшении, связанном с введением греческих юридических понятий общественной дороги («улица Царя», «улица Фараона»). Также благодаря тому, что греки взяли в свои руки экономику страны, оживление торговли и денежного обмена повлекло за собой сооружение рынков, которые вытеснили древние нерегулярные базары и ярмарки, по крайней мере, в самых значительных городах. Эти строения, напоминающие небольшие лавочки, строились под портиками или арками, создавая, таким образом, новый характер городского пейзажа.

Несмотря на различные преобразования архитектуры и городского строительства, которое принесло правление Птолемеев, в основе своей города и деревни даже во время царствования последней Клеопатры оставались восточными, с трехъярусными крышами, стенами из высушенного ила и улицами, заваленными скоплениями мусора, оживленными бойкой уличной торговлей и наполненными шумами и запахами, мало отличающимися от того, что можно наблюдать в наши дни в деревушках Сайды.

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Тяжелое бремя бюрократии

Птолемеевская династия столкнулась в Египте со старой административной традицией, установившейся более двадцати пяти веков назад. Даже ведение сельского хозяйства в долине Нила требовало новых усилий, способных спланировать необходимые работы по возвращению воды с затопленных Нилом территорий. Это было в ведении местной администрации до тех пор, пока она не попала под влияние централизованного правления. Поэтому не будет преувеличением предположить, что бюрократия в Египте предшествовала государству. Класс писарей, из которого и вышла бюрократия, составлял всегда элиту египетского общества и практически без изменений прошел через все потрясения, будоражившие страну со времен Древнего Царства. Став царями Египта, Лагиды воздерживались от того, чтобы разрушить уже сложившуюся бюрократическую систему. Они использовали ранее сформировавшиеся традиции, немного видоизменив их для новых приоритетов. Основные три принципа административной реформы первых Птолемеев заключались в осуществлении жесткого контроля над различными регионами страны посредством состоявших из греков высших эшелонов администрации, в облегчении жизни иноземных поселенцев, а

также в переориентировании сельскохозяйственно-го и ремесленного производства с целью повышения налоговых сборов.

Традиционно территория Египта делилась на сорок относительно стабильных географических, административных, экономических и религиозных единиц. В додинастическую эпоху политические объединения, напомиравшие союзы племенных вождей, имели каждый свое собственное название и, объединяясь, они могли иногда образовывать целые районы, что впоследствии способствовало образованию первого единого Египетского Государства. В позднюю эпоху все округа были внесены в канонические списки: двадцать в Нижнем Египте, двадцать два — в Верхнем Египте. Греки называли эти образования *номами*. Этот термин обозначал деление сельскохозяйственной территории по принципу автономии, потому что именно так проводились границы округов. Птолемеи сохраняли это разделение даже в том случае, если, следуя местной необходимости, некоторые номы уничтожались и взамен их создавались новые. Номы, чьи египетские названия были связаны с древними обозначениями, были переименованы на греческий лад в соответствии с именем главного города округа. Так, например, Заячий округ превратился в ном Гермополя, а округ Дельфина стал Мендесским номом. Эти факты весьма показательны, так как греки называли провинции именами главных городов того или иного нома. Столицы номов развивались вплоть до периода римских завоеваний — в то время у них уже были свои политические институты, которые делали их настоящими городами.

Стратег¹

Во время правления Лагидов главный город нома по традиции, восходящей еще к Египту фараонов, исполнял функции только местной административной единицы. С течением времени глава нома превратился в светского чиновника, назначенного ца-

рем, в обязанности которого входил контроль над всей сельскохозяйственной деятельностью, начиная с управления работами, связанными с наводнением земель, до взимания налогов с собранного урожая. Этот *номарх* — по выражению греков — обыкновенно был выходцем из знатной семьи и, помимо прочих многочисленных доходов, получал прибыль с храмов, находящихся в его ведении. Настоящий хозяин положения в периоды ослабления централизованной власти, он становился человеком зависимым и строго контролируемым во время ее расцвета. В правление первых Птолемеев номарх исполнял роль чиновника, занимающегося исключительно сельскохозяйственными проблемами², но появившийся на горизонте новый персонаж быстро лишил его большинства привилегий и поставил в зависимое от собственной персоны положение. Полномочия номарха затмил — *стратег*. Этот термин, обозначающий чин «военного начальника», пришел из Греции. Стратег нома сначала был командующим греческими войсками, расположившимися в том или ином номе, затем его полномочия распространились и на сферу общественной жизни. Вскоре он стал отвечать за свой округ, военные полномочия перешли его подчиненным: *гинарху*, ответственному за кавалерийские подразделения, и *фрурарху*, в чьи полномочия входил контроль за городскими гарнизонами.

В целях эффективности работы, а также для ограничения количества высших чиновников, многие номы довольно часто объединялись под властью одного стратега. Это было правилом даже в Фиваиде до конца II века³. Над стратегами в начале этого века стоял *эпистратег* хоры. По своим функциям эта должность приравнивалась к должности министра внутренних дел, чья власть распространялась на весь Египет, кроме Александрии. Второй эпистратег был назначен в Фиваиду⁴, чтобы лучше обеспечивать безопасность этого ненадежного региона, который был местом постоянных национальных волнений и восстаний с 205 по 186 год. Номы, перегруппирован-

ные под единое командование, все же имели своего собственного эпистата, представителя стратега. В самом начале чиновниками могли быть только греки, но к концу II века на столь важных постах стали появляться и египтяне. В это же время количество стратегов увеличилось, так как их власть ограничивалась все больше и больше одним номом. Во время правления Птолемея Авлета и Клеопатры VII в большинстве номов Верхнего Египта стратегами были египтяне, которые часто передавали эту должность по наследству, возобновляя таким образом древнюю традицию преемственности звания, распространенную в эпоху фараонов. Так произошло с Харемефисом из Панопольского нома во время правления последней Клеопатры⁵, с Пахомом, прозванным Хиераксом, в Дендере и Эдфу⁶, или с Монкоресом из Перефив⁷. Однако высшие чины, а на тот момент это был эпистратег из Фиваиды Каллимах⁸, оставались в руках греков.

Местный представитель царя, стратег, обладал не только исполнительной властью в округе, но и законодательной. Он должен был знать обо всех делах, происходящих на подчиненной его власти территории, а также принимал жалобы, касающиеся частных тяжб и адресованные царю⁹. Чтобы все его решения беспрекословно выполнялись, ему были подчинены все местные органы правопорядка.

Среди подчиненных стратега большинство занималось экономическими и налоговыми вопросами. Нужно было размечать и вносить в записи сельскохозяйственные угодья, планировать необходимые работы по ирригации земель (строительство каналов, запруд), осуществлять обязательный набор работников для выполнения «барщины». Единожды определенные, засеянные площади должны были оцениваться для последующего сбора государственных налогов. Кроме того, нужно было обеспечивать сбор пшеницы, принадлежащей царю, и последующий отвоз ее либо в Александрию, либо в гарнизоны. Необходимо было, наконец, организовать сдачу на откуп налогов и царских монополий. Все эти задачи кон-

тролировали чиновники, которые по мере уменьшения чина отвечали за уменьшающуюся территорию нома: контоны (*топы*) и деревни. Вначале *эконом* (управляющий) играл главную роль: местный представитель министра финансов, всемогущий диойкет занимался всем, что касалось царских расходов нома. Среди прочих, ему помогали *эклогист* (бухгалтер) и *антиграф* (контролер учетных записей).

Государственный писарь

Однако другой персонаж приобретал все больше и больше значимости — царский писарь¹⁰. Это звание, в отличие от эконома и его помощников, восходило к древнеегипетской традиции. Его греческий титул, звучащий как *базиликограммат*, дословно переводился на местный язык (*сэи-несу* — на египетском классическом или *сех-ан-пераа* — на демотическом). Эта должность была уделом египтян. В администрации нома царский писарь в конце концов вытеснил эконома в течение II века, став, таким образом, вторым человеком в округе после стратега. Такому повышению статуса писаря без сомнения способствовало знание одновременно двух языков, которым отличались все египтяне, состоявшие на службе у Птолемеев, тогда как греки редко и с трудом овладевали местным египетским наречием. Также к положительным сторонам этой работы относилось прекрасное знание сельской местности и местного менталитета, что было несомненным козырем в решении проблем, касающихся сельского хозяйства. В нижней ступени иерархической лестницы роль царского писаря выполняли *топограммат* (писарь кантона) и *комограммат* (деревенский писарь). Естественно, все они были египтянами¹¹. Их роль в управлении сельскими территориями была первостепенной, как показывают сохранившиеся архивы комограммата из Керкеозириса в Фаюме, некоего Менхеса¹².

Этот Менхес, являясь представителем общественных интересов своей деревни, следил за всеми дейст-

виями административной власти, что повышало его престиж, которому завидовали другие знатные жители деревни, местный эпистат, глава местных правоохранительных органов, или комарх. Неизвестно, каким образом Менхес достиг желанного поста, но точно известно, при каких обстоятельствах он смог вернуться на этот пост в 119 году¹³. С одной стороны, чтобы добиться восстановления в должности от диоикета, к которому обращались финансовые чиновники, он должен был приобрести за собственные деньги неплодородную царскую землю в 10 арур (2,75 гектара), выплачивая при этом налог на плодородную землю по 50 артабов пшеницы. Это был удобный способ для администрации извлекать доход из неплодородных земель. Но такой подход приводил к тому, что кандидаты в чиновники уже имели способы противостоять налогам, установленным на возделанные земли, то есть тем из них, которые царские крестьяне не могли полностью взять на себя. Более того, Менхес должен был дать взятку деревенской общине. Эта взятка включала в себя 50 артабов пшеницы и 50 артабов чечевицы и других бобовых. Такая постановка проблемы означала, что к другим представителям деревни — имеются в виду комарх и старейшины — обращались за советом при назначении местного писца, и желательно было их подмаслить.

Чем более влиятельным оказывался пост писаря, тем более он был подвержен интригам местной власти, как это доказывают злоключения, происходившие с тем же самым комограмматом (декабрь 118 г.): «Семнадцатое хатира 53 года, я узнал о прибытии в деревню Асклепиада помощника Аминиса, главы, следящего за правопорядком в номе. По традиции я вышел им навстречу в сопровождении комарха, нескольких старейшин деревни и Деметрия, главы охраны деревни. Когда мы их поприветствовали, они задержали меня, Деметрия и одного из крестьян по имени Маррес, сына Петоса, под тем предлогом, что на нас поступила жалоба от некоего Гариота, сына Харсиесиса, жителя Крокодиополя. В жалобе этого крестьянина было написано, что его пытались от-

равить, когда он вместе с остальными ужинал в деревенской таверне. Асклепиадос повелел нам предстать в суде перед Аминиадом 19 числа того же месяца, который снял с нас обвинения из-за неяви обвиняющей стороны ...<...>»¹⁴.

Менхес в своей петиции, адресованной путешествующей в то время по провинции царской семье, исходя из того, что на него нет обвинений, просит царя повелеть стратегу, чтобы никто не мог «повторить ту же самую процедуру, используя клевету или шантаж». План, имеющий своей целью дискредитировать Менхеса и подчиненных ему людей, провалился, однако у писаря были все основания опасаться новых попыток лишить его занимаемой должности.

Бремя налогов

Налоги являются ключевым словом в административной системе управления Лагидов. Птолеми вели себя прежде всего как владельцы плодородной земли, из которой они мечтали извлечь максимум прибыли. Навязанные Египту аспекты экономического контроля, большинство из которых цари позаимствовали в системе внутреннего правления фараонов, поначалу даже способствовали росту экономики, названной некоторыми историками «управленческой», или «государственной». Однако итог подобного контроля выразился не столько в рациональном и централизованном экономическом управлении страной, направленном на повышение уровня ее производительности, сколько в гарантированных поступлениях излишних доходов в казну государства.

Налоги, как и вся структура товарообмена, базировались на двух основных единицах стоимости: деньги (в монетах) и пшеница. Несмотря на то что деньги были введены в Египте еще в V веке во время персидского правления, монеты как средство повседневного обмена прижились только в правление династии Лагидов, тогда как пшеница все это время оставалась основой традиционной системы экономики.

Государственные доходы базировались на двух параллельных системах, основанных на различных принципах. Взимание налогов с земель, засеянных пшеницей, осуществлялось прямо на месте, на молотильных токах. Взиманием налогов занимались царские чиновники, называемые «ситологами» (специалистами по ландшафту), затем пшеницу перевозили в царские амбары, прежде чем распределить ее по назначению: на содержание царских подданных (чиновников, военных), на снабжение пшеницей Александрии и на вывоз хлеба за пределы страны. Налоги, взимаемые с большинства прочих продуктов и других работ, исчислялись по различным системам. Но цель была одна — заставить поступать именно деньги в царскую казну, а не продовольственные товары. Чтобы достичь этой цели, Лагиды ввели в Египте систему отдачи на откуп налогов, задуманную греками как сбор пошлины с быстро портящихся продуктов, на которые невозможно было установить точную цену. Эта система предполагала существование банков и инвестиционных капиталов. Капиталы к тому времени вышли уже далеко за пределы Египта; потенциальные инвесторы видели в отдаче на откуп налогов средства для собственного обогащения.

На самом деле, внедрение частной выгоды в систему налогообложения было далеко от идеи «либерализации» экономики. Напротив, дотошный, тщательный контроль должен был осуществляться государством, чтобы помешать хищениям, наносящим ущерб уже выработанной экономической системе. Продукция, на которую государство определяло налог, подвергалась предварительной оценке чиновников-профессионалов, затем оцененный урожай становился предметом всеобщего торга, касающегося итоговой суммы налога, который богатое сословие обязалось выплачивать государству. Эти богачи объединялись в организации, подобные современным фирмам, дабы гарантировать выплату налога. Эти «фирмы» полностью скупали продукцию и выставляли ее на рынок по своей собственной цене. За-

тем урожай поступал на утвержденные пункты переработки, принадлежащие частным владельцам либо храмам, которые в свою очередь выплачивали налог по сходной системе. В конце концов, владельцы этих организаций продавали товар широкого потребления либо оптовикам, либо продавцам розничной торговли, которые устанавливали свою собственную надбавку к цене по государственной лицензии.

Можно догадаться, что законы свободного рынка никогда не рассматривались в качестве альтернативы во времена правления Лагидов. На всех уровнях, от производителя до розничного продавца, цены устанавливались государством. Только общая сумма налогов могла варьироваться в зависимости от той или иной прибавки к цене. В интересах государства было предоставить богатому сословию гарантию высокого качества и достаточного количества урожая, чтобы то могло установить максимально завышенную надбавку к общей сумме пошлин и тем самым пополнить государственную казну в надежде получить определенную выгоду и для себя. Чтобы сократить риск, контроль осуществлялся максимально строго. Чиновники, оценивающие урожай на корню, отвечали за возможный дефицит товара, что, впрочем, не мешало им перекладывать ответственность, в случае необходимости, на крестьян. Ремесленники и служащие переработочных пунктов обязаны были присутствовать на рабочих местах и в качестве гарантии принимали присягу. Их рабочие инструменты, например, давилни для масла, опечатывались по истечении рабочего дня, чтобы избежать тайного производства продукции, а также ее контрабанды. Что касается владельцев «фирм» и посредников на торгах, то они должны были выдавать долговые обязательства под заложенное имущество, а также предоставлять залогов. Все полученные суммы они клали на счет «фирмы» в царский банк. На этот счет накладывался секвестр до конца бюджетного отчетного года. Ежемесячные собрания объединяли эконома, его антиграфа, представителей «фирм» и банкиров для проверки счетных документов и установ-

ления промежуточного баланса. Эти документы в печатанном виде отправлялись в Александрию, чтобы там их могли заново просмотреть диоикет и его эклогист, главный счетовод царства.

Можно описать организацию сбора налогов с сельскохозяйственной продукции, например, с масла, судя по расходным записям, которые велись на папирусных листах в эпоху Птолемея II¹⁵. Трудно сказать, действительно ли реальность совпадала с написанным. В любом случае, очевидно, что эта система иногда давала сбои. Если ее достоинством являлась гарантия денежных доходов государству, начиная с крестьянских работ, то ее недостатком стало ограничение и жесткий государственный контроль над производством, который мешал любому развитию экономики. Устранение частной инициативы привело к стагнации производства, цены на розничные товары резко пошли вверх. Так, пищевое масло в Египте было в среднем в два раза дороже, чем на внешнем рынке. Конкуренции можно было избежать только путем ужасающих таможенных тарифов, которые достигали подчас 50%. Небольшое количество таможенных пунктов в стране облегчало контроль и существенно ограничивало ввоз товара контрабандным путем. Такая система требовала в равной степени и таможенных барьеров внутри страны. На самом деле, выплата налогов осуществлялась в рамках каждого нома, и было необходимо ограничить свободное хождение налогооблагаемых товаров, чтобы защитить интересы привилегированного класса и избежать конкуренции между номами, которая могла бы понизить надбавку на общую сумму налогов.

Неповиновение и контрабанда

Социальные последствия такой экономической политики государства не прошли даром. Если, с одной стороны, система давала некоторые гарантии производителям, а именно крестьянам и ремесленникам, за-

ранее обеспечивая сбыт производимого ими товара, то с другой стороны, она позволяла им получать только жалкие доходы и вести очень низкий уровень жизни. Более того, ремесленники были защищены только на короткое время, возобновляя право на работу лишь раз в год, а то и в два года. Разрешение это можно было получить только посредством жесткого торга. Таким образом, они были полностью во власти финансовых чиновников, представителей владельцев фирм или банков. Не имея никаких средств дополнительно зарабатывать себе на жизнь, они понимали, что их положение, оправданно то или нет, вскоре может стать невыносимым. Как цари, так и их советники осознавали всю опасность, которую могли повлечь за собой злоупотребления царских чиновников по отношению к низшим слоям населения. Они старались в короткие сроки хотя бы временно облегчить ситуацию путем амнистий, предупреждений, адресованных ответственным чинам по поводу служебных нарушений. Однако неисправность крылась в самой системе, и потому кризисы были неизбежны.

Одной из возможных причин развала экономики являлась контрабанда внутри страны, ставшая неистребимой за счет многоуровневой системы цен на сельскохозяйственную и ремесленную продукцию. Несмотря на суровые репрессии, довольно большая часть товара избегала царского контроля при помощи широкой сети контрабандистов, среди которых нередко встречались и государственные служащие. К сожалению, невозможно ни оценить всю значимость этой теневой экономики, ни подсчитать точные потери, которые были нанесены налоговой системе страны. Очевидно, что первыми жертвами стали посредники, получившие исключительное право на продажу товара с царских монополий, которые были абсолютно безоружны перед лицом такой вероломной конкуренции. Примером тому может послужить жалоба, адресованная в 113 году уже знакомому нам комограммату из Керкеозириса — Менхесу: «От Аполодора, посредника по продаже и

налогообложению масла в деревне, 4 года (время правления Клеопатры III и Птолемея IX). Мое предприятие разорено людьми, возившими оливковое и касторовое масло в деревню контрабандой. 11 Мехира (28 февраля 113 года) мне донесли, что некий фракиец из (деревни) Керкезезфиса, чье имя мне не известно, хранил в доме сапожника Пехтезуха масло и тайком продавал его Таисии, которая жила в том же доме. Также он продал масло птицеводу и его дочери из той же деревни. Так как вас не было на тот момент, я тут же сообщил об этом главе охраны, чтобы он явился к вышеуказанному сапожнику. Мы встретили там этого фракийца, но товара уже не было. Все обыскав, мы обнаружили несколько [глиняных кувшинов], спрятанных под шкурами баранов. Кувшины эти принадлежали сапожнику, [во время обыска, фракийцу удалось] сбежать, а контрабандное масло [было только частью спрятанного товара]. Таким образом, я понес убытки в 15 талантов [= примерно 180 драхм серебром]. Я посылаю вам этот отчет, чтобы вы направили его в компетентные органы»¹⁶.

«Компетентный орган» на тот момент был представлен царским писарем (базиликограмматом), который располагался в главном городе Крокодиопольского нома — Арсиное. Именно ему местный писарь Менхес должен был передавать такого рода жалобы. В обязанности писаря входила защита интересов царя и представителей знатного рода. Такая контрабанда предполагала существование хорошо организованной группы и хорошо работающего механизма, включавшего в себя все стадии жизни контрабандного товара, от доставки до реализации. Главный виновник (что уже говорит о его привилегированном положении) смог укрыться от полиции, соответственно, наказали только бедных египтян, являющихся в этой цепи лишь связующими звеньями: укрывателями краденного и возможными покупателями. При таких условиях возможно, что подаватель жалобы намекал только на снижение налогов со своих контрактных обязательств перед государст-

вом, так как он показал себя неспособным заставить уважать свою монополию.

В другой раз откупщик столкнулся с нежеланием налогоплательщиков выполнять свои обязательства, решивших искать защиты против его притязаний. Вот что написано в этом письме, датированном 117 годом: «Аменнеосу, базиликограммату (арсиноитского нома) от Фефера, сына Пауса, посредника по налогу на пиво и соду в Керкеозирисе, 53 год (правление Птолемея VIII). Будучи информирован, что жители деревни решили просить вашей защиты и желая остаться с вами в добрых отношениях, так как в вашей власти больше чем в чьей бы то ни было блюсти интересы царской короны, я прошу вас написать Деметрию — эпистату деревни, Никанору — главе охраны, Менхесу — комограммату и старейшинам деревни, чтобы они убедили жителей следовать древней традиции так же, как я следую своей, выплачивая долг (государству). До свидания»¹⁷.

Запись адресата показывает, что послание было получено и что царский чиновник занял сторону деревенских жителей, встав против откупщика.

Денежная экономика

Египтяне были знакомы с денежной системой еще в эпоху фараонов. Традиционно торговля базировалась на системе соотношений с мерилем весового металла. Однако настоящие чеканные монеты появились только к концу первой персидской войны с активным внедрением афинских тетрадрахм, которые были тогда самой распространенной единицей международной торговли¹⁸. Последние египетские фараоны IV века чеканили небольшое количество монет на свой лад, но именно Птолемей, сын Лага, сделал первые шаги по внедрению единой денежной системы¹⁹. Деньги были из трех видов металла, но в экономике только серебро и бронза играли значительную роль. Денежный оборот был закрытым, иными словами — только монета, отчеканенная на

царском дворе, могла иметь хождение внутри страны. Поскольку птолемеяевская монета была легче разменной средиземноморской (примерно 14 граммов вместо 17 граммов на одну тетрадрахму), то государство взимало в качестве налога это небольшое различие в весе во время денежного обмена, необходимого для всех иностранных граждан, пришедших торговать в Египет.

Такой способ привлечения металла в государственную казну был единственной возможностью из-за того, что в Египте не было своих собственных серебряных рудников. Внутри страны, главным образом, имела хождение бронза. Однако медные монеты так широко распространились во время правления Птолемея II, что впоследствии необходимо было провести беспрецедентную по объему и продолжительности деноминацию, которая в итоге увеличила вес монеты с 3 до 96 граммов. Необходимость выплачивать определенные налоги только деньгами лишь подчеркивала специфичность этого феномена.

Сделав монеты необходимым элементом экономики, Лагиды создали и систему кредита, то есть банковскую систему. Банки, государственные или частные, управлялись высокопоставленными лицами, которые покупали привилегию обмена денег и взимания налогов²⁰. Такие банки существовали во всех крупных городах нома и в большинстве деревень. Кроме того, царские банки взимали налоги со всех долговых обязательств, переведенных на царский счет в виде документа о налогах и взысканиях, для которых банки выдавали квитанции на глиняных табличках. Эти банки предоставляли залог и гарантии покупателям с торгов. Все банки могли распоряжаться счетами вкладов частных лиц и осуществлять выплаты от их имени. Также банки практиковали займы за фиксированный процент. Процент этот был очень высоким (24%), что никак не способствовало развитию кредитной системы. Владея общественными капиталами так же, как и частными, банки тщательно охранялись, что, впрочем, не спасало от

хищений. Так случилось с царским банком в Фивах в 131 году при следующих обстоятельствах...²¹

В смутные времена гражданской войны между сторонниками Птолемея VIII и окружением его сестры Клеопатры II высокопоставленный чиновник, вице-тебарх Дионисий приказал банкиру Доигену перевести 90 талантов со счета поступивших вкладов и комиссионных сборов на счет лидера повстанцев, некоего Харсиесиса. Ясно, что Дионисий перевел деньги под давлением последнего, ставшего на недолгое время правителем Фив. Однако страх быть обличенным в государственной измене и утечке денежных средств от этого не уменьшился. Не располагая необходимой суммой, Дионисий заставил фиванских жрецов Амона предоставить в его распоряжение два счета, которые те держали в банке и на которые государство переводило деньги, предназначенные для поддержания культа. Он сумел убедить их, так как жрецы, в конечном счете, согласились выдать вице-тебарху сумму, которая смогла покрыть непредвиденные расходы. Дионисий также приказал банкиру уничтожить все документы, касающиеся перечисления со счета на счет. Однако банкир, сознавая, что он таким образом оказывается виновен в подделке документов, на всякий случай сохранил копию письма вице-тебарха, касающегося этого дела. Собственно, благодаря этому единственному документу мы и узнали все подробности преступления. Окончание истории дошло до нас не полностью: жрецы никогда уже не смогли вернуть себе деньги, которые они одолжили без гарантии Дионисию, и, естественно, им оставалось только пожаловаться на действия вице-тебарха непосредственно царю Птолемею VIII во время его проезда через Фивы в июле 130 года. Эта махинация была вскоре открыта, так как вся местная финансовая администрация почти моментально сменилась, включая не только банкира и вице-тебарха, но и вышестоящих чиновников. Например, тебарха Деметрия, который, казалось, ничего не знал о делах своего подчиненного.

Более-менее стабильная денежная система времен правления первых трех представителей династии Лагидов закончилась серьезным кризисом во время царствования Птолемея IV. Частично такая ситуация была спровоцирована призывом и вооружением армии в связи с четвертой сирийской войной. Уменьшение сельскохозяйственной продукции из-за рекрутского набора среди египетских крестьян, а также привлечение в принудительном порядке на работы, направленные на обеспечение военного состава, только усугубляли и без того тяжелую ситуацию. Это повлекло за собой неминуемый кризис поставки урожая и снабжения Александрии хлебом. В целях защиты рынка столицы от резкого поднятия цен диоикет Теоген решил пойти на драконовы меры в отношении оценки серебра/бронзы, которая до него не менялась. В итоге вопрос был решен в ущерб бронзовым монетам. Чтобы резко прекратить хождение двух видов металла, новый сплав был создан на следующих условиях: драхмы из меди изымались по следующему курсу — шестьдесят драхм из меди равнялись одной драхме из серебра (которая использовалась только в Александрии). Новая система имела свои положительные, но незначительные стороны: она позволяла упростить счет путем упразднения мелкой монеты (обола). Другой деноминированной монетой был талант, равный шести тысячам медных драхм и только ста серебряным.

Политические, социальные и экономические последствия оказались весьма ощутимы. Власти, без сомнения, надеялись посредством махинаций в системе обложения налогов (сборы рассчитывались по старым эталонам, а платить необходимо было новыми деньгами) вернуть себе серебро, потому что налогоплательщику проще было уплатить серебряными деньгами. На самом же деле серебро очень быстро исчезло из личных сбережений каждого и стоимость бронзовой монеты тут же взлетела по инфляционной спирали, что повлекло за собой повышение цен

на все услуги и товары. Весь слой мелких сельских вкладчиков оказался в ту же секунду разоренным, что явилось одной из причин серьезного бунта в Фиваиде пять лет спустя. В последующие сорок лет инфляция заставила правительство дважды повысить курс серебряной и бронзовой монет — в 183 и в 173 годах. Казалось, что Птолемею VI удалось стабилизировать цены путем налаживания хождения серебряной монеты в стране. Однако гражданская война, разгоревшаяся во время правления его наследников, спровоцировала долгий сбой в работе денежной системы и еще раз привела к девальвации медной монеты в 130—128 годах. К этому моменту серебряная монета в 4 драхмы с изображением Птолемея I стоила более чем две тысячи медных драхм! Это была последняя девальвация, несмотря на то, что цены продолжали расти, например, во время гражданской войны 89—88 годов.

Временная стабилизация еще не означала, что внутренняя ситуация существенно улучшилась, а лишь доказывала, что крайняя нехватка денежных средств материально ограничивала новый инфляционный скачок. Однако к концу правления Птолемея XII государство Лагидов испытало жесточайший финансовый кризис, связанный с царскими затратами, направленными на получение римского признания и из-за астрономических сумм, которые царь потратил в ходе собственного утверждения на троне после периода изгнания между 58 и 55 годом. Чтобы избежать банкротства, на этот раз понизили цену серебряной монеты²³. Проба металла с 53 по 52 год упала с 90 до 33%. Мы не знаем, достаточно ли было этой денежной операции, ставшей эквивалентом печатания денег, чтобы покрыть царские долги. Но мы знаем точно, что она подорвала денежный кредит птолемеевской династии и снова привела к инфляции, но на этот раз серебряных денег. Чтобы положить конец внутренним беспорядкам, связанным с финансовой нестабильностью, последняя Клеопатра попыталась провести реформу бронзовых монет, введя в обращение денежные единицы по 80 и 40

драхм. Однако ситуация окончательно стабилизировалась только при Октавиане, который просто изъясил бронзовые монеты, отчеканенные в 210 году, положив, таким образом, конец 180-летнему финансовому кризису.

Нищета крестьянства

Яркая и многолюдная жизнь Александрии, а также еще нескольких греческих и египетских городов была скорее исключением из правил общего ритма страны. Большинство египтян были привязаны к земле. Различные иностранные влияния мало изменили тяжелые условия жизни крестьянского населения, протекавшие по неизменным законам древних сельскохозяйственных традиций, подчиненных годовому циклу разлива вод Нила. Персы внедрили на египетских просторах новую технику орошения земель при помощи осушения грунтовых вод, однако это касалось только отдельных египетских территорий. Греки пытались привить и распространить те культуры, которые были им необходимы и служили ходовым товаром: вино, пшеницу и оливковое масло.

Пшеница была основным продуктом средиземноморской цивилизации. Приход греков на египетскую землю совпал с небольшими изменениями в области сельского хозяйства: пшеница традиционно составляла основу питания египтян и была некоторым сортом полбы, называвшейся «олира» (*Triticum Dicoccum* на египетском — *boti*). Она очень быстро сменилась жестким сортом пшеницы, употребляемым греками. Что касается виноградарства, то здесь наметились небольшие улучшения, привнесенные греками в культуру разведения винограда, практиковавшуюся египтянами еще с самых древних времен. Территориальные особенности существенно ограничивали успешное выращивание оливковых деревьев. В Египте было очень мало плодородной земли и масло получалось низкого качества. Такие неблагоприятные природные условия усугублялись еще и

абсолютной незаинтересованностью самих крестьян в выращивании качественного продукта. Это было вызвано не только инертностью местного населения, ведущего хозяйство по установленной традиции уже тысячи лет, но и заботой о сохранении равновесия, приобретенного путем долгого опыта, который греки, переоценивая превосходство своей собственной культуры, совершенно напрасно игнорировали и недооценивали. Когда вскользь в каком-нибудь архивном документе²⁴ появляется мнение бедняка, то оно обычно сводится к отстаиванию своего права на знание сельского хозяйства к великому несчастью агрономов, назначенных на эту должность царем, высокопоставленными особами или владельцами унаследованных земель. Они не могли поколебать уже существующих традиций местного населения: олиру все равно предпочитали пшенице, пиво на основе переработанного ячменя — вино, а кунжутное масло — маслу оливковому.

Некоторые технические новшества все же прижились на египетской земле, в особенности те из них, которые были связаны с ирригационными работами. В течении II и I веков гидравлический механизм (*сакие*) и Архимедов винт быстро внедрялись в районе дельты Нила, вытесняя механизм балансира, придуманный во времена Нового царства и до сих пор иногда применяющийся под названием *шадуфа*. Более сложные механизмы, которые придумывали александрийские ученые, как, например, откачивающий насос Ктесибия во время правления Птолемея II²⁵, вызывали только появление забавных слухов в египетской провинции. С другой стороны, железные земледельческие орудия, выкованные из привезенного в Египет металла (так как в самом Египте металл не добывали), использовались лишь на редких, особенно плодородных землях.

Только с введением новых экономических требований жизнь местного крестьянства стала меняться. Земля никогда не принадлежала людям, возделывающим ее. Единственным законным владельцем оставался фараон, он имел право даровать наделы либо

своим фаворитам, либо храмам. Однако аренда и налоги не могли полностью содержать слои египетского общества, не связанные напрямую с производством: писарей, жрецов, солдат и т. д. Сельскохозяйственная экономика оставалась, таким образом, экономикой перераспределения. Греки, первыми внедрившие понятие выгоды, фундаментально меняли структуру египетского сельскохозяйственного общества.

Местный крестьянин не имел особого социального статуса. Самое простое наименование — это «царский земледелец» (*базиликос георгос*). Он зависел от деревенского писца (*камограммата*), владевшего наделом земли и диктовавшего программу засева участка²⁶. Эта программа заранее определялась местной администрацией в соответствии с распоряжениями, поступавшими из столицы, а также в зависимости от ожидаемого уровня поднятия Нила. Необходимые для посева семена и аграрные орудия выдавались в строгом порядке только на время полевых работ, распределение посевных территорий должным образом контролировалось²⁷. Понятно, что крестьянин не имел права ни на какую инициативу, а значит, ни за что не отвечал. У него была единственная альтернатива: подчиниться плану или отказаться работать на наделе земли, который ему предоставляли, рискуя оставить голодным себя и свою семью. Если возникала нехватка рабочей силы или же наступали смутные, беспокойные времена, его лишали даже этого последнего выбора и брали на работу в принудительном порядке. В любом случае крестьянин обязан был предоставлять свой урожай на молотьбу, где само государство занималось его дальнейшей обработкой и распределением. Царь брал вперед плату за наем земли в среднем 40%, а с плодородных земель до 50%, также он взимал различные налоги и покрывал расходы от выданных на посевы займов, которые совпадали в среднем с 0,10 урожая. В общем, царскому крестьянину доставалась одна треть, в лучшем случае — чуть меньше половины от того, что он производил. На полученную часть работник и его семья

кормились до следующего урожая. Вырисовывающаяся картина достаточно абстрактна. Такое управление в организации сельскохозяйственного производства предполагает, что существовали другие способы зарабатывания средств к существованию, которые власть не могла контролировать. Любое принуждение имеет свои границы. Земли могли остаться без крестьян, если давление со стороны власти становилось невыносимым. В 118 году в Керкеозирисе (деревне в Фаюме) группа крестьян отказалась от работы на навязанных им условиях, и земля не возделывалась в течение всей гражданской войны. После неудачных попыток сдать эту землю другим работникам по распоряжению, пришедшему из Александрии, царский писарь вынужден был просить диоикета принять меры по снижению налога на землю, чтобы подтолкнуть крестьян прекратить забастовку и начать посевные работы: было выгоднее сократить царскую арендную плату, чем вообще отказаться от аренды²⁸.

Тогда как административные меры теоретически были направлены на облегчение крестьянской участи, сами египтяне были вынуждены сносить все более и более жесткие ограничения. Прежде всего, при выращивании других видов сельскохозяйственных культур деятельность крестьянина полностью контролировалась представителем компании, уполномоченной государством для сбора налогов на эту продукцию. Естественно, выгоды, полученные с урожая, напрямую зависели от его объема. Можно представить, насколько жестоким было давление на крестьян, чтобы повысить сборы. Значительная часть земель не принадлежала царской фамилии. Существовали священные земли, относившиеся к храмам, но работы на них контролировались царскими чиновниками. Были также огромные земельные участки, которые царь мог даровать либо чиновникам за особые заслуги перед государством, либо военным (клерухам) за верную службу. Последние могли использовать свой надел, прибегая к возможной помощи наемных рабочих, но могли доверить его и треть-

им лицам. Достаточно часто этими людьми оказывались не профессиональные хлебопашцы, а предприниматели, которые, в свою очередь, становились посредниками между клерухами и крестьянами. Такая взаимозависимость выстраивала некое подобие пирамиды по извлечению собственной выгоды: выгода по эксплуатации земель клерухов, выгода военных, которым была дарована земля, выгода откупщиков, выгода царя, которому в конечном счете возвращались доходы с налогов на земли и на сельскохозяйственные культуры.

Положение крестьянина, работающего на земле клеруха, было менее тяжелым, чем того, который работал на царской земле. Работник клеруха избегал в некоторых случаях беззакония чиновников, заботящихся о выполнении производственного плана, так как земля военных не была подчинена такому жесткому контролю, какой наблюдался на царской земле. Здесь выбор посевной культуры был свободнее.

Жизнь деревни Керкеозирис²⁹

У нас появился уникальный шанс изучить жизнь египетской деревни конца II века. В июле 1900 года в Тебтинисе, на юге Фаюма, один из работников археологической англо-американской экспедиции, раздосадованный, что нашел только мумии крокодилов там, где он надеялся найти саркофаги, разбил одну из них ногой. Оказалось, что засушенный ящер был завернут в уже ранее использованные папирусы как в упаковочную бумагу. Так обнаружились официальные архивы комограммата, то есть деревенского писаря, Менхеса. Интересен тот факт, что богослужения совершались не в Тебтинисе, а в Керкеозирисе, местности до сих пор неопределенного географического расположения. Парадоксальность ситуации состоит в том, что по сей день не найденная деревня является наиболее подробно описанной в документах.

Основной задачей комограммата было ежегодное установление полного земельного кадастра своей

деревни, с учетом различных налоговых категорий на землю, а также списку посредников, получивших эксклюзивное право на продажу надела земли, засева и прогноза урожайности различного сорта культур. Через установленные интервалы комограммат обязан был посылать отчет своему начальнику — царскому писарю нома (базиликограммату) о состоянии посевов и продаже на корню урожая. Сельскохозяйственные работы начинались в первых числах сентября в момент спада воды и заканчивались только со сбором урожая. Документы, представлявшие собой свитки иногда по 4 — 6 метров в длину, составляют большую часть архива Менхеса. Помимо этой всепоглощающей деятельности, комограммат обладал еще огромным количеством обязанностей, которые превращали его в официального публичного представителя власти местного масштаба. Но именно в силу публичности своей профессии писарь становился более уязвимым, о чем свидетельствовала история, рассказанная в предыдущих главах. Он не довольствовался только заполнением свитков, наблюдая за людьми и работами, осуществляя, например, контроль за строительством каналов и плотин, чтобы убедиться в налаженном и плодотворном орошении земель.

Деревня в Фаюме, Керкеозирис, не располагала естественными речными притоками. Воды Нила доходили до нее через вспомогательные каналы, которые орошали большую часть оазиса, начиная с Бахра Юсуфа, рукава Нила, который вливался в озеро Мерис. Эта система была создана недавно, во время правления первых Птолемеев, при помощи огромного количества трудоемких работ. Вся рабочая сила трудилась над превращением региона в богатую сельскохозяйственную провинцию, где бы могло обосноваться большое количество переселенцев из Греции. Территория деревни была равна приблизительно 4700 арур (1300 гектаров). Застроенная часть деревни составляла всего 19 гектаров. Не принимая во внимание 47 гектаров необрабатываемой территории, 48 было отдано под пастбище, менее 6 гекта-

ров — под сады, остальная же земля (около 1180 гектаров), которую можно было отдать под засев, принадлежала частным владельцам. Более половины этой площади (около 670 гектаров) составляли царские земли, остаток, включающий в себя 430 гектаров, был предоставлен клерухам, и только 80 отходило под священные земли. Нельзя утверждать, что все сельские территории (даже если брать во внимание только Фаюм) были разделены по подобной же системе. В частности, земельные участки, принадлежащие клерухам (36,5%) были намного больше в Керкезирисе, чем за его пределами, что объясняется характером новой деревни, построенной в целях освоения территории греческой армией. Эти дарованные земли формировали в свою очередь две различные категории, если не по статусу, то, по крайней мере, по роду эксплуатации: примерно 300 гектаров были записаны на имя более 30 кавалеристов, каждый из которых обладал прекрасной греческой «родословной» и получал доход с участка площадью от 20 (5,5 гектара) до 80 (22 гектаров) аруров; оставшиеся 130 гектаров были поделены между 55 пехотинцами (*махимы*) и 9 египетскими кавалеристами, с соответствующим участком земли от 7 до 15 аруров (от 2 до 4 гектаров).

Все эти земли не возделывались одновременно. Происходило это по той или иной причине: прорыв плотины или ошибка при обработке земли, превращавшей поле в болото, поднятие соли, опустынивание земли — наделы становились непригодными для обработки и посевов в течение того или иного сезона. С другой стороны, годы, освещенные в архивах (121—110), совпадают с кризисом в сельском хозяйстве, вызванным династическими войнами. Период, предшествующий выходу указов об амнистии в 118 году, был достаточно сложным. Из всей царской земли общей площадью примерно 670 гектаров, обрабатывалось всего 364 гектара в 121 году, а к 118—117 годам количество возделываемой земли уменьшилась до 317 гектаров, что составляло, таким образом, лишь 47% всей используемой территории.

Такая ситуация объяснима лишь нехваткой рабочей силы, связанной с массовыми побегами крестьян. Принятые меры по амнистии не имели быстрого и ощутимого эффекта, судя по документам, подтверждающим, что использованные площади не достигли в 112—111 годах (351 гектар) уровня 121 года. Для царской семьи дефицит возделанных участков был настолько велик, что арендная плата была понижена в несколько раз. Таким нехитрым способом Лагиды рассчитывали повысить у крестьян стимул к работе. Более загадочными, в конце концов, выглядят цифры, отображающие ситуацию на дарованных клерухам землях: в период с 119—118 до 116—115 годов их неиспользованные наделы возросли от 17 до 48%. Невозможно найти логического объяснения подобному феномену. Было ли это вызвано общими причинами или только местными условиями? Очевидное отдаление от земель явственнее прослеживается у греческих кавалеристов (от 24 до 58%), чем у египетских *махимов* (от 18 до 24%). С другой стороны, соотношение участков клерухов, которые они возделывали сами, представляет интересную эволюцию: в 119 году только треть *катойков* (кавалеристов) и 44% *махимов* (пехотинцев) сами возделывали свои земли; тремя годами позже ситуация первых не изменилась, тогда как египетские пехотинцы сами возделывали 98% своих наделов. Ясно, что причина заключалась в демобилизации военных частей, которая последовала за официальным окончанием гражданской войны в 118 году. Египетские махимы, освобожденные от царской службы в армии, не имели других способов существования, как возвращение на собственные поля, напротив, греческие кавалеристы могли довольствоваться взиманием налогов с ренты собственной земли и заниматься более выгодной деятельностью.

Что же выращивали в Керкеозирисе? Пшеница занимала больше половины общей посевной площади — это примерно 50—55% царских земель и еще больше земель клерухов (до 62% в 119—118 годах). После пшеницы следовала чечевица (примерно от

13—15,5% царских земель), которая с ее высокой питательной ценностью, должна была занять важное место в местной пищевой промышленности вместе с бобами, выращиваемыми, однако, в небольшом количестве. Также постоянно собирали урожай чины, которой кормили тягловых животных, и ячменя, основного ингредиента при изготовлении египетского пива. Чину высаживали по очереди с зерновыми культурами, следуя трехлетнему ритму. Другие кормовые культуры и некоторые виды приправ, например, чеснок, черный тмин и тригонелла — последняя использовалась в приготовлении похлебки, — довершали этот список. Стало заметно увеличение в использовании местных зерновых культур, например, олиры, а также масленичных (оливы, кунжута и клещевины) и льняных культур. Так как Фаюм был ведущим районом в производстве масла и льна, то недостаток этой продукции возможно объяснить только особенностями почвы. Керкеозирис специализировался на производстве пшеницы. Невозможно установить, чем руководствовались при выборе той или иной культуры в различных деревнях.

Домашние животные играли важную роль в ведении хозяйства. Главным образом использовались коровы и быки, которые разводились исключительно для работ в поле. Иногда крестьяне брали их в аренду у своих хозяев. Стадо баранов и коз принадлежали либо частным владельцам, либо (что случалось намного чаще) храмам, которые доверяли их пасти полукочевым пастухам, главным образом бедуинам. Такая практика известна и в наши дни. Из домашней птицы разводили гусей, чье мясо считалось священным и часто приносилось в жертву богам, а для крестьян было хорошей белковой пищей. Мясо курицы, о существовании которой египтяне не знали во время правления фараонов, постепенно вошло в местный рацион, как и употребление яиц. Одним из самых поразительных элементов деревенского пейзажа оставались огромные голубятни, которые располагались на краю деревни. В Керкеозирисе в одной из таких конструкций было около 1000 гнезд, треть из кото-

рых была посвящена богу Собеку из Тебтиниса. Голуби, чьим мясом любили полакомиться египтяне, кормились чечевицей и пшеницей.

Также в стране широко распространилось производство меда, чье развитие подтолкнула деятельность греков, которые были большими любителями этой «пищи богов». Искусство пчеловодства, уже хорошо знакомое египтянам, велось передвижным методом. Перемещая ульи к местам цветения различных видов растений, они получали различные сорта меда. Такой род занятий провоцировал огромное количество конфликтов между пчеловодами, озабоченными доходностью своих ульев, и местной администрацией, заботившейся больше о соблюдении внутренних границ и не способной постичь все тонкости природного цикла пчел³⁰.

Ремесленники и торговцы

Сословие ремесленников и торговцев играло одну из определяющих ролей в формировании египетского благосостояния. Сельскохозяйственные продукты в большинстве своем перерабатывались, чтобы стать пригодными для употребления. Маслосодержащие семечки должны быть спрессованы до состояния масла, которое уже было готово для употребления (кунжут и оливы), или же для использования в освещении (касторовое масло). Мы видели, что переработка и продажа масла были закреплены в качестве царской монополии за ремесленниками и торговцами, обладающими исключительным правом на продажу под жестким контролем государственных представителей и высокопоставленных особ. Такая же ситуация была и с производством папируса, технология по изготовлению которого была исключительно египетской специализацией. Следуя экономическим и политическим интересам, Птолеми развивали экспорт папируса по всему Средиземноморью, где он служил основным материалом для письма: использовался для написания государственных писем,

а также, в частности, для издания литературных, философских и научных текстов. Как и в большинстве случаев, наследуя древнюю традицию фараонов, местное ремесленное сословие, призванное снабжать своей продукцией городские и деревенские рынки, активизировалось благодаря проведенной при Птолемах денежной реформе. Облегчая оборот средств, она позволила сформироваться предприятиям, которые могли отправлять свой товар для сбыта на большие расстояния. Некоторые регионы или городские районы специализировались в той или иной области, следуя распространенной в греческом мире традиции. Ремесленники иногда объединялись в корпорации, которые платили налоги как одна организация. Среди множества областей, в которых они были заняты, можно упомянуть те, которые касались текстиля: прядение, ткачество, валяние и окраска³¹. Двумя основными материалами были лен и шерсть; хлопок (растительное волокно) оставался экзотическим товаром, которого не было в самом Египте.

Работы по выращиванию и производству льна также происходили по старым местным традициям. Чтобы получить ткацкую нить, нужно было использовать касторовое масло и соду во время кипения волокон, отдельно же эти два продукта принадлежали царской монополии, что позволяло правителям вести жесткий контроль над всеми стадиями производства ткани. Лучшее качество льна называлось «царским льном» или *виссоном*, производившимся исключительно в мастерских, находившихся при храмах, которые придавали большое значение божественным одеяниям. Взамен этой привилегии храмы обязаны были поставлять определенное количество ткани в качестве налога или же уплатить деньгами. Лен другого качества производился независимыми ремесленниками, собирающимися в корпорации, ответственные за квоты производства, навязанные администрацией. Орудия для выработки ткани, не используемые на той или иной стадии работы, опечатывались, чтобы помешать тайному производству

неучтенного льна. Шерстяные ткани мало ценились в Египте фараонов, потому что наложенное на них табу запрещало использовать в повседневной жизни все, что касалось жрецов, богов и мертвых. Это ничуть не смущало греков, которые с избытком производили священную для египтян ткань, благодаря ввозу в страну баранов милетской породы (из города Милета в Малой Азии), дававших в изобилии шерсть высшего качества. Для производства шерстяной ткани требовалось мьящееся растение, называемое *струтейон*, заготовка которого, как и соды, тщательно контролировалось и облагалось налогом. Организация производства шерстяных изделий не должна была сильно отличаться от производства льна. Государство было больше всех заинтересовано в снабжении армии шерстяной одеждой. Также шерсть служила для изготовления ковров и гобеленов, мода на которые постоянно росла.

Гончарное ремесло оставалось самой распространенной областью ремесленного производства. Все путешественники по Египту восхищались местной керамикой. До нас от этой роскоши дошли лишь черепки, чье плачевное состояние ввергает в отчаяние археологов. Огромный выбор глины во всем Египте, несмотря на то что в большинстве своем она достаточно низкого качества, наводит на мысль, что гончарное производство развивалось самостоятельно в каждом регионе. Необходимо также упомянуть о так называемом «египетском фаянсе», который представлял собой некую стеклянную зернистую массу, покрытую зеленой или бледно-голубой глазурью, использовавшейся для окрашивания сосудов, статуэток или разного рода безделушек. Александрия была местом производства самых шикарных ваз и статуэток. Те же из них, которые были разукрашены в эллинистическом стиле, предназначались исключительно для очень узкого рынка сбыта или шли на экспорт.

Что же касается специализации по металлу, то, без сомнения, полноправным хозяином в этой области был Мемфис³². Речь идет об индустриальной тради-

ции, восходящей к временам фараонов, так как покровителем Мемфиса являлся бог Птах, который считался богом кузнецов и ювелиров, что позволило грекам соотнести его с Гефестом. Эта область была в первую очередь направлена на создание оружия. Нам известно, что мемфисские мастерские полностью снабдили оружием армию Птолемея IV в 218—217 годах, которая победила в битве при Рафии 22 июня 217 года. Месторождения меди около города Дионисиаса, на юго-западе Фаюма, сделали выгодным положение Мемфиса в сфере производства бронзовых изделий. Железо, скорее всего, импортировалось. Помимо оружия, кузнецы ковали сельскохозяйственные орудия, а также создавали предметы роскоши, такие, как сосуды, лампы, элементы декора, статуэтки и предметы культа. Обработывались также золото и серебро, а репутация золотых и серебряных дел мастеров из Мемфиса была древнейшей и наиболее уважаемой в Египте. Серебряная посуда очень ценилась, так как она составляла тот капитал, который мог быть отдан при случае под залог.

Сбыт этой продукции, изобилующей на местных рынках и вместе со многими продуктами питания вывозимой в Александрию для дальнейшего экспорта, очень сильно зависел от речного судоходства³³. Поселившись в Египте, греки вложили огромное количество средств во фрахтование барж на Ниле, памятуя о своем традиционном занятии — судоходстве. В этой области не существовало царской монополии. Частные или общественные суда перевозили различного рода товары, в частности, общественные корабли специализировались на перевозках пшеницы и масла. Владельцами, как правило, были богатейшие граждане Александрии, занимающие высокие чины при царском дворе (иногда владельцами становились даже члены царской фамилии), которые имели средства для вложения их в строительство речных судов. Они сдавали свои корабли фрахтовщикам, которые часто объединялись в группы, чтобы уменьшить возможности риска. Чаще всего ими были греки, но иногда среди них встречались и фи-

нийцы, как, например, партнеры одной из компаний, известной во время правления Птолемея XII, среди которых мы встречаем неких Забдиона и Малихия³⁴. Некоторые фрахтовщики брали на себя ответственность за управление грузовыми судами, но также могли их доверить капитанам, среди которых встречались египтяне, искушенные в плаваниях по Нилу на тяжелогруженных баржах.

*Греки и египтяне перед лицом закона*³⁵

До завоеваний Александра Македонского население Египта было более или менее однородным. Эмигранты составляли лишь очень ограниченную часть местных жителей: в основном это были греки, проживающие в Навкратисе, также карийцы, греки и сиро-финикийцы, обосновавшиеся в Мемфисе, а вытесненные персами сирийцы и евреи поселились в военных городах, таких, как Элефантина. Александр Македонский и его последователи открыли Египет для колонизации. Следствием этого стало сложное социальное расслоение, из которого складывалась общая картина страны.

Среди разногласий, разделяющих две нации, основной проблемой оставалась область, касающаяся права. В большинстве своем Лагиды уважали местные законы, которые были плодом долгой юридической традиции, оформившейся еще во времена саисских фараонов, главным образом в эпоху Амасиса (570—526 годах), и дополнялись законами во времена правления персов³⁶. Естественно, не может быть даже и речи о применении этих указов к грекам, чьи обычаи в этой области формировались на совершенно иной историко-культурной почве. Каждый город развивал свою юридическую систему и располагал собственным законодательством. Таким образом, грек, обосновавшийся в Египте, мог ссылаться на законы своего родного города. Основной задачей частного права оставалась попытка уравнивания прав различных греческих полисов, уроженцы кото-

рых поселились в Египте. Эту усредненную норму называли «правом городов». Естественно, что такие города, как Александрия, Навкратис и Птолемаида, будучи, в сущности, автономиями, имели свои собственные законы, которые распространялись только на их жителей. К различным уровням правоведения добавлялась еще и богатая законодательная система, введенная самими Птолемеями и касающаяся, главным образом, общественного права. Эта система существовала в виде приказаний (*простагмата*) и постановлений (*диаграммата*), которые затрагивали, скорее всего, налоговые вопросы. Если речь шла о спорных вопросах, то приказания могли быть достаточно жесткими. Примером тому является предписание Птолемея II, запрещающее адвокатам защищать перед судом частные случаи, входящие в конфликт с налоговой системой. К этому указу обратится Птолемей VI спустя столетие.

Такое количество судебной документации неизбежно порождало различные юридические трактовки спорных вопросов между частными лицами. Кроме специальных судебных инстанций и других подобных организаций, исчезнувших после III века, сохранились два вида процессуальных институтов — суд *лаокритов*, организованный жрецами, которые использовали египетское законодательство, и суд *хрематистов*, действующий по «закону городов». Последний был разъездной, но очень скоро у него появились представительства практически в каждом большом городе нома. Четкого описания обязанностей этих судов не было, так как их статус не определял собой природу практикуемого права, за исключением частных случаев трех греческих городов в Египте. Другими словами, грекам ничего не мешало просить применить египетский закон или египтянам — греческий. В результате очень часто возникала путаница, в особенности в спорных вопросах между греками и египтянами, о чем свидетельствует один из указов, обнародованных Птолемеем VIII и двумя его женами одновременно с изданием закона об амнистии в 118 году³⁷. Отныне язык контракта

определял суд: греческий — для хрематистов и демотический — для лаокритов. Единственным исключением являлся случай греческого контракта между двумя египтянами, которые были обязаны, несмотря на язык, подчиниться лаокритам, что объяснялось желанием властей защитить местную юрисдикцию против возможного вторжения греческого суда.

Среди множества пунктов, по которым расходились египетское и греческое законодательство, можно отметить один, касающийся юридических прав женщин. Речь идет о фундаментальном разногласии во взглядах двух наций на роль женщины в семье и обществе, а не просто юридическом различии. У египтян женщина пользовалась полной автономией в правах, которые позволяли ей среди прочего распоряжаться своим имуществом. Для греков женщина являлась существом, зависимым от воли опекуна, называемого буквально «хозяин» (*кюриос*). Главным образом, им выступал либо отец, либо муж, за неимением же ни того, ни другого эту обязанность брали на себя ближайшие или дальние родственники. Мы понимаем, что такая разница в сознании наций тяжело давила на выбор между греческим или демотическим вариантами, когда дело касалось супружеских отношений или раздела имущества между наследниками.

Но независимо от принадлежности к той или иной нации, суды не всегда благосклонно принимали жалобы, чьи податели предпочитали обращаться напрямую к представителям высших инстанций. На самом деле, еще за двадцать веков до Монтеスキё птолемеевский Египет пренебрегал принципом разделения властей. С царского одобрения любой представитель общественной власти в номе обладал правом административного принуждения, позволявшим ему судить любой случай, находящийся в его ведомстве, и выносить свои решения. Вначале такие решения могли приниматься лишь в тех делах, которые затрагивали царский интерес, то есть главным образом в вопросах, касающихся налогов. Все больше и больше становилось подателей жалоб, обра-

щавшихся напрямую в судебные инстанции, признавая их эффективность в управлении общественной жизнью. Так, нам известно о некоем Гермии, который, не найдя помощи у хрематистов, обратился со своим делом в суд эпистата нома окраины Фив³⁸. Несмотря на свое греческое происхождение, он, тем не менее, не выиграл дела. Усиление влияния местных чиновников, сосредоточивших в своих руках всю административную, политическую и юридическую власть, привело к еще большим правонарушениям, с которыми Лагиды безуспешно пытались бороться. Законы по амнистии 118 года содержали огромное количество мер, направленных на ограничение власти стратегов и других ответственных общественных чиновников, работающих в судебных и карательных организациях. Однако подчас административные органы сами искали защиты, дать которую могли только местные представители царской власти взамен на покорность, верность и некоторую возможную выгоду. В египетских деревнях неизбежно возникали коррупция и клиентелизм, которые оказались сильнее всех различий в законодательстве и правах между греками и египтянами и сглаживали таким неожиданным образом все этнические антагонизмы.

*Рабство*³⁹

Язва всего античного общества — рабство — существовало также и в Египте фараонов, но никогда не занимало важного общественного и экономического положения. Значительный наплыв рабов начался только во время периода Македонских завоеваний, так как греки не представляли себе существования общества без рабской силы. Организация сельскохозяйственного и ремесленного производства, которое стало бурно развиваться во время правления Лагидов, не подразумевала под собой использование рабского труда. Привлечение рабов на земельные работы было не выгодно с точки зрения владельцев

земель — царя, храмов и клерухов. Экономически эффективнее было обращение к рабочей силе теоретически свободных крестьян. Поэтому в египетских деревнях и городах рабов держали только в домашнем хозяйстве. Существовало несколько источников поставки рабов. Успешные войны III века могли быть причиной тому, что в Египте появилось большое количество военнопленных, но этот источник рабочей силы быстро изжил себя в последующие века. Пиратство на Средиземном море также являлось классическим поставщиком рабов, но к 250 году пиратские корабли были практически уничтожены в многочисленных морских боях птолемеевским флотом, затем с ними также успешно боролись жители Родоса до середины II века. Однако между 150 и 67 годами (окончательной победой Помпея над пиратством) «флибустьеры» регулярно снабжали рабами рынок порта-франко Делоса. Но с 67 года они взяли направление на Италию, где были более богатые по сравнению с Египтом клиенты. Продажа детей их обедневшими родителями также позволяла обновлять рынок рабов. В некоторых случаях рабство налагалось на должников, хотя в конечном счете правители отказались от этого права частных кредиторов, оставив такую меру наказания только в случае неуплаты налогов. На рынке рабов дети пользовались наибольшей популярностью, так как их можно было обучить различного рода занятиям, полезным в хозяйстве и в торговых делах хозяина. Их можно было доверить специальным учителям, чтобы те выучили детей, например, выработке ткани, ведению записей или расчетов или даже некоторым медицинским навыкам.

Если рабство не составляло особой важной части населения в египетских провинциях, то в Александрии и в других греческих городах складывалась совсем иная ситуация. Помимо многочисленных домашних рабов при дворе и в домах высокопоставленных лиц, рабочая сила многих мастерских, скорее всего, также состояла из рабов, как и во всем греческом мире, несмотря на малое количество сведений на этот счет.

Но даже у высокопоставленных лиц рабы не всегда выдерживали условий существования, навязанных им греческими законами, как это видно из документа о побеге двух рабов, датированного 13 августом 156 года⁴⁰: один из них, сириец по происхождению, принадлежал послу карийского города Алабанда, другой — высокопоставленному чиновнику царского двора. Первый из них, помимо всего прочего, украл у своего хозяина три золотых монеты и украшения, второй смог унести только одежду. Хотя бегство было совершено в Александрии, этот документ проделал путь от розыскного участка до Мемфиса, где попал в руки Аполлония, брата Птолемайоса, отшельника, речь о котором еще впереди⁴¹. Без сомнения были опасения, что беглецы смешаются с толпой паломников из Серапеума, чтобы воспользоваться правом убежища в храмах. Указ о поимке беглецов, сопровождающийся денежным вознаграждением, был передан стратегу города Мемфиса, что достаточно странно для обыкновенного частного происшествя и объяснимо лишь высоким положением хозяев сбежавших рабов. Такое вовлечение властей еще не означало эффективности действий, потому что третейская сторона вынуждена была корректировать общую сумму вознаграждения в сторону ее повышения.

Центральная магистраль Александрии. Реконструкция.

Вид с острова Филы на храм Иисиды, восстановленный в эпоху между правлениями Птолемея II и Птолемея VII. *Фотография.*

Александрийский маяк. *Реконструкция.*

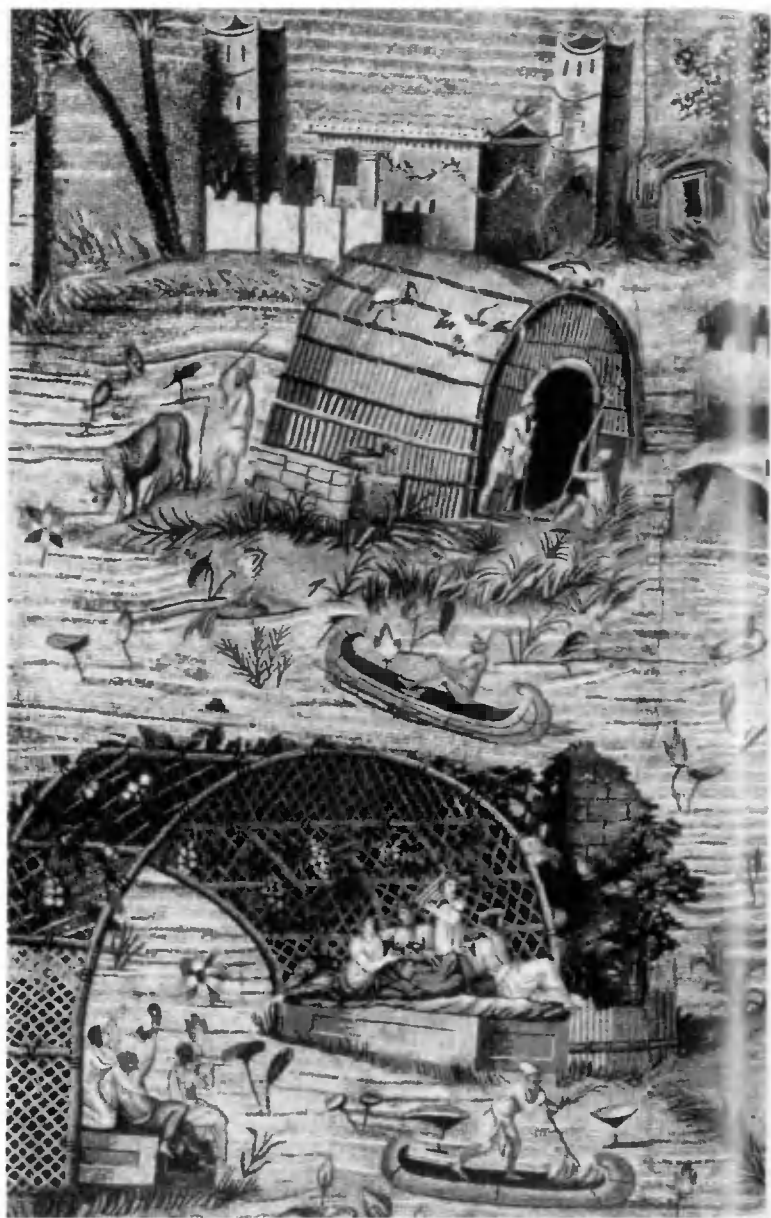

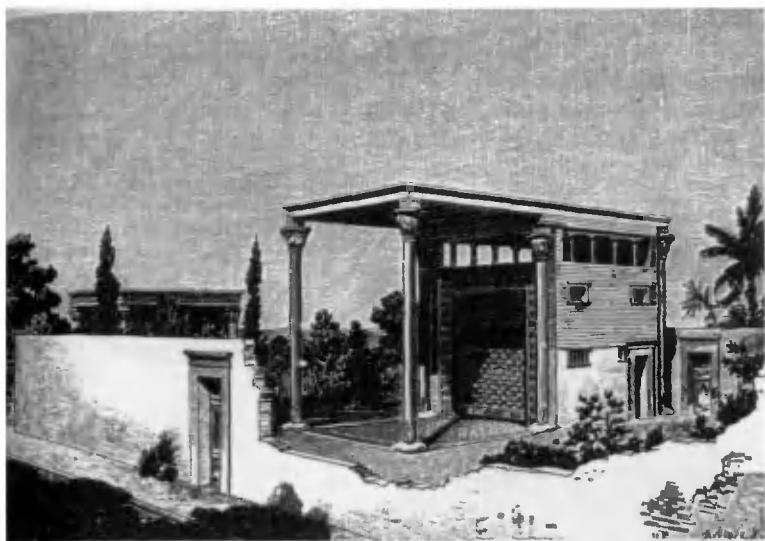
Жительницы Александрии.
Терракота. III в. до н. э.
Александрия, Музей греко-
римского искусства.

Актер.
Терракота.
Александрия, Музей греко-
римского искусства.

Египет во время разлива Нила. Деталь мозаики Барберини в Пренесте.
Конец II в. до н. э.

Сельский дом. *Реконструкция.*

Сельский вид. Орошение полей. *Реконструкция.*

Клеопатра I. Монета.
Лондон, Британский музей.

Клеопатра II. Мрамор.
Нью-Йорк, Метрополитен.

Храм бога Гора в Эдфу,
построенный и украшенный
в эпоху между правлениями
Птолемея III и Птолемея XII.

Птолемей IV. Монета.
Лондон, Британский музей.

Голова Птолемея VIII
в двойной тиаре египетских
фараонов. Диокрит.
145—116 гг. до н. э. Брюссель,
Королевские музеи искусства
и истории.

Рельеф из храма
в Ком-Омбо. В центре
изображение Птолемея VIII.

Храмовый комплекс эпохи Птолемеев на острове Филе.

Клеопатра Хатхор. *Фрагмент рельефа из храма Хатхор в Дендере.*

Изображение Клеопатры VII на бронзовой монете достоинством в 80 драхм.

Птолемей XII, отец царицы Клеопатры VII.

Изображение царицы Клеопатры VII, выполненное при дворе ее дочери Клеопатры Селены, супруги мавританского царя Юбы II.

Стела из Фаюма, датированная 2 июля 51 г. до н. э., с первым упоминанием имени царицы Клеопатры VII. Париж. Лувр.

ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΤΟΙΣ ΑΔΕΛΦΟΙΣ
 ΤΩΝ ΣΑΡΔΙΝΩΝ ΜΑΚΡΟΧΩΡΗ
 ΤΙΣ ΤΡΕΙΣ ΜΑΙΟΥ ΚΑΙ ΤΗΣ
 ΙΣΤΟΤΗΣ ΣΥΝΤΕΛΕΣΟΥ
 ΠΡΟΣ ΤΕ ΑΝΤΙΦΕΡΑΤΗ
 ΠΑΝΤΕΣ ΑΝΟΠΟΥΣΑΙ
 ΘΕΙΣ ΟΥΚ ΟΜΕΙΣ ΑΝΤΙΣ
 ΒΕΒΛΗΚΑΝ ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΣΥΛΛΗ
 ΛΕΣΤΕΣ ΚΑΙ ΟΥΔΕΝΑΝ
 ΟΥΔΕ ΑΝΤΙΣ ΤΗ ΚΑΙΝΕΙΣ
 ΟΣΤΙ ΜΕΛΕΤΕΝ ΟΜΩΝ ΚΑΙ
 ΤΟΤΕ ΒΑΠΤΙΣΜΟΥΝ ΚΑΙ
 ΤΟΝ ΕΥΠΡΑΓΜΑΤΩΝ
 ΟΥΔΕ ΑΝΤΙΣ ΤΗ ΚΑΙΝΕΙΣ
 ΠΑΝΤΕΣ ΑΝΟΠΟΥΣΑΙ
 ΤΗΝ ΧΑΡΙΤΗΡΑΤΗΝ
 ΚΑΙ ΚΑΙ ΤΟΥ ΕΥΠΡΑΓΜΑΤΩ
 ΧΙΕ ΟΣΤΙ ΑΝΤΙΣ ΤΗ
 ΒΑΠΤΙΣΜΟΥΝ ΚΑΙ ΟΥΔΕΝΑΝ
 ΗΚΑΙ ΤΟΥ ΟΥΚ ΕΥΠΡΑΓΜΑΤΩ
 ΕΙΣ ΤΗΝ ΑΝΟΠΟΥΣΑΙ
 ΤΗΝ ΟΥΚ ΕΥΠΡΑΓΜΑΤΩ
 ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΑΝΤΙΣ ΤΗ ΚΑΙΝΕΙΣ
 ΟΥΔΕ ΑΝΤΙΣ ΤΗ ΚΑΙΝΕΙΣ
 ΚΑΙ ΤΟΤΕ ΤΗ ΚΑΙΝΕΙΣ
 ΚΑΙ ΤΟΤΕ ΤΗ ΚΑΙΝΕΙΣ
 ΚΑΙ ΤΟΤΕ ΤΗ ΚΑΙΝΕΙΣ

Письмо Аполлония брату
 Птолемаюсу.
 Париж, Лувр.

Письмо Петехарсемфеуса
 на демотике.

Страница из книги
 «Искусство Евдокса».
 II в. до н. э.

Роспись
в александрийской
гробнице.
II в. до н. э.

Известковая
погребальная стела
мефисского жреца
бога Птаха.
41 г. до н. э. Лондон,
Британский музей.

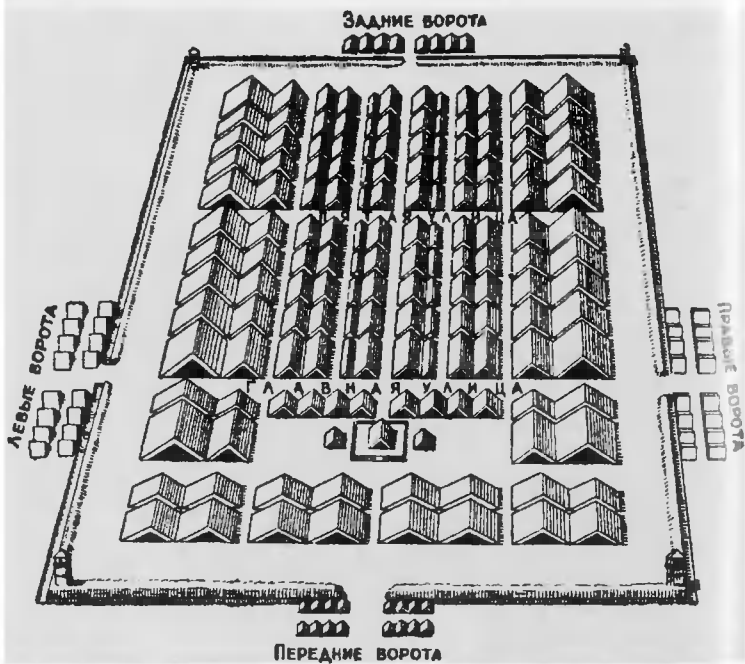

Римский легионер.

Центурион.

План римского лагеря.

Марк Антоний. *Шифер*.
I в. до н. э. — I в. н. э.

Марк Антоний, изображенный
как египетский фараон.
*Базальт. Каир, Египетский
музей.*

Монета с изображением
египетского корабля
у Фаросского маяка

Монета Октавиана в честь
взятия Египта.

Клеопатра VII и ее сын Цезарион.
Фрагмент рельефа из храма Хатхор в Дендере.

ЖРЕЦЫ И ХРАМЫ

Самые религиозные люди

Чувства, которые выражал Геродот¹ в V веке о религиозности египтян, могли бы разделить четыре века спустя любой из посетивших страну, будь то грек или римлянин. На самом деле, существует мало стран, где религия была бы настолько связана с культурой. По последним данным, религиозные традиционные концепции составляли основу культуры фараонов, что гарантировало ее жизнеспособность, несмотря на различные исторические катаклизмы. Даже политический режим, социально-экономические структуры могли испытывать на себе глубокие потрясения, но основы древних культов всегда оставались непоколебимы, и более того, они могли адаптироваться к новым условиям, тем самым продолжая укреплять древнюю цивилизацию фараонов. Так, ни персидские завоевания при Канбизе, ни завоевания Александра не затронули жизнеспособности религиозной культуры Египта, которая в дальнейшем перенесет и римское вторжение. Эта удивительная жизнеспособность восхищала всех иностранцев, вступавших в долину Нила. Чтобы осмыслить подобный феномен до конца, необходима будет культурная революция. Произойдет она в III—IV веках нашей эры, результатом ее станет вторжение и триумф христианства.

Как любая система верований, египетская традиционная религия базировалась на внутренних представлениях о мире и обществе. Следуя этим представлениям, отношения между определяющими элементами социального и природного миров постигались в образах борьбы между порядком и хаосом, где боги выступали одновременно создателями и защитниками первого от второго. Это культурное представление, естественно, было тесно связано с условиями жизни в долине Нила, с основными принципами политической, социальной и экономической организации общества. Эта религия, в начале носящая общинный характер, оставляла очень мало места отдельной личности, для которой допустимым способом самовыражения оставалось религиозное благочестие. От царя, единственного собеседника богов, до обыкновенного египтянина, завязывающего свои собственные отношения с сакральным, уступив всю религиозную сферу жизни жрецам, проходила долгая и сложная эволюция, однако не испытывавшая на себе больших перерывов. Характерной особенностью египетских верований являлось не только сосуществование образов, выстраивающих иерархию отношений человека с божеством: царский образ, священный образ и образ человеческий, — но и объединение этих элементов по взаимозаменяемой и уникальной схеме, несмотря на множественность и видимое различие божественных образов и отождествляемых с ними мифов. Этот процесс позволил религии играть центральную роль в обществе эпохи фараонов. Благодаря мифологическим корням, она представляла, с одной стороны, нормативное моделирование структур власти, экономическую организацию и индивидуальное самосознание, а с другой стороны, благодаря распространенной по всей территории практике социальной жизни, отвечала на вопросы, возникающие в напряженные моменты, которыми так полна изменчивая человеческая природа.

Однако необходимо воздержаться от утверждения, что египетские верования составляли закрытую систему, сосредоточенную на себе самой, неспособную

меняться и непроницаемую для любых внешних воздействий. Эти влияния были особенно распространены на Ближнем Востоке во время Нового царства, а также в последующий период. Они вносили культы новых божеств и даже новые формы религиозности. Но все эти нововведения должны были поначалу адаптироваться в местном сознании. Благодаря сложившимся условиям, такие сиро-ханаанские божества, как Астарта и Баал, нашли место (по крайней мере, в некоторых областях) в пантеоне египетских богов. В другом случае принятие «иноземных» богов было невозможно. Так случилось во время размещения персидскими царями еврейских военных колоний в дельте Нила и на самом юге страны в Элефантине.

Основные принципы еврейской религии оказались абсолютно несовместимы с религиозными чувствами египтян, и даже простое сосуществование на одной территории становилось практически невозможным, если не сказать конфликтным, что привело к разрушению еврейского храма в Элефантине в 410 году². В религиозном менталитете греков не существовало подобных преград. Рассматривая Египет как один из возможных источников своей же собственной культуры, греки интересовались египетской мифологией и выработали еще до Александра систему соответствий между богами двух пантеонов: Амон — Зевс, Мут — Гера, Осирис — Дионис и т. д. Некоторые храмы Амона, как, например, храм Амона в оазисе Сива, часто посещались греческими паломниками еще за два века до завоеваний Александра Македонского. Неудивительно, что в подобных условиях обмен между двумя религиозными системами был практически односторонним.

Новейшие храмы

Птолемеевская эпоха отмечена реконструкцией и строительством большого количества религиозных зданий в долине Нила. Эта архитектурная деятельность, которая продолжалась во время римских заво-

еваний в течение двух последующих за смертью Клеопатры веков, была настолько важна, что большинство храмов, которые мы можем посетить теперь в Верхнем Египте, являются современниками Лагидов или же Рима эпохи Цезаря.

Храм Эдфу³, несомненно, лучше всех сохранившееся здание с башней, оградой, дворцовой колоннадой и целым внутренним убранством. Есть сведения, что он был полностью построен и декорирован в эпоху Птолемеев. Начало его строительства восходит к правлению Птолемея III, закончен он был во время правления Птолемея XII, примерно 170 лет спустя. Естественно, во время строительства возникали периоды остановки работ, связанные с политическими и экономическими условиями, как, например, в эпоху великих возмущений в Фиваиде, ставших причиной приостановки строительства практически на двадцать лет. Храм в Дендере⁴ начал строиться примерно тогда же, когда был закончен храм Эдфу. Вряд ли это простое совпадение, так как вполне возможно, что та же группа строителей, которые возводили храм Эдфу, потом занималась строительством и в Дендере⁵. Таким образом, начало строительства храма Дендеры шло во время царствования Птолемея XII, в честь которого и были декорированы крипты. Великое искусство, позволившее скульпторам покрывать внешнюю южную стену знаменитой сценой, состоящей из фигур Птолемея Цезаря и Клеопатры перед лицом местных богов, расцвело в эпоху правления Клеопатры. Самая большая часть декорации восходит к временам римских императоров — от Августа до Нерона. С большой частью храма Ком Омбо, который представляет собой необычное расположение двух параллельных направлений, и главного храма в Филе, посвященного Исиде, эти конструкции являются основными архитектурными произведениями, которые дошли до наших дней как напоминание об эпохе Птолемеев. В отличие от исчезнувших памятников эллинистического стиля, сохранность зданий, предназначенных исключительно для фараонов, часто подталкивает историков к тому, чтобы окрестить ре-

лигиозную политику Лагидов египтофильской. Хотя эта ситуация скорее была результатом сосредоточенности Лагидов на строительстве в столице, чье архитектурное достояние намного больше подвергалось разрушению, чем храмы Верхнего Египта.

Исключительно наличие этих памятников, в частности, храмов в Эдфу, Дендере и Филе (практически все из них дошли со своей собственной архитектурой или остались с нетронутым оформлением) позволяют нам составить точное представление о святилищах фараонов во всех подробностях. Может показаться странным, что именно эти поздние постройки служат лучшей иллюстрацией египетского традиционного храма, чем руины великих зданий Нового царства в Карнаке и Луксоре. Эти великие пространства, где царит тишина, нарушаемая только группами спешащих туристов, эти сумерки, которые сгущаются по мере продвижения в глубь храмов, эти сужающиеся залы — все пробуждает чувство присутствия божества даже у самых скептических личностей. Египетский храм — не церковь, это место, где человеческое существо вообще исключается, если не считать служителей богов. Внешний вид храма скорее напоминает крепость, он служит больше для устрашения врагов, чем для принятия паломников. Его узкие и редкие выходы всегда закрываются тяжелыми дверями. План, который содержит огромное количество различных переходов, соединяющих между собой дворы, зал с колоннадой, вестибюли (находящиеся между внешним миром и святая святых храма), был так задуман, чтобы впускать в храм только тех людей, которые имели туда доступ. Защита изваяний божеств составляла особую заботу жрецов, она поддерживала в этих статуях их предполагаемую эффективность и составляла сущность ежедневного ритуала. Убранство храма играло одновременно нормативную, информационную и заменяющую текст роль, указывая на идеальную структуру священного культа, напоминая о своем мифическом происхождении и рассеивая человеческое недоверие через полные целомудренного содержания картины.

Справление ежедневной ритуальной службы было далеко не единственным занятием, которое оживляло египетские храмы. Существовало огромное количество праздников, переполнявших религиозный календарь. В действительности частота праздников варьировалась в зависимости от храма. Так, в Эсне, в Верхнем Египте, ежегодно насчитывался 91 праздник⁶, а в северном Фаюме, в храме Диме, это число достигало 153⁷. Праздники были поводом для объединения местного духовенства, верховного жреца и пастофоров. Но в особенности эти празднества собирали светских служащих, приходивших, чтобы увидеть богов, которых они могли наблюдать в миниатюрных часовнях из позолоченного дерева, выставленных в ритуальных лодках, обвешанных эмблемами и покоящихся на плечах жрецов, шедших в бесконечной процессии. Если установленный порядок процессии уже был зафиксирован сложившейся вековой традицией, то новые теологические идеи старались вдвойне усилить общественное рвение, которое всегда сопровождало такие процессии. Так, явление богов в образе священных животных заняло привилегированное положение среди других торжественных празднеств за счет привлекательности и эмоциональности, которые вызывали у верноподданных эти одушевленные божьи ипостаси, нежели неподвижные деревянные фигуры. Так каждый храм либо содержал своих собственных животных, среди которых был один единственный, взлелеянный экземпляр, олицетворявший собой Бога (такими были быки Апис, Мневис и Бухис), либо разводил крокодилов, кошек или ибисов.

Священные животные

Из всех странностей египетской религии, описанных греческими и латинскими авторами, самым непонятным и более всего высмеиваемым является, бесспорно, культ млекопитающих, рептилий или птиц, так как помимо божественной сущности, кото-

рую они должны были олицетворять, еще и сами животные вызывали интерес верующих. Жрецы усматривали в животных видимое и осязаемое присутствие божественной власти, каково бы ни было конкретное тождество этого присутствия. С другой стороны, такое почитание воплощало два явно противоречащих друг другу аспекта. Если верующие представляли, что животное может быть рассмотрено как живое олицетворение бога или богини, то трудно понять, почему шкура мертвого животного могла пробуждать еще больший интерес. Так, культ быка Аписа больше известен нам по грандиозным похоронам, так как в них принимало участие такое количество людей, которое никогда не видел храм при жизни бога. Что касается животных, почитаемых в своей совокупности, как, например, ибисы Тота, кошки Баст или крокодилы Собека, то изучение мумий, найденных тысячами в некрополях, показывает, что большое количество этих бедных животных было сознательно убито еще в незрелом возрасте. Такое утверждение, казалось бы, противоречит известному рассказу Диодора, в котором он повествует о грустной судьбе одного из римских жителей, современника Птолемея Авлета. Этот римлянин был разорван разъяренной толпой, так как случайно убил кошку в тот момент, когда царь добивался расположения Рима⁸. По сути, это умерщвление могло позволить каждому паломнику совершать похороны животного и, таким образом, искупить грехи и совершить ритуал перед божеством. Участие в похоронах священного животного было актом божественного почитания, во время которого верующий мог надеяться на божественную благодать. Мертвое животное, надлежащим образом мумифицированное и захороненное, оказывалось более полезным и выгодным своим верноподданным, чем его мяукающая или хрюкающая копия на заднем дворе храма. Так священные животные Египта, за которыми ухаживали после их смерти более, чем за живыми, разделяли судьбу своих верующих.

В некоторых случаях настоящая причина посещения того или иного храма крылась скорее в любо-

пытстве, нежели в подлинном почитании бога. Иногда именно интерес толкал паломников в храмы. Без сомнения, этим объясняется частое посещение паломниками храмов, почитавших крокодила как священное животное. Таких храмов было достаточно много в Фаюме, где существовал культ Собека. Римские «паломники» стремились туда, по свидетельству Страбона, чтобы поприсутствовать на трапезе отвратительного ящера, которую жрецы превратили в настоящее зрелище⁹. Но с того момента, как одна из этих рептилий умирала, всеми находящимися в храме завладевали искренние эмоции, и приготовления к похоронам занимали одновременно все умы, чему свидетельствует ответ на настоятельную просьбу жрецов храма Диме, заботящихся об организации отправки одной из священных шкур в ее последнее пристанище. Этот документ датирован началом 132 года. В нем говорится: «Получив ваше письмо, мы приняли во внимание всю важность приготовлений, которые бог пробудил в наших сердцах, касаясь места последнего покоя великого бога Осириса (= мертвый крокодил). Вы [нам] написали о том, что лодка уже причалила к пристани. Мы передали эту новость жрецам [некрополя]. Они повелели вести лодку со священным крокодилем на озеро в оговоренное место до того, как будет готов шатер для бальзамирования. Дайте нам знать, если будете в чем-нибудь нуждаться»¹⁰.

За эпистолярным формализмом прослеживается скрупулезное следование всем правилам, касающимся их забот по умершему телу бога.

Престиж жрецов

Если определить роль жреца как привилегированного посредника между людьми и богами, то в этом случае существует только один единственный жрец в Египте, которого изображали в храмах во время совершения ритуалов жертвоприношения — царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Ра, Птолемей, воз-

можно, сопровождаемый царицей Клеопатрой. Естественно, речь идет о фикции настолько, насколько греки могли игнорировать сложные ритуалы местной религии. Таким образом, египетские жрецы, настоящие наследники тысячелетней традиции, брали на себя заботы о поддержании хрупкого равновесия в мире, кропотливо соблюдая все предписания, связанные с укреплением божественной воли.

Жрецы не образовывали социально единого класса. Существовало огромное количество категорий жрецов, их численная важность была пропорциональна большому количеству мест культа, начиная от простой часовни, в которой прислуживал всего лишь один служитель, до огромного храма, с внутренней иерархией персонала. Большинство жрецов совмещало сразу несколько священных чинов в одном или нескольких храмах, и каждому их этих чинов соответствовал свой доход, подчас очень скромный для многочисленного низшего жречества. Эти звания теоретически были в распоряжении царя, который мог поручать церковные обязанности тому или иному жрецу по собственному усмотрению, но в действительности же эти должности покупались. Они могли передаваться по наследству или быть проданы третьим лицам. В случае передачи новый владелец платил государству специальный налог. С другой стороны, нужно было соответствовать условиям поступления в класс священнослужителей. Иными словами, жрецом мог стать только тот, кто обладал некоторым уровнем образования, был обрезан, соблюдал определенное количество физических и моральных заповедей и, естественно, принадлежал к семье жрецов. Так что можно говорить о существовании настоящей священной «касты» в Египте.

Организация египетских храмов была таковой, что чисто религиозные обязанности занимали только ограниченную часть расписания жрецов. На самом деле, в каждом храме было в среднем по пять сообществ (триб) жрецов (по египетски «са», по гречески «фил»), каждое из которых по очереди совершало священную службу в течение лунного месяца.

Традиционно этих сообществ было четыре, но Канопский декрет от 238 года добавил пятое, в честь правящих царей Птолемея III и Береники II, богов Эвергетов, что было сделано для уменьшения периода службы жрецов. Так у них появлялось время для других занятий. «Чистые» (*уабы*) должны были ограждать себя от некоторых занятий, которые могли навлечь позор или «грязь». Например, они не могли себе позволить заниматься коммерцией, сельским хозяйством и ремеслом. В конечном счете, жрецы играли важную роль в социальной жизни страны в области законодательства, образования и культуры.

Птолемеи оставили жрецам разработку египетского законодательства, регулирующую отношения между коренными египтянами, восходящую к законодателям Саисской эпохи: царям Бокхорису и Амасису. Это жрецы, составившие на демотическом языке множество контрактов по продаже, выдаче ссуд, разделению имущества, заключению браков, благодаря чему местное население управлялось со своим движимым и недвижимым имуществом. Эти жрецы составляли суд лаокритов и разрешали спорные вопросы, следуя букве закона.

В области образования и культуры традиционно храмы представляли собой настоящую монополию в обучении египетскому языку (иероглифика и демотическое письмо), а также во всех видах эрудиции и науки фараонов от светской литературы до медицины и толкования снов. Таким образом, египетский храм принадлежал местной культуре, тогда как греческие гимнасии — культуре иноземной власти, оба эти мира составляли два антагонистичных полюса, которые определяли единую цивилизацию Египта эпохи Лагидов.

Почитание богов за пределами храмов

Храмы не монополизировали духовную жизнь современников Клеопатры. Множество археологических документов подтверждают, что в кругу каждой

семьи не забывали о богах. Большое количество бронзовых и терракотовых статуэток, найденных в домах, свидетельствует о ежедневном обращении к богам. Ниши, устроенные в стенах, были часто обставлены предметами культа. Иногда они представляли собой картины на деревянных панно, служившие для поддержания этого домашнего моления, которые выглядели как истинные предшественники христианской иконы. Рядом с духами покровителями дома, например, карликом Бэсом, преследователем злых духов, можно было встретить божеств совсем другого масштаба: Сараписа, известного в своем эллинистическом обличье, но еще чаще Исиду, чья популярность постоянно росла, особенно во время превращения Египта в римскую провинцию. Эта богиня перенесла в Птолемеевскую эпоху конкуренцию с Кибеллой, чьи рьяные последователи распространяли экстатический культ там, где собиралось больше всего греков. Но очень быстро Исида утратила свои экзотические атрибуты и приняла форму более универсальную — всевластной богини, спасительницы, чьи десять тысяч имен свидетельствуют о распространении ее власти. Будучи кормилицей Хора, Исида становилась матерью богов и защитницей страдающего человечества. Ей посвящались самые большие храмы. Один из них находится на юге страны в Филе, другой на самом севере в Бехбейт-эль-Хагаре, но истинный храм понемногу выстраивался в сердцах всех жителей Египта, прежде чем ее образ достиг Рима, правда, под другим именем, но с той же миссией утешительницы, которая смогла избежать гибели во время краха греко-римской культуры и дожить до наших дней.

За пределами семьи религиозность выражалась также в создании профессиональных и частных организаций. Подобные объединения также хорошо были известны в классической Греции, как и в Египте фараонов. Эти две традиции, взаимодействуя в птолемеевском Египте, стали характерной чертой социальной жизни в городах и деревнях. Часто они объединяли людей, занимающихся одной профес-

сией, как это произошло в 110 году с хоахитами из Фив, но иногда собирали вместе знатных граждан и мелких местных торговцев, чьим единственным связующим звеном было общее верование в одно и то же божество. Некоторые из подобных ассоциаций получали официальное содействие властей, как, например, верующие бога Диониса — фиасы. Культ фиасов распространился в конце III века под влиянием Птолемея IV Филопатора, чья любовь к богу вина была очень хорошо известна. У нас также имеется текст одного эдикта, адресованного посвященным в дионисийские тайны, которые играли главенствующую роль в этих ассоциациях. Постановление предписывало фиасам явиться и зарегистрироваться в Александрии, для того чтобы власть могла проконтролировать законность их тайных обрядов¹¹. Ясно, что согласие с фиасами было проявлением верности режиму. Однако в некоторых случаях единственной религиозной обязанностью членов ассоциации оказывалось совершение жертвоприношения и жертвенного возлияния вина в честь царя и царицы, как, например, это было в синоде Зевса Хипсиста («высочайшего»), который находился в Филадельфии, в Фаюме. Собрание в храме Зевса составляло единственное свидетельство почитания бога покровителя¹². Ежемесячные религиозные ассамблеи могли происходить в храме, на паперти, в месте, специально отведенном для этих собраний или даже в частном доме. Поводом всегда были застолья с надлежащим количеством вина. Другой обязанностью (по-видимому, менее светской) было обязательное присутствие различных высокопоставленных лиц на всевозможных праздниках и процессиях богов, а также участие на похоронах священных животных. Наконец, существовала обязательная взаимопомощь. Также высокопоставленные чиновники обязаны были соблюдать правила хорошего тона, за нарушения которых накладывался штраф. Существовала помощь больным, нуждающимся и находящимся в заключении братьям. И тем более они обязаны были присутствовать на похоронах в случае чьей-либо кончи-

ны. Известно, что в Египте выполнение этой последней обязанности было достаточно тяжелым, и неудивительно, что многие старались ее избежать, откуда и происходит суровость наказания в случае внезапного отказа исполнить эту важную обязанность¹³.

Греческие священнослужители

В трех греческих городах Египта официальные священные культы приближались к эллинистическим или эллинизируемым, постепенно вбирая в себя традиции античного мира. В хоре, где греческих храмов было достаточно много, этот процесс наиболее очевиден. Священные здания устанавливались в честь богов Олимпа и царственных обожествленных особ. В одной из деревень Фаюма, например, была найдена запись о храмах, посвященных Зевсу, Деметре и Диоскурам¹⁴. Совершаемые ритуалы не требовали от священников такого же четкого соблюдения всех правил, как то было необходимо в египетской традиции.

В греческих городах духовный сан ничем не отличался от любого другого, его мог получить каждый житель города на длительное или ограниченное время. В Александрии и Птолемаиде самые «престижные» из духовных постов, которые занимали в первую очередь священнослужители Александрии и цари Лагиды, были посвящены дионисийскому культу. Священные чины разрастались в течение III и II веков, достигнув в итоге восьми должностей в Александрии и тринадцати — в Птолемаиде¹⁵. Жрецы, приобретавшие наиболее важные священные титулы, сменяли друг друга каждый год, другие же оставались на занимаемом ими посту в течение многих лет или даже на протяжении всей жизни. Что касается почетных духовных званий, которые могли быть пожалованы только членам великих фамилий этих двух городов, то в обязанности их обладателей входило участие в процессиях, устраивавшихся в честь обожествленных царей или цариц. Официальные титу-

лы многочисленных жриц дают в первую очередь представление о том, какие священные предметы они проносили в процессии: *канефора* (носительница золотой корзины), *афлюфора* (носительница трофеев), *стефанефора* (носительница короны), *фосфора* (носительница факела). Самой большой привилегией среди духовных санов оставалась *эпонимия*, то есть упоминание того или иного жреца в официальных и частных архивах вместе с именами царя и царицы. На самом деле это правило все менее и менее соблюдалось, и к концу II века ни жрецы, ни жрицы — *эпонимы* — уже не упоминаются ни в одном документе. Также не упоминали и последних жрецов, хотя они существовали до конца династии, как о том свидетельствуют несколько разбросанных по документам упоминаний, самое позднее из которых датируется шесть месяцами раньше смерти последней Клеопатры¹⁶.

Экономика храмов

Египетские храмы являлись не только священной обителью, где жрецы выполняли свои ученые ритуалы, но и центрами экономической деятельности. В действительности, египетский культ был занятием очень дорогостоящим, которое нуждалось в постоянном и регулярном пополнении священных даров. Расходы на самые скромные нужды, начиная с хлеба и заканчивая жертвенным быком, корма для священных животных, ткань для одежды божественных статуй и жрецов, масло для освещения храмов, мази и благовония, топливо для огненных жертвоприношений, дерево и металл для оснащения процессий и для отделки здания, не считая жалованья самих жрецов и обслуживающего персонала, следящего за порядком в святилище, — все это лишь небольшая часть тех расходов, которые непосредственно были связаны с отправлением культа. В эпоху фараонов цари посвящали богам обширные территории, которые должны были приносить обитателям храмов

все, в чем последние нуждались. Эти царские дары, осуществляемые в течение многих лет и подтверждаемые с каждой сменой правителя, окончательно установили власть храмов над большими территориями, подтверждением чему являются огромные участки земли, принадлежащие храмам в Филе, Мемфисе и Гелиополе, описание которых было составлено в большом папирусе Хариса I в конце Нового Царства.

В условиях проводимой политики экономическо-го господства над страной Птолемеи решили сократить автономию местных храмов. Не будучи теоретически конфискованными, священные земли (по крайней мере, по большей своей части) изымались у администрации храмов и передавались царским крестьянам. Государство оставляло святилищам в качестве уплаты ренты, называемой *синтаксис*, часть производимой на их землях продукции. Однако на практике она составляла мизерную часть от того, что могли бы получить жрецы, напрямую распоряжаясь землей. Но в случае крайней необходимости некоторые земли все же уступались храмам. Жрецы отдавали возделывать сравнительно небольшие участки храмовым *крестьянам-рабам*, которые на деле являлись частными землевладельцами, платившими жрецам фиксированный годовой налог. Священнослужители также получали доход с повышенного налога на фруктовые сады и виноградники, принадлежащие частным владельцам. Этот налог, названный *апомойра*, был назначен Птолемеем II для поддержания культа своей божественной супруги Арсиной Филадельфий, который в обязательном порядке отправлялся во всех египетских храмах. Доход с налога, назначенного государством на ведение ритуала и распределенный по храмам, зависел от частоты свершения «акта преданности» местных жрецов по отношению к царской династии.

Иногда ремесленная или индустриальная деятельность напрямую зависела от храма, например, выработка *виссона* (так как использование любой другой ткани было запрещено богами и жрецами). Что касается производства, которое принадлежало царской

монополии, как, например, выдавливание масла, то храмы имели право производить только небольшое количество этого продукта, необходимого для личного пользования. В распоряжении храмов также часто находились стада мелкого рогатого скота, например, баранов, овец и коз, о которых заботились храмовые *пастухи-рабы*.

Наконец, большое число доходов приносили святилищам дары паломников и верующих, пришедших молиться о заступничестве. Богатые «прихожане» иногда жертвовали богам земли (в основном, фруктовые сады и виноградники).

Оракулы и клятвы

В птолемеевскую эпоху в небольших городах и деревнях храмы выполняли, помимо экономической, важную социальную роль. Именно в храмы приходили вопрошать оракулы. Все важные решения частной или семейной жизни принимались, по большей части, после консультации с божеством через посредничество жрецов. Таким же образом могли решаться мелкие спорные вопросы между частными лицами, если обе враждующие стороны были согласны прибегнуть к такому способу разрешения конфликта. Сама процедура обращения к оракулу варьировалась в зависимости от специализации храма. Процесс вопрошания мог происходить либо в специально отведенном для этого месте у главного входа, либо же в соседнем помещении. Каждая из сторон записывала свою версию на отдельных листах папируса, которые жрец преподносил либо статуе, либо священному животному, и только один из папирусов, совпадавший с выбором божества, возвращался жрецу-посреднику¹⁷. Подобным же образом клятва, принесенная богу или богине, уже сама по себе служила гарантией собственной правоты.

Многие споры между частными лицами разрешались именно таким образом. Например, в деле о мелкой краже, исключая, естественно, очевидные пре-

ступления, обвиняемый мог снять с себя подозрения, публично отрицая перед дверями храма любое участие в воровстве. Прежде чем подозреваемый торжественно произносил текст, клятва тщательно записывалась жрецом на папирусе или на глиняной табличке. Клятвопреступление, если оно было доказано, могло привести преступника к страшным последствиям. Количество найденных клятв свидетельствует о популярности такого способа решения проблем, так как он позволял избегать долгих и ненадежных процедур¹⁸.

Странные рабы

О наиболее загадочной форме вмешательства храма в общественную жизнь свидетельствует серия найденных в Тебтинисе папирусов, написанных на демотическом языке. Однако можно предположить, что подобные документы существуют и в других местах. Судя по тексту папируса, человек объявляет себя рабом местного бога, связывая клятвой свое потомство на 99 лет. Такое «рабство» кажется скорее теоретическим, нежели реальным, ибо единственная оговариваемая обязанность такого раба — это ежемесячная выплата определенной суммы (которая, по правде говоря, была очень скромной) богу. Со своей стороны божество охраняло своего «подданного» от зла, причиненного потусторонними темными силами — фантомами, заблудшими мертвыми душами, демонами или другими злыми духами.

Это «рабство» казалось на первый взгляд не чем иным, как средством сбережения себя от дурного глаза, однако социальный статус претендентов на такую частную услугу был строго определен: чаще всего к ней прибегали люди, рожденные от неизвестных отцов, еще чаще те, что «рождались на территории (храма)». Таким образом, должна была существовать прямая связь между храмом и вышеуказанными людьми, таинственное единение, которое крылось в их рождении. Подобные договоры направлялись на

утверждение властям как официальное подтверждение этих связей. Речь могла идти либо о подкинутых на территорию святилища малышах, либо о детях, рожденных проститутками, к которым терпимо относились в храмовых областях. В этом случае добровольное рабство не имело никаких других мотивов, кроме получения человеком компенсации в течение долгого времени от, так сказать, общественной службы помощи, роль которой выполнял храм. Однако все эти примеры недостаточны для окончательных выводов, и можно предположить, что многие действительно искали духовной защиты от темных сил и смертельных болезней¹⁹.

*Боги Мемфиса*²⁰

При определении и описании социальных форм благочестия в античных религиях чаще всего от нас ускользает человеческий фактор, а вместе с ним религиозное сознание и внутренний мир отдельной личности. В лучшем случае мы сталкиваемся с условной разработкой, которая скорее извратит, нежели продемонстрирует действительные религиозные чувства человека. Исключительно редко совокупность документов позволяет нам увидеть связь между реальной и духовной жизнью (даже если последняя появляется только в филигранной обработке) как возможный двигатель индивидуального выбора. Случайно открытые в мемфисском некрополе в начале века архивы Птолемайоса, сына Главка, составляют одну из тех редких возможностей проникновения в беспокойное сознание обычных людей — без титулов и без великих помыслов — чьи глубокие мотивы исходят из простого требования материально-го выживания и социального признания.

Мемфис, второй город в Египте после Александрии и настоящая столица этнического населения страны, был главным религиозным центром, куда стекались огромные толпы паломников как из долины, так и из дельты Нила, в поисках мистического

опыта или же в надежде получить исцеление от физических или духовных недугов. Богом Мемфиса являлся не традиционный защитник старого города, который был предметом лихорадочного ожидания, не демиург, следивший внутри своего наоса за утверждением на престолах царей и за местными ремеслами. Не тот великий Птах, которого греки из-за схожего покровительства ремеслам отождествляли с Гефестом. И не божественные спутники Птаха привлекали верующих — вроде богини-львицы Сохмет, несмотря на приписываемую ей власть над болезнями, или ее сына — Нефертума, носящего венки из лотосов. Уже давно и тесно связанная с политическими и социальными условиями теология древних богов не могла вызвать должного почитания, которое к тому времени постепенно меняло основу, отталкиваясь от индивидуального отношения человека к богу-спасителю. Эти новые требования могли в конечном счете удовлетворяться другими проявлениями божественной власти, более близкими и осязаемыми.

Среди них в первую очередь выделяется культ бога Быка Аписа. Этот культ был одним из самых древних религиозных институтов в Египте. Поначалу поклонение богу Апису было тесно связано с поклонением богу Птаху, но в конечном счете они отошли друг от друга и начиная с эпохи Нового царства разделились на два отличных друг от друга течения. Живой Апис — символ плодородия и процветания Египта — вел тихую жизнь в своем священном стойле в Мемфисе вместе со своей матерью, которая была воплощением Исиды, со своим гаремом и многочисленным потомством. Мертвый Апис, воплощавший Осириса, похороненный со всеми почестями среди плача собравшейся толпы, становился всемогущим хтоническим божеством, управляющим подземным миром. Над некрополем, в пустыне к северо-западу от великой гробницы старого фараона Джосера, растянулись огромные руины великого Серапеума, где умершие быки принимали почитателей своего культа. Это был мумифицированный Апис (*Осирис-Апис*), который у мемфисских греков получил назва-

ние Сарапис задолго до прихода Александра. Они отождествляли это божество со своим собственным богом потустороннего мира Гадесом, наделив его способностью предвидения. Этот Сарапис стал, по решению Птолемея I, официальным богом Александрии, и с тех пор его культ распространился по всему Средиземноморью.

Интересно, что целый священный зверинец присоединился к Апису, почитаемый целым рядом храмов и погребаемый в их собственных склепах, будь то храмы кошек Баст, собак Анубиса, ибисов или бабуинов Тота-Гермеса, соколов и т. д. Таким образом, Серапеум оказывался только центром огромного священного города, построенного среди пирамид, а также разрушенных некрополей царей и высокопоставленных лиц Древнего царства. Массивные здания египетского стиля соседствовали здесь с колоннадами и статуями в лучших традициях эллинистической культуры, что было лучшим примером, свидетельствующем о бикультурном характере божественных обрядов.

Жизнь и сны отшельника Птолемайоса²¹

Старший из четырех сыновей военного невысокого звания армии Александра Македонского, Птолемайос родился примерно в 200 году до нашей эры в одной из деревень нома Гераклеополя, там, где оазис Фаюма открывается на долину Нила и где у его отца был надел, дарованный царем. Мы ничего не знаем о раннем детстве и юности Птолемайоса, кроме того, что он получил достаточно хорошее образование, чтобы писать на греческом, но несовершенное, чтобы писать на нем скоро и без ошибок. К 30 годам он решил уйти от мирской жизни и поселиться отшельником рядом с великим Серапеумом в Мемфисе, а точнее, в ризнице (*пастофорионе*) небольшого храма, посвященного Астарте (*Астартейон*).

По крайней мере в течение двадцати лет Птолемайос оставался в этом храме, по всей видимости,

соблюдая затворнический образ жизни. Неизвестно, распространялся ли такой режим затворничества на весь Серапеум или ограничивался скромным жилищем Птолемайоса. Такое отшельничество было, вне всякого сомнения, добровольным, но ни в одном документе Птолемайос не приводит четких причин, толкнувших его на этот поступок, так что нам остается только гадать, были ли тому материальные или мистические объяснения. Первые могут быть оправданы теми подробностями, которые приводит Птолемайос о средствах своего существования. Мы знаем, что храм давал ему месячный рацион крупы, а его положение позволяло Птолемайосу заниматься приносящими некоторый доход делами и мелкой незаконной торговлей. Но в итоге, учитывая, что он не мог осуществлять коммерческие сделки без посторонней помощи, денег все равно не хватало. Такой уровень жизни был не особо притягательным даже с некоторой — очень относительной! — гарантией безопасности, компенсирующей абсолютное лишение свободы, тем более что решение об отшельничестве он принял без какого бы то ни было давления. Таким образом, можно допустить, что Птолемайосом управляло некое божественное вдохновение, которое привело его к добровольному затворничеству.

Многочисленные жалобы и прошения, поданные отшельником различным высокопоставленным лицам (если те не были адресованы непосредственно царю Птолемею или царице Клеопатре), позволяют нам составить достаточно подробное представление о жизни Птолемайоса и его близких. Более того, нам стали доступны самые сокровенные уголки его души, так как Птолемайос тщательно записывал свои сны, которые будоражили по ночам его самого, а также его соратников по затворничеству. За два тысячелетия до рождения Фрейда сны рассматривались не как замаскированные проявления бессознательного, а как демонстрация божественной власти, как послания, полные либо надежды, либо предостережений и угроз. Вера в то, что сны раскрывают божественное намерение, была еще с древнейших времен распрост-

ранена и у греков, так как выражение — «и сны от Зевса бывают» — мы находим уже у Гомера. Египтяне придавали огромное значение ночным видениям с тех пор, как великого царя Тутмоса IV, отдохавшего у ног Сфинкса, посетил необыкновенный сон, повелевавший ему очистить величественную статую от песка. Форма послания не всегда была настолько ясной, так что каждая библиотека храма должна была содержать работы по толкованию снов, настоящие «Сонники», чье содержание позволяло некоторым специалистам, интерпретируя сны, расшифровывать странные божественные послания²².

Не всякий сон в равной мере мог быть послан богами, и внешние условия играли здесь одну из важнейших ролей. Бог мог приходить во снах к своим верноподданным только в том случае, если те находились в священном месте. Так было с Имхотепом (Имутесом), действительно существовавшим министром царя Джосера и архитектором ступенчатой пирамиды, которая возвышалась поблизости от Серапеума. Этот великий человек был причислен к богам и стал покровителем писцов, искусства и науки, в особенности медицины. Греки быстро узрели в нем тождество своему собственному богу врачевания Асклепию. Именно в Асклепионе больные и их родственники подавали прошение, дабы переночевать там и увидеть сон о прописанных самим богом лекарствах. Такая практика терапевтической инкубации, известная в других храмах греческой цивилизации, получила распространение и среди храмов мемфисского некрополя.

Сны в архивах Птолемайоса, записанные на греческом и демотическом языках, не всегда носили священно-целебный характер. Они также касаются и других забот, начиная от личностных разочарований и жизненного кризиса и заканчивая самыми мелкими хлопотами. Естественно, в этой путанице между причиной и следствием, что было почвой для всех суеверий, Птолемайос видел в них не проявление собственных треволнений, а вмешательство высших сил. По крайней мере, один раз он

увидел предостерегающий сон общего смысла. Так как храм Птаха в Мемфисе был жилищем Аписа, храм Атума-Ра в соседнем городе Гелиополе («Город Солнца») приютил другого священного быка по имени Мневис. Этот бык умер семнадцатого декабря 159 года, и жрецы вынуждены были искать молодое животное на его место. Такой поиск мог оказаться долгим и трудным, ибо многочисленные правила отбора были очень суровы. Полгода спустя бык все еще не был найден, что лишь усиливало тревоги жрецов. Второго июня 158 года Птолемайоса посетил такой сон: «Мне показалось, что я долго призывал великого бога Амона, чтобы он пришел ко мне с севера, в своем триединстве. Наконец он появился; мне показалось, что там же находилась корова и что она была беременна. Он обхватил корову и уложил ее на землю. Он погрузил свою руку в ее живот и достал оттуда быка»²³.

Опознание бога, принимающего роды (Амон из Дельты?), могло обозначать место, где должен был явиться новый Мневис. Без сомнения, именно такие откровения, если они совпадали с действительностью, приносили увидевшему подобный сон огромную славу. В то же самое время некий жрец из Себенитоса, по имени Хор, часто видел вещие сны, связанные с политикой. Что касается Птолемайоса, то его одолевали личные муки.

Желанные девы

Но что это были за причины, которые настолько беспокоили Птолемайоса? Дело в том, что Птолемайос не был одинок, множество других отшельников также проживало на территории Серапеума. В частности, там обитал Гарма (на египетском Хоремхеп), местный житель, который разделял помещение с Птолемайосом. Но были и те, которые намного больше тревожили отшельника, по крайней мере в период 154—158 годов, это были девушки-близнецы, которых звали Таус и Фоес. История жизни этих двух девушек началась как мелкое дело криминального

адюльтера. Их мать, Нефориса, увлеклась греческим солдатом по имени Филипп, сын Согенеса, и, желая сочетаться с ним законным браком, она убедила его использовать талант дуэлянта против своего мужа, отца двойняшек, но супруг смог убежать, прыгнув с крыши дома в реку. Вплавь он добрался до острова, на котором его встретили друзья и сопроводили в Гераклеополь, но там он вскоре умер от горя. В это время Нефориса завладела всем имуществом своего супруга и без колебаний выгнала из дома, а также лишила наследства своих троих дочерей, которых прижила от этого брака. Девушки — старшая сестра Тафелиса и двойняшки Таус и Фоес — остались без средств к существованию и нашли прибежище в Серапеуме. В это же время, в апреле 164 года, в почтенном возрасте двадцати двух лет скончался священный бык Апис.

Сложные ритуалы и церемонии, которые должны были последовать за этим событием в течение семидесяти дней бальзамирования, требовали присутствия молодых людей, способных исполнять роли различных божеств, принимающих участие в похоронах Осириса, с которым отождествлялся покойный бык Апис. Среди множества ролей главными были роль Исиды, вдовы бога, и ее сестры Нефтиды. Тот факт, что сестры были близнецами и девственницами, дало им право играть такие ответственные роли. Они исполнили их очень хорошо, так как храм продолжал их приглашать для свершения жертвенных возлияний вина во время церемоний культа Осириса-Аписа, а также на исполнение тех же ролей шесть лет спустя во время похорон Мневиса, священного бога Гелиополя. Несмотря на выполнение таких значимых и прибыльных обязанностей, девушки находились еще в очень уязвимом положении. Их сводный брат Пахрат, сын от первого материнского брака, смог заполучить их деньги, скопленные на заготовках масла, которые составляли важную часть их жалованья.

Неспособные защитить себя, тем более что они не знали греческого, девушки обратились за покровительством к Птолемайосу, написавшему впоследствии большое количество петиций в их пользу. Такая

самоотверженность отшельника была, естественно, наполовину искренней, наполовину корыстной. Законное жалованье двух сестер пропорционально важности выполняемой ими ритуальной задачи было несравнимо с той скромной рентой, которую храм выплачивал Птолемайосу. Таким образом, он мог вполне законно надеяться на небольшой доход в обмен на свои услуги. То участие, которое Птолемайос принимал в судьбе девушек и в особенности сны, в которых они ему являлись, показывают, что такого объяснения недостаточно. Птолемайос действительно был убежден, что забота о Таус и Фоес была ниспосланной на него божественной миссией. Эту миссию открыл ему сам бог Сарапис в одном из снов. Такое видение своей роли в жизни девушек входило в конфликт с его личными сексуальными потребностями, которые влекли его хотя бы к одной из сестер, а вынужденное воздержание лишь усиливало это влечение. Переживания, испытанные в снах, были тщательно им записаны:

«Мне показалось, что я видел Фоес весело поющей нежным голосом, и я видел Таус смеющейся. Ноги ее были чистыми и длинными».

«Двое мужчин работали внутри храма. Таус села на ступеньки и шутила с ними, но, услышав голос Хемтосну, она моментально почернела. Они сказали, что они ее обучат.<...>»²⁴

«Два человека пришли ко мне и сказали: “Птолемайос, возьми деньги за кровь!” Они отсчитали сто бронзовых драхм — мне и полный кошелек бронзовых статеров — Фоес. Они ей сказали: “Вот деньги за кровь!” Я им сказал: “У нее больше денег, чем у меня!”»²⁵

В ночь с десятого на одиннадцатое февраля 158 года Птолемайосу приснился более четкий сон:

«Мне казалось, что я пересекаю Мемфис с запада на восток и прыгаю на стог сена. А человек, шедший с востока ко мне, также прыгнул на стог. Я чувствовал, что мои глаза закрыты и когда я их открыл, то увидел девушек близнецов в классном зале Тофеса. Они меня звали. Я ответил: “Не бойтесь, Тофес устал

разыскивать дорогу ко мне, потому что я переставил свою кровать!” Я услышал, как мне ответил Тофес: “Уходи! Почему ты рассказываешь это? Я пришлю тебе близнецов”. Я пошел к ним навстречу и увидел, как мы идем вместе по улице. Я им сказал: “Мне остается совсем немного времени, завтра утром я исчезну”. Вдруг я увидел одну из них, она пошла в темный угол дома, села и исчезла из вида. Я увидел, что вторая села в другом углу.[...] Также я увидел много другого, и я умолял Сараписа и Исиду такими словами: “Приди ко мне, богиня богинь, сжался и услышь меня, защити близнецов, которых ты сделала близнецами, избавь меня, я стар, я знаю, что конец мой близок, но они станут женщинами, и если они осквернятся, то они никогда не очистятся!”»²⁶

Помимо этих снов и петиций, составленных Птолемейосом для сестер, еще и бухгалтерские документы проливают некоторый свет на их повседневное существование. Таким образом, нам известно, что они посвящали свободное время незначительной продаже ткани и одежды из льна. В этом деле Птолемейос играл роль посредника, налаживая связи между номами Гераклиополя и Арсинои. Возможно, остаток пищи из их ежемесячно поступавшего от храма рациона, продававшийся по определенной цене, приносил им некоторый доход. Такие обстоятельства их существования никак не совпадали с тем количеством петиций, которые писал за них Птолемейос. По официальным документам, их сводный брат был пойман представителями царской монополии на производстве масла, дававшем сестрам право на часть доходов от масла. Регулярно выделяемый им хлебный рацион часто расхищался администрацией храма, занимавшейся различного рода незаконными продажами зерна, предназначенного для персонала. Несмотря ни на что, близнецы не были обездолены, тем более что ритуальные роли сделали их достаточно заметными фигурами, им доверили даже другие обязанности, как, например, сопровождавшееся соответствующим жалованьем постоянное жертвенное возлияние вина в честь Имхотепа (Асклепия),

великого бога врачевания. Однако задокументированные покупки продуктов свидетельствуют о том, что они питались только хлебом, а также различного рода булочками, фруктами и овощами, иногда в их списке присутствовали мед и пиво.

Несчастья нищенствующего египетского брата

В более зависимой ситуации оказалась их сестра Тафемис. Также ограбленная своей матерью Нефорис, она последовала за близнецами в Серапеум, но, в отличие от сестер, ей не удалось получить от жрецов ритуальной роли, ее присутствие терпели только на священной территории в качестве обездоленного человека. Но чтобы выжить, ей приходилось прибегать к различным не всегда самым праведным действиям. Так, она примкнула к нищим, которые собирались вокруг толпы паломников, и можно утверждать, что она зарабатывала на жизнь своей красотой, что было распространено на территории некоторых храмов, которые видели в этом дополнительный источник своих доходов.

Как и ее сестры, Тафемис нашла покровителя в лице египтянина Хармаиса, живущего вместе с Птолемайосом. Хотя Хармаис откладывал небольшие сбережения, которые понемногу приносила Тафемис, будет преувеличением навязать ему грустную роль сутенера. На самом деле, как и Тафемис, он нищенствовал в храме Астарты — деятельность, которая была разрешена для почитателей сирийской богини, но которую египетские жрецы обычно осуждали. Тафемис копила свои сбережения, отчасти собранные за счет проституции, для своего приданого, которое позволило бы ей найти супруга. Но коварство ее матери покончило с этой надеждой. Нефорис явилась к Хармаису и убедила отдать ей эти деньги, под предлогом того, что ей нужно оплатить расходы, связанными с операцией Тафемис перед свадьбой, следуя египетской традиции. (На самом деле эта традиция

нигде больше не упоминалась.)²⁷ А также ей нужны были эти деньги для приданого Тафемис, которое Нефорис хотела сама отдать будущему зятю. Наивный Хармаис попался на удочку бесчеловечной матери, и Нефорис в очередной раз обобрала одну из своих дочерей. Бедная Тафемис обвинила Хармаиса, который был не способен компенсировать ей убытки и не мог сделать ничего другого, кроме как подать очередную петицию стратегу Дионисию.

Характерными чертами Хармаиса были глупость и неудачливость. Серапеум и храм Астарты были далеко не тихой гаванью, ограждающей от всех несчастий и превратностей окружающего мира. Времена были жестокими, страна в то время находилась в ситуации скрытой гражданской войны. Внешне напряженные отношения отражались на внутренней жизни храма, жрецов, мелких светских служащих, отшельников и других жителей близлежащей территории. В стране царило недовольство, а взаимные подозрения только подогревали скрытую зависть и старые обиды. Самый незначительный инцидент мог обернуться сведением личных счетов. Во время путешествия царя Птолемея VI и его жены Клеопатры II в Мемфис, то есть его возвращения из Рима, где он пробыл в изгнании несколько месяцев, волнение достигло Серапеума, так как по городу поползли слухи: в пристанищах богов прячут оружие! Жизнь правителей в опасности! Обыск в храме Астарты, производимый местной полицией, оказался безрезультатным. Однако у мелких служащих святилища, присутствовавших при обыске, возникла идея вернуться туда вечером. При свете факелов они издевались над Птолемейосом, Хармаисом и другими соседями, отбирая у них сбережения и имущество. Они вернулись на следующий день, чтобы закончить начатое дело, дойдя до святой святых Богини, и вынесли священные предметы культа. В результате этого погрома Хармаис лишился всех своих сбережений, хранимых в глиняном горшке. Менее месяца спустя, булочки, производившие хлеб для жертвоприношений, и служки, следившие за чистотой храмов, устроили

набег на святилище, чтобы в очередной раз избить живущих там отшельников. Птолемайос закрылся в своей келье, оставив несчастного Хармаиса снаружи на растерзание толпе, от которой тот сносил суровые удары бронзовых скребков. После такого происшествия неудачливый Хармаис в очередной раз написал жалобу на демотическом языке²⁸ и перевел ее на греческий, дабы увеличить шанс быть услышанным.

Быть греком в египетском храме

Бесконечные прошения и петиции Птолемайоса, адресованные им либо напрямую царю, либо стратегу Мемфиса, по сути, оставались «мертвыми письмами», судя по возобновлению этих разрушительных набегов. В двух из посланных жалоб Птолемайос подчеркивает: с ним посмели плохо обойтись, несмотря на его греческое происхождение²⁹. Такое настойчивое — из письма в письмо повторяющееся — замечание было написано в тайной надежде тронуть души греков, занимавших высокие посты, взывая к духу солидарности. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, будучи греком или по крайней мере претендуя на это, Птолемайос находился в исключительно египетской среде и мог вызвать только ненависть людей, живущих тысячелетними религиозными традициями, или зависть на неоправданные привилегии чужеземной нации. Так как эта враждебность не могла быть выражена никак иначе, Птолемайос становился козлом отпущения. Однако подобное объяснение не проясняет, почему ненависть распространялась на Хармаиса и на других египетских отшельников. Скорее всего, такие набегии свидетельствуют о хронической жестокости, уничтожавшей человеческие отношения в среде низших чинов храма и мелкого духовенства. Но примеры такой бесчеловечности встречаются в других египетских храмах и в другие эпохи³⁰.

В своей келье Птолемайос не забывал о семье, оставленной в родной деревне. С тех пор как их отец был убит повстанцами во время волнений 164 года,

его младшие братья вели сложную жизнь. Родственников отшельника притесняли и разоряли египетские соседи. Птолемайос не раз пускал в ход свой талант просителя, обращаясь к сильным мира сего, чтобы помочь своим родным. Самый младший из братьев — Аполлоний — больше всех занимал его мысли. Он родился четырнадцатого декабря 175 года и был уже представителем другого поколения, в отличие от старшего брата, что объясняет почти отцовскую любовь Птолемайоса к младшему брату после смерти отца. Умный, одаренный и живой ребенок очень скоро выучился читать и писать на греческом и даже на демотическом языках. Он стал даже лучшим писцом, чем его брат, доверявший ему редактирование многочисленных документов. Со 164 по 158 год Аполлоний играл значительную роль не только рядом со своим братом, но и в жизни девушек-близнецов, выполняя различные поручения, служа гонцом и посредником между замкнутым миром отшельников и внешней светской жизнью. Без него не делалось ни одного шага для улучшения элементарных условий, не обходился ни один контакт с высокопоставленными чиновниками, связанный с жалобами или просьбами. Младший брат мог выкручиваться из любых ситуаций. Будучи еще юношей, он сумел завоевать доверие, если не сказать дружбу, стратега города Мемфиса — Дионисиоса, который доверял ему различные поручения своего ведомства. Достигнув совершеннолетия, Аполлоний решил последовать примеру своего брата и стать — как он — отшельником в Серапеуме, но потерпел неудачу, что окончательно отвратило молодого человека как от жизни в храме, так и от посредственных, корыстных служащих храма. Три месяца спустя после его решения поступить в отшельники, он нашел способ поссориться с сыновьями поставщика дерева в Серапеум и они — по профессии погонщики ослов — нещадно избили его палками, как осла.

Аполлоний, лишенный возможности отлучаться в номы южнее Мемфиса, задыхался в этой скучной атмосфере. Сны, которые он тщательно записывал на демотическом языке, раскрывают весь кризис чело-

веческой личности в переходном возрасте, зажатой между двумя находящимися в скрытом конфликте культурами: «Второй сон — Некий человек поет: Аполлоний — на греческом и Петехоремпи — на египетском. Кто знает (ответ) этой тайне?»³¹

Если он понимал, что Петехоремпи — это его имя на египетском, то это означает, что он отдавал себе отчет в раздвоении собственной личности. Соответственно, в нем было два человека: египтянин и грек. К этому вопросу прибавлялись еще волнения, связанные с постоянным присутствием девушек-близнецов. Он не оставлял навязчивых попыток ухаживания, которые предпринимал уже его старший брат: «Первый сон — Я поднимаюсь к дромусу Сараписа с женщиной по имени Фоес — девой. Я веду с ней беседу, говоря: “Фоес, твоя сестра расстроится [если узнает], что я хочу заняться [с тобой] любовью?” Она мне отвечает: “Если это случится, моя сестра Фотортай (Таус?) будет очень зла на меня (далее не разборчиво)”»³².

На самом ли деле Фоес уступила притязаниям прекрасного и трогательного молодого человека? Это остается тайной. Но все же известно, что повод для волнения был... А беременность девушки, исполняющей такие важные ритуальные роли, была исключена по законам храма! Сама возможность такого скандала стала последней каплей для Птолемаяоса, который понимал, что судьба его брата никогда не будет ограничена тесными стенами храма Астарты.

Доносчик в храме

Царь и царица сообщили о своем прибытии в Мемфис для празднования Нового года в октябре 158 года. Птолемаяос послал им прошение, в котором умолял зачислить своего младшего брата в гарнизон города Мемфиса, ссылаясь на то, что их отец Главк был клерухом и умер, служа «верой и правдой» царю. В этом же послании говорилось о том, что Аполлоний был единственным его родственником и опорой и что взамен он мог бы спокойно совершать

жертвоприношения ради суверенов и их детей. Именно Аполлоний передал этот документ самому царю через окошко, специально приспособленное для принятия прошений в Серапеуме третьего октября 158 года. Это прошение было немедленно принято, и юношу тут же внесли в предварительный список поступающих на военную службу. После административных сложностей и путаниц, тянувшихся около пяти месяцев³³, Аполлоний был зачислен солдатом двадцать третьего февраля 157 года с теоретически выплачиваемым регулярным жалованьем. Хронические финансовые сложности в государственной системе тормозили пунктуальный перевод денег, лишая, таким образом, Птолемайоса той выгоды, которую он намеревался получить, отдав брата на военную службу. Более того, Аполлоний долгое время служил далеко от Мемфиса, тем самым невольно оставляя своего брата во все более острой нужде, который постоянно терпел нападения и насмешки со стороны врагов, бросавших камни в его окно.

Беспрерывно посылая жалобы, Птолемайос добился, чтобы его брат к лету 156 года был переведен в ведомство начальника правоохранительных органов мемфисского некрополя в качестве агента-осведомителя. Наблюдая как за знатными паломниками, так и за подозрительной толпой, которая постоянно находилась на паперти храма, он докладывал о подозрительных личностях, в частности о тех, которые пользовались правом убежища, дабы уйти от уплаты налогов или царского правосудия. В то же время он мог запугать противников своего брата, тем самым обеспечивая Птолемайосу относительно спокойное существование. Начальство отметило великолепное знание Аполлонием общества Серапеума и назначило его хранить карточки, удостоверявшие принадлежность к охранительной системе, и другие документы, которые бы могли ему помочь в нелегкой работе информатора. Эти документы были найдены среди его личных бумаг³⁴. Но старания Аполлония вызывали не только уважение и восхищение начальства, но и смертельную вражду. Подробности проявления та-

кой враждебности нам не известны, но письма, всегда полные беспокойства, заставляют думать, что он чувствовал себя в ловушке: однажды Аполлоний был вынужден заплатить штраф в пятнадцать талантов из-за некоего беглеца по имени Менедем, который часто являлся ему в кошмарах и даже угрожал его жизни. Закончилось тем, что юноша даже обозначил причину своих беспокойств: это были сны его брата Птолемайоса, внушенные Сараписом и другими богами, которые оказывались виновны в сложившейся ситуации. В одном из своих последних писем, полных сарказма и горечи, Аполлоний бросает в лицо брату следующие слова: «Я заклинаю тебя Сараписом: если бы во мне оставалась хоть капля каких-то сомнений, ты никогда бы меня больше не увидел, потому что ты только и делаешь, что врешь, и боги твои вместе с тобой! Именно они затянули нас в это болото, в котором мы и увязнем. Если бы ты увидел (в своем сне), что мы сможем из этого выпутаться, то это означало бы (еще большее) погружение в грязь! <...> Мне должно быть стыдно за то, что мы доверились химерам, посылаемым богами, и за ту веру в сны, в которой мы заблудились. Счастливо оставаться!»³⁵

На оборотной стороне листа рядом с адресом можно прочитать последний ироничный штрих: «Для тех, кто говорит Правду!» Мы понимаем без труда ужасное разочарование Птолемайоса, видевшего, как фундаментальные ценности его собственного мира были поруганы братом, которого он воспринимал как собственного сына. Некоторое время спустя, двадцатого сентября 152 года, начальник охраны написал Птолемайосу, жалуясь на то, что Апполоний пропал, оставив его одного в ситуации полной анархии в храмах некрополя. На этих грозных предзнаменованиях записи архива Птолемайоса резко обрываются, оставляя нас гадать об окончании этой истории: смерть или вынужденный уход Птолемайоса из Серапеума, блуждания его брата в абсолютной моральной растерянности. Боги покинули их, но могло ли быть иначе в этом разбойничьем притоне, которыми отныне стали их храмы?³⁶

ЖИТЬ СМЕРТЬЮ ДРУГИХ

Мир мертвых

С конца Средневековья мумия — практически только она — была воплощением Египта фараонов. Интенсивно используемая сначала в качестве сырья для удобрений и медикаментов, позже она стала предметом огромного количества болезненных фантазий о древней цивилизации, в особенности в эпоху романтизма. Если Египет кажется нам страной мертвых, то вовсе не потому, что смерть у египтян занимала место намного более значимое, чем у других древних народов. Даже прогресс, сопряженный с повышением уровня жизни, гигиеной и медициной, не может сделать смерть менее значимой и менее пугающей в нашем представлении. Но в Египте как нигде более природные условия сопрягались с человеческими усилиями, чтобы сохранить тела умерших на таком высочайшем уровне, о котором они сами, естественно, не подозревали, и который до сих пор заставляет нас поражаться этому искусству. Египетские погребальные обряды и традиции эпохи фараонов продолжались более пяти тысяч лет и прекратили свое существование лишь с окончательной победой христианства, чьи представления о загробном мире не предусматривали такого трепетного отношения к покойникам.

Проведение подобных обрядов более известно нам по оставленным свидетельствам в текстах, нежели по археологическим раскопкам, несмотря на то, что именно археологические сенсационные открытия в этой области более всего способствовали развитию египтомании в наше время. Итак, эти верования и традиции претерпели огромное количество трансформаций в течение тысячелетий. В интересующей нас эпохе происходит заключительная фаза подобной эволюции. На самом деле, как и во всех культурных областях цивилизации, анализирующей свое прошлое, изменения совершаются через взаимопроникновения различных уровней веры и практических обрядов. Традиция постепенно обогащается развитием старых фундаментальных концепций, которые определяли египетскую веру в загробную жизнь человека, в бессмертие человеческой души. Таким образом, погребальные ритуалы, записанные в папирусах на иератическом языке, а иногда иероглифами на стелах или саркофагах, свидетельствуют о существенных переустройствах и постепенном пересмотре древней традиции. Теперь она развивалась в направлении, более соответствующем новым жизненным реалиям, перемежая внутри себя свежие предубеждения с различными главами из Книги Мертвых Нового царства или с отрывками древних сирических литургических текстов, ранее предназначавшихся только для погребения царей и цариц¹.

Наиболее очевидно тенденция этого развития проявилась в постепенном упрощении погребального ритуала. В птолемеевскую эпоху этот ритуал был распространен во всех слоях египетского населения. Уже в V веке Геродот мог описать три уровня мумифицирования, которые предлагались родственникам умершего. Третий — самый общий — был доступен даже низшим слоям населения². Судя по оставшимся текстам и археологическим исследованиям, можно сказать, что в эпоху Птолемеев редко какой египтянин отказывался от такой услуги *post mortem*. Погребальные почести могли не состояться лишь в

тех исключительных случаях, когда людей уносило волнами Нила или их съедал крокодил, а также в том случае, если они умирали в абсолютной бедности и не оставалось ни одного родственника, готового потратить на покойного немного денег.

Греки и потусторонний египетский мир

Можно задаться вопросом об отношении греков, обосновавшихся на египетской земле, к погребальной традиции местного населения. Известно, что греки и македоняне предпочитали проводить кремацию умерших, нежели погребение их, хотя нехватка топлива делала первый способ более дорогим. Погребальные ритуалы носили общий характер, и кладбища были достаточно скромными. Нужно сказать, что вера эллинов в потусторонний мир была несравнима с богатством и усложненностью египетского представления о подземном царстве. Даже если погребальные традиции греков немного изменились со времен гомеровского Гадеса, все же они были не настолько сильны, чтобы заставить задуматься грека о том, что с ним будет после смерти. Отсутствие веры в вечную жизнь, гнездившееся в самом сердце эллинской антропоцентрической, прометеевской культуры, ставившей превыше всего реализацию человека в этом мире, и может объяснить то увлечение и то обаяние, которые испытывали греки к египетским обрядам.

Наиболее сильное впечатление производили на иноземцев египетские обещания неограниченных возможностей в загробном мире. Именно они подталкивали греков к тому, чтобы принять погребальные традиции завоеванной ими страны. Еще в саисскую эпоху греки проявляли интерес к местным ритуалам, сын Алексикратеса и Зенодоты заказал себе огромный каменный саркофаг в египетском стиле³. Смешение греческих и египетских мотивов можно найти в серии стел еще до птолемеевской эпохи. Эти стелы принадлежали колонии, которая обоснова-

лась в египетской столице, начиная с VI века⁴. Даже в Александрии некрополи птолемеевской эпохи были выстроены в греческом стиле с некоторыми элементами египетской культуры. В эпоху римских завоеваний египетское влияние становилось все ощутимее, подтверждением чему может служить изумительно выполненная гробница в честь Тиграна, а также архитектурный ансамбль некрополя в Ком-эль-Хугафа. В итоге, художественные произведения эллинской культуры воплощали представление исключительно египетской религии. В хоре, начиная с эпохи Птолемеев, многие греки, посещая свои гимнасии, не гнушались египетской погребальной технологией, и их имена соседствовали рядом с именами местных жителей в списке мумий. Случаи сопротивления эллинизма в вопросе захоронений довольно редки, но и они тоже происходили. Ярким примером тому может служить некрополь Гермополя, где один ярый противник египетской культуры гордо написал в своей эпитафии, что заставил кремировать свое тело — это святотатство для египетской культуры и души⁵.

Профессии на службе мертвых

Не случайно в древних документах сведений о специалистах по погребальным ритуалам больше, чем о других социальных группах. Произошло это вовсе не потому, что погребальные профессии были настолько многочисленны или престижны, просто занимавшиеся этим сложным ремеслом люди умели лучше других оберегать свои архивы от уничтожения. Обыкновенно египтяне сортировали документы на частные, земельные и профессиональные и размещали их в глиняных горшках, которые ставили в заброшенные или незанятые гробницы. Эти гробницы оказывались местами исключительного хранения, и папирусы извлекались нетронутыми после тайных и официальных раскопок в течение двух последних веков. Многие из дошедших до нас архивов относятся к регионам Фив⁶ и Мемфиса⁷.

Люди, которым доверяли тела умерших, на греческом назывались *хоахиты* («возлиятели жертвенного вина») — термином, не существовавшим в классических источниках, которому первые папирологи ошибочно приписывали египетскую этимологию. Речь идет скорее о дословном переводе с египетского названия *уахму*, что означает «тот, кто льет воду». Жертвенные возлияния вина должны были осуществляться в честь умерших, что составляло лишь часть работы хоахитов. Однако не они мумифицировали покойников. Такую деликатную операцию проводила другая группа профессионалов-бальзамировщиков, известных на греческом как *таришхевы* (дословный перевод «солильщики»). Этот термин в достаточно грубой манере передавал суть операции по натиранию тела покойника соляным (или содовым) раствором. Греческие тексты упоминали также о *парасхитах*, то есть людях, «делающих надрез». Подобное название говорит о тех надрезах, которые делали в паху у покойника для эвисцерации, извлечения внутренностей. Диодор разделял два эти направления: парасхиты были людьми презренными, так как занимались телом, уродуя его, тогда как тарихевты, наоборот, считались мастерами искусства бальзамирования и относились к почетному и даже священному классу⁸. На самом деле источники не содержат подобных высказываний. Скорее всего, одних и тех же людей иногда называли тарихевтами, иногда парасхитами. В Фивах вообще встречается только одно египетское название, совпадающее с обоими греческими словами — *хери-хеб* «надзирающий за свитками (папирусов)», исполняющий роль ритуалиста, которую должен был играть жрец, контролирующий бальзамирование трупа. Удивительно, что греки использовали такие прозаичные, если не сказать тривиальные термины там, где египтяне употребляли древние торжественные выражения. На самом деле эта оппозиция определяется культурной традицией: элины видели в погребальных обрядах египтян в первую очередь только странные, отгалкивающие манипуляции. Они не могли постичь рели-

гиозного египетского сознания, мириться с которым им приходилось в силу жизненных обстоятельств. Название *хетему-нетер*, которое встречается в документах Мемфиса и некрополей в районе Фаюма и Среднего Египта, означает «посланник бога», что греки перевели как *энтафиаст* («могильщик»).

Все эти занятия должны были приносить относительную прибыль, судя по передаче собственности, о чем свидетельствует большое количество документов, которые сообщают иногда о передаче значительного участка земли. Сложно определить четкую задачу для каждого из специалистов по мумификации. Археологические раскопки подтверждают описания, данные Геродотом и в особенности Диодором. Три выделенных ими класса не поддаются точному разграничению, которое пытаются вывести путем изучения многочисленных мумий, дошедших нетронутыми до наших дней. Таким образом, разделение на классы было довольно теоретическим, даже учитывая неравнозначное качество мумификации.

Именно наложение тканей — покровов и бинтов — было единственной операцией, за чьим качеством родственники умершего могли следить. На выполнение этой работы требовалось огромное количество ткани. Материал ткался, по крайней мере в теории, только из льна определенного качества (*виссон*), который, в отличие от всех нитей животного происхождения, считался чистым. Использовали большое количество предметов традиционной одежды, различной смешанной ткани. Разрисованный яркими красками толстый слой бумаги, состоящий либо из старых папирусов, склеенных вместе, либо из картин, покрытых искусственным мрамором, принимала форму маски головы умершего. Это подобие живого лица достигало груди. Ноги могли быть завернуты в чехол из картона. Погребальная обстановка была роскошью, которую позволяли себе только самые богатые люди. В гробнице можно было иметь два или три деревянных гроба, сундук для внутренних вещей, предназначенный для хранения и транспортировки канопских ваз, от чего впоследствии отказа-

лись. В обнаруженном погребальном папирусе, написанном на иератическом языке, была найдена древняя версия *Книги Мертвых*. В I веке с появлением новых книг такая погребальная литература становится все более и более разнообразной. *Книга Дыхания*⁹ позволяла возратить покойнику способность чувствовать, видеть и слышать. *Книга пути в вечность*¹⁰ давала возможность умершему свободно передвигаться в потустороннем мире и даже свободно обращаться к Осирису. *Книга превращений*, написанная на демотическом языке¹¹, указывала покойному способы превращаться в различных животных и магических существ.

*Хоахиты за работой*¹²

Что касается хоахитов, они занимались только окончательным этапом: помещением тела в его последнее пристанище. Однако часто это размещение связывалось с определенными рода трудностями, вынуждавшими хоахитов оставлять умерших во временных гробницах. Иногда семья соглашалась после мумификации держать тело дома. Были даже специально сделанные на этот случай ящики со съёмными панно, позволяющими видеть лицо покойного через окошко¹³. Известно, например, что мумия родственника могла иногда служить гарантией для одалживания денег¹⁴. Мы опускаем случаи внезапного исчезновения должника. Для транспортировки самого тела семья должна была обратиться к людям другой профессии, звучащей по-гречески «некротафы», что значит «похоронный служащий». О них мало что известно, несмотря на то, что они составляли профессиональное сообщество, более известное и популярное среди простого населения, чем хоахиты. Последние должны были выплачивать различные налоги, взимаемые с мумий, которые были введены по инициативе «главы некрополя», являвшегося высшим административным чиновником кладбища¹⁵. Работа хоахита не ограничивалась погребением мумии с

последними ритуальными почестями. Покойник регулярно должен был получать почести в виде ритуальных возлияний и жертвенных даров, совершать которые могли только хоахиты. Еще в IV веке обеспеченные семьи предоставляли хоахиту участок земли, доход с которого предназначался для совершения заупокойных служб. В эпоху Птолемеев нехватка земли изменила саму природу материальной поддержки хоахитов: отныне они принимали плату от семьи, желавшей увековечить в погребальном культе своих умерших родственников. Таким образом, мумии, которыми занимались хоахиты, становились источником их постоянного и регулярного дохода. Такая работа была настоящим достоянием. Оно могло одновременно передаваться по наследству или отбираться, как и любое имущество. Мумии делились между наследниками хоахитов или продавались другим хоахитам, как обыкновенный товар. Такая ситуация могла возникнуть только в том случае, если те объединялись в некоторое подобие очень закрытых корпораций, получая выгоду от монополии. По дошедшим до нас архивам стало известно, что еще во II веке до нашей эры в Фивах существовало по крайней мере четыре семьи хоахитов, которые много раз сочетались между собой браками. В каждой из этих семей заботы об умерших и поступавшие с этого доходы передавались по прямому наследству, женщины из него не исключались и даже могли работать в этой сфере. Без сомнения, в таком важном городе, как Фивы, существовали и другие семьи, занятые в других областях погребальных обрядов в некрополе, но их архивы до нас не дошли. Все хоахиты из Фив жили на левом берегу Нила в Джеме — деревушке, построенной внутри большой ограды погребального храма Рамзеса III в Мединет Абу, представляющего собой монументальный ансамбль, прекрасно сохранившийся до наших дней. По всей видимости, в ту эпоху огромный храм не использовался по назначению, но в его внутреннем дворе приютился небольшой храм Амона в Джеме, практически реконструированный во времена правления

Птолемеев, который превратился в место культа на левом берегу.

Мы не знаем, каким образом осуществлялся набор на должность хоахита. Единственное условие, дошедшее до наших дней: только египтяне могли работать в этой профессии. Но нам неизвестно, было ли это утверждение обязательным или же иностранцы могли вступать в узкий круг, например, через брак. С другой стороны, сами хоахиты были вовлечены и в другие занятия. На самом деле, в эту эпоху в египетских текстах не называют их больше *уах-му* — «льющий воду», — а обозначают как *уненпер*, «открывающий часовню (?)», то, что греки переводили словом *пастофор*, «хранитель часовни». Такие названия близки по значению к словам «церковный сторож» или «дьяк», которые в равной степени относятся и к храму Амона в Дžeme. Но даже относясь к мелким служащим храма и будучи связанными со священным культом, хоахиты не составляли священный класс в чистом виде (*уабу* — «чистые»). Работа хоахитов являлась лишь жалкой копией того, что представляло собой жреческое служение богам. Известно, что в некоторых случаях их привлекали для проведения процессии или праздника. Они должны были посыпать песком аллеи сфинксов храмов Амона и Мут в Карнаке на восточном берегу Фив. С другой стороны, когда тот же бог Амон пересекал Нил, чтобы посетить свои храмы и часовни на левом берегу Фив, хоахиты брали на себя проведение процессий и устраивали жертвенное возлияние вина в течение всего пути¹⁶.

Профессиональная ассоциация

Чтобы лучше организовать работу своей профессии, хоахиты из Фив создали в 109 году ассоциацию. Одновременно религиозные и профессиональные, подобные сообщества возникали также в других районах и в других профессиях, без сомнения имитируя греков, которые добровольно объединялись в

землячества. Правила и список членов этой ассоциации сохранились в полном объеме¹⁷. Чтобы стать полноправным членом такого собрания, необходимо было принадлежать к семье хоахитов и быть представителем мужского рода не младше 16 лет. Мальчики, достигшие 10 лет, могли быть занесены в список вместе со своими отцами, но только в качестве несовершеннолетних членов этой организации. Таким образом, на момент написания правил в ассоциацию входило двадцать три активных и восемь несовершеннолетних членов. Организация координировалась правлением из пяти человек, включая главу сообщества (на египетском — *лезонис*), заместителя главы и трех заседателей. Это религиозное братство, все члены которого были *пастофорами*, посвящалось богу Аменхотепу, Амону из Дžeme. Они должны были справлять праздники в строго фиксированные даты, обозначенные как «дни питья». Такие периодические возлияния, направленные на укрепление взаимного уважения между членами ассоциации, были, однако, четко ограничены в количестве употребляемых напитков двумя кувшинами вина. Члены сообщества должны были оказывать друг другу помощь, например, в случае кончины одного из них. Они клялись соблюдать некие правила хорошего тона, принятые в их обществе. Нарушение приличий наказывалось штрафом, сумма которого удваивалась, если таковое было совершено главой сообщества. Никто не мог избрать профессию хоахита, не будучи членом этой «ассоциации Аменхотепа», которая являлась настоящим профессиональным синдикатом. Соответственно, ни один из членов подобной организации не мог претендовать ни на какой доход со своей профессии, если даже эта прибыль теоретически могла передаваться по наследству.

Каждый хоахит обладал правами на определенное количество семей, передававших ему своих покойников, живые члены которых были потенциальными будущими клиентами. Мы видим, что такие права могли одновременно передаваться по наследству или продаваться. С другой стороны, семьи не

имели никакого альтернативного выбора, кроме как обращения к одному и тому же хоахиту, который получил через наследство или через покупку право заниматься заупокойным культом их умерших родственников. Жалованье, которое хоахиты получали за заботу о покойниках, было, по правде говоря, очень скромным. Небольшой бюджет большинства семей практически весь уходил на повседневные нужды и мог составить только символическую сумму на расходы подобного рода. Если представители самых зажиточных династий могли купить у хоахитов семейную гробницу из кирпича, сооруженную самим «могильщиком», которому они и доверяли уход за покойным, то большинство египтян довольствовались общими склепами, которые являлись собственностью хоахитов. Речь идет о древних, давно разграбленных гробницах, которые часто принадлежали высшим должностным лицам эпохи Нового царства, умершим тысячи лет назад. Холм Фив был, таким образом, в буквальном смысле начинен гробницами, но только малое количество из них впоследствии использовалось заново. Самой большой и самой известной среди них являлась *Тинабунун*, о чем говорится во многих греческих документах. Обозначалась она на египетском: «гробница Набунуна» — название, в котором мы узнаем едва измененное имя *Неб-уненеф*, важного лица духовенства Фив в эпоху Рамзеса II. Эта гробница представляет собой туннель длиной более ста метров. До сих пор он поражает воображение своими гигантскими размерами. Можно представить то количество мумий, которое могло бы там находиться!

«Святые», не дающие покоя

Отвечая за несколько сотен мумий, распределенных по семьям, хоахиты, таким образом, компенсировали скромность сумм, полученных на уход за покойниками, их большим количеством. Длинные списки мумий, дошедшие до нас через архивы, демонстрируют, что не все умершие распределялись

по одному статусу. Некоторые покойники имели название *n-хеси*, что означает «избранник судьбы, праведник», другие же называются *n-хери* — «выдающийся, святой». Неизвестно, по какому принципу хоахиты получали доход с этого привилегированного статуса. Из-за двойственности египетского термина *хеси* выдвигалась гипотеза, что речь шла об утопленниках, так как смерть в волнах Нила приравнивалась к обожествлению¹⁸. Но такое объяснение не может распространяться на большинство случаев. Дары и жертвенные возлияния вина составляли главную обязанность, которую хоахиты выполняли в честь неподвижных «обитателей» до тех пор, пока живой родственник продолжал платить. Предметы, используемые хоахитами для их ритуальных целей, состояли из ваз для возлияния, каминок для окуривания и переносных жертвенников. Все они могли представлять некоторую ценность, как о том свидетельствует жалоба, написанная хоахитом Осороерисом, сыном Хора, в 127—126 годах главе охраны правопорядка пригорода Фив, Диофанту. Он пишет, что в то время как все силы охраны были призваны на правый берег по случаю посещения Фив главным стратегом Лохом, трое неизвестных воспользовались ситуацией, чтобы взломать дверь принадлежащей ему временной гробницы и унести все рабочие инструменты. Тела же, которые хранились там в ожидании погребения, были съедены шакалами, которые проникли в святилище после грабежа. Жалующийся насчитал ущерб похищенных вещей в десять талантов или шестьдесят тысяч драхм бронзой — сумма, которой можно было бы прокормить семью из пяти человек в течение целого года¹⁹.

Разделение работы между другими ассоциациями

Как и хоахиты, тарихевты образовывали монополию, и обязанности каждого из них разграничивались по очень жесткому территориальному принци-

пу. Однако, в отличие от хоахитов, чье эксклюзивное право ограничивалось лишь гробницами, тарихевты обладали более широкими возможностями, контролируя ту или иную деревню, тот или иной район, а иногда целое социо-профессиональное сообщество. Так, первого июня 119 года между двумя парасхитами — Аменхотепом, сыном Хора, и Петенефотесом, было заключено соглашение, тщательным образом разграничивающее область их компетенции. Деревни, обозначенные в этом соглашении, принадлежат трем различным номам на окраине Фив: пригород Фив, Патиригский ном на юге и Коптосский ном на севере. Населенные пункты Фив были разделены таким образом: левый берег (*Мемнонея*) — Петенефотесу, правый берег (Диосполь и Медамуд) — Аменхотепу, за исключением жрецов Амона и их рабов, которых должен мумифицировать Петенефотес. Такое разделение, само собой разумеется, не соблюдалось, так как в течение последующих четырех лет каждый из них как минимум три раза подавал жалобу на греческом языке в суд эпистата на предмет повторяющихся нарушений буквы договора второй стороной²⁰.

В Мемфисе антафиасты по такому же принципу разделяли кварталы городов и деревни. Доказательством служат папирусы, написанные на демотическом языке, представляющие собой длинные списки заранее распределенных будущих покойников, в случае передачи имущества энтафиастом своим наследникам. Девушки, в отличие от своих соратниц из Фив, не могли сами заниматься этой профессией, но они имели право получать доход. В 75 году Таинхис, наследница одной из известных фамилий мемфисских бальзамировщиков, оставила своей дочери Сенамунис права, касающиеся погребальных служб одной трети деревни, названной «Хвост Крокодила», из округа *Унхем* со всеми жителями, треть из двух деревень «Новых Земель Пта» со всеми жителями, треть «Греческого квартала» Мемфиса; [...] треть пастофоров (низших жрецов), служащих Осирису-Апису и Осирису-Мневису; треть виноградарей (из нома

Мемфиса), к которым добавились доходы с трех заупокойных часовен в некрополе²¹. Мы можем предположить, что Сенамунис, как и ее мать Таинхис, должна была предоставить желанную прибыль другим энтафиастам. Такая передача имущества способствовала эндогамии в очень закрытом сообществе. Мы не знаем, как был организован процесс разделения сфер влияния на деревни и на социо-профессиональные группы с держателями прав на две другие трети. Мы можем только надеяться, что подобный образ жизни позволял избегать спорных вопросов в возможных притязаниях, как это произошло в случае с тарихевтами из Фив.

*Спорный дом*²²

Архивы хоахитов открывают нам множество интересных документов, например, два приказа и один детальный отчет дают полное представление о процессе, который столкнул ассоциацию хоахитов с неким Гермием во время правления Птолемея VIII Евергета II и двух его жен, Клеопатры II и Клеопатры III в 117 году. Гермий принадлежал к семье военных греков, обосновавшихся в Египте за век до случившихся событий. Его отец, Птолемайос, служил в гарнизоне в Фивах, где и получил просторное жилище в свое пользование во время правления Птолемея IV Филопатора. После смерти царя в 205 году в Верхнем Египте разразились восстания против александрийской власти. Фиваида отпала, и во главе её встал местный фараон, Хургонафор. Птолемайос, как и его соратники, связанные с властью Лагидов, бежал, покинув свой дом. Можно предположить, что его имение было захвачено повстанцами и продано с аукциона. В 182 году, двадцать три года спустя после кровавых событий, а значит, спустя, по крайней мере, пять лет после обширных репрессий над повстанцами, царь Птолемей V Эпифан снова пришел к власти над разрушенной страной. В это время фамильное гнездо Гермия было разделено между тремя родами, две

сестры одного из них продали свою часть фуражиру по имени Хериус. Вероятно, в доме вообще никто не жил, так как строение значилось в документах как разрушенное и пришедшее в абсолютную негодность. Различные части строения переходили из рук в руки, но в 153 году эта земля заинтересовала хоахитов, которые постепенно стали ее скупать. Спустя некоторое время все, что осталось от старого имения Птолемайоса, было полностью разрушено (из архивов видно, что на этом месте была лишь абсолютно голая земля с остатками фундамента). В 127 году хоахиты, будучи обладателями трех четвертей земли, построили на ней новое здание. В следующем году владелец остатка земли, кавалерист по имени Аполлоний, послал в греческий суд хрематистов жалобу на хоахитов, которые, по его мнению, посягали на его участок. Последние согласились вести переговоры, и вскоре после денежной компенсации Аполлоний согласился забрать жалобу и уступить все свои права хоахитам.

Именно в этот момент появляется Гермий, сын Птолемайоса, старый владелец разрушенного жилища. Тогда в возрасте шестидесяти или семидесяти лет Гермий обосновался в Омбосе, важном военном центре, расположенном в 175 километрах южнее Фив, являясь офицером пехоты. Его возраст и положение, без сомнения, позволяли Гермия выйти на законную пенсию. Свободное время он посвятил возвращению имущества, когда-то оставленного его семьей в Фивах. Он сумел легко вернуть себе 20 арур (5,5 гектара) земли под пшеницу, которую жрец бога Амона, некий Хармаис, купил у гражданина по имени Аполлоний, присвоившего себе этот участник земли еще во времена Хоргонафора. Гермия это удалось, так как он смог доказать, что земля записана на имя деда его матери. По такому же принципу он убедился, что дом хоахитов построен на месте его собственного родового имения. Однако бывший офицер не располагал никакими документами в подтверждение своих прав. В течение последующих восьми лет он будет пытаться всеми возможными легальными способа-

ми вернуть себе то, что, по его мнению, принадлежало роду Гермия. Так как хоахиты обладали всеми документами по продаже, подтверждавшими законность приобретения спорной земли, Гермий выдвинул обвинение против одного из продавцов, а именно, женщины по имени Лобаис. Она не могла доказать свое законное право на обладание той частью земли, которую продала хоахитам. Лобаис признала это в акте отречения, подписанного перед греческим судом хрематистов, куда, собственно, Гермий и подавал жалобу. Опираясь на этот документ, почтенный грек попытался добиться явки в суд хоахитов, но те удалились к себе на левый берег. Между 125 и 117 годами Гермий шесть раз обращался к различным высокопоставленным чиновникам, чтобы добиться изгнания хоахитов из своего дома. К 118 году те избрали тактику игнорирования всех предупреждений, но начиная с 119 года давление, оказываемое Гермием, становилось все сильнее, так как он окончательно покинул Омбос, выйдя в отставку. Тогда хоахиты явились в суд эпистата нома предместья Фив в сопровождении талантливого адвоката, владеющего всеми необходимыми документами. Гермия, который даже не воспользовался помощью адвоката, было отказано в просьбе. Он не отчаялся и сразу написал высокопоставленному лицу, эпистратегу Фиваиды, но видимого результата не последовало. Наконец в 117 году он обратился с последней петицией к стратегу, который передал дело во второй раз в суд эпистата в предместьях Фив. Результат остался тем же, хотя на это раз Гермий был в сопровождении адвоката, приготовившего обвинительную речь против хоахитов.

Покойники в городе

Среди аргументов, приводимых адвокатом Гермия перед судом эпистата, самый интересный касался предназначения построенного хоахитами дома. Это здание служило, на самом деле, для хранения еще не

замумифицированных покойников, ожидавших переправки на левый берег Нила. Дом хоахитов находился поблизости от *драмосов*, то есть дорог, предназначенных для религиозных процессий, которые вели от Нила к священному храму Геры (греческое преобразование имени богини Мут) и к недавно отстроенному святилищу Деметры, которое соответствовало имени богини-гиппопотама Опет, означающему плодородие. Для таких божеств и их жрецов соседство «с покойниками и с теми, кто ими занимается, было отвратительно». Уже после речи адвоката Гермия царский врач Татас передал местному стратегу указ царя, касающийся любых действий, связанных с похоронами. Позднее преемник этого стратега, приняв во внимание жалобу жрецов Амона, ссылающихся на заявление топограммата (секретаря района), написал эпистату письмо с целью осуществить наконец эту передачу. Такое решение могло позволить Гермию завладеть домом, но хоахиты не переехали. Главной причиной в оправдание последних было то, что множество распоряжений касалось только таришотов, а не хоахитов, чье присутствие на правом берегу было оправдано их участием в великих праздничных процессиях. Такое объяснение, принятое без дальнейших комментариев со стороны суда, было откровенно несправедливым: неважно, занимаются ли хоахиты мумифицированием или нет, проблема состояла в том, что они держат покойников в доме. Такая «мерзость» была неизбежна, так как невозможно было без ограничения перевозить всех умерших на другой берег, необходимо было их где-то хранить. Основа аргументации оставляет в недоумении и можно подивиться единодушию взглядов между греческими чиновниками и египетскими жрецами на предмет переселения людей, занимающихся профессией, связанной с покойниками, на территорию храма. Умерший, как нечто позорное и грязное, является понятием эллинистической культуры. В Египте священные места и некрополи часто соседствовали друг с другом без каких-либо помех. Соответственно, мотивы жрецов бога Амона были

иными, нежели те, которыми руководствовался греческий врач. Будучи далекими от забот о собственной гигиене или вопросов религиозных табу, они желали только во что бы то ни стало свести счеты с конкурирующей корпорацией, пуская в ход любые средства.

Так, судебное разбирательство, о котором мы смогли узнать все до мельчайших подробностей, оказывается не таким уж и безобидным, как можно было бы подумать после беглого просмотра. Помимо чисто юридических аспектов, которые удивляют нас своей современностью как по форме, так и по содержанию, это дело освещает многие характерные культурные и социальные факты. Речь идет о процессе, который начал *грек* против *египтян*, подчеркивая презренность их профессии с точки зрения правящей нации. Различные процессуальные действия записывались на греческом языке перед судом, состоящим исключительно из греков (хрематисты, суд эпистата), который, тем не менее, принимал во внимание аргументы и интересы представителей чуждой для них культуры. Мотивации главного противника кажутся очевидными: Гермий имел явное намерение поселиться в Фивах. Этот город, несмотря на некоторый упадок в ту эпоху, имел для греческого военного офицера, сделавшего свою карьеру в провинциальном гарнизонном центре, таком, как Омбос, определенную притягательность. Для того чтобы достойно провести в Фивах остаток дней, он попытался вернуть имущество, которое осталось от его предков. Скорее всего, Гермий рассчитывал, что его ранг и греческая национальность позволят легко взять верх над египтянами низшего класса. Но, вопреки его ожиданиям, высшие органы судебной власти рассматривали исключительно законодательные аспекты дела. Если ему удалось вернуть себе землю, возделываемую жрецом Амона, то только потому, что Гермий сумел воспользоваться официальным документом, подтверждающим законность его претензий. Таких документов, доказывавших законность его прав на дом, у старого офицера не было,

что не помешало ему постоянно писать прошения, адресованные высокопоставленным лицам, на чью поддержку он мог рассчитывать. В первую очередь такими людьми могли стать хрематисты или эпистат (последний даже издал указ об изгнании хоахитов). Но хоахиты, сознавая свое социально низкое положение более, чем свое законное право, после попыток запугать своего противника молчаливым отъездом, позднее дважды успешно выступили против него, позаботившись о том, чтобы каждый раз на процессе присутствовал греческий адвокат. Какими бы ни были симпатии, спровоцированные чувством солидарности между людьми одного социо-культурного круга (а таковые, несомненно, испытывали власти по отношению к Гермию), высокопоставленные чиновники не могли не учитывать положения, которое хоахиты занимали в египетском обществе. Хозяева ритуала похорон и культа мертвых, они выступали вместе с различными категориями жрецов хранителями древней культуры фараонов. Незаконно обвинив их, суд рисковал обострить вражду, которую местное население могло испытывать по отношению к грекам и, как следствие, разжечь бунт, всегда готовый вспыхнуть заново. За отсутствием документов, подтверждающих несомненное право на владение домом, местные власти не могли признать правоту Гермия в ущерб хоахитам. По тем же самым причинам они не могли исполнить царский указ, касающийся запрета на хранение умерших в центре города, который был внушен греческими принципами и противоречил древней египетской традиции.

Бальзамировщик обращается к царю

Внимание, которое греческие власти уделяли выдающимся представителям египетской нации, еще больше прослеживается на другом примере, местом действия которого является мемфисский некрополь. Пятнадцатого октября 99 года царь Птолемей X и его супруга-племянница царица Клеопатра-Береника III

посетили Серапеум в Мемфисе. Бальзамировщик по имени Петисий передал им петицию на греческом языке, в которой описывал, как подвергался агрессии со стороны некоторых служащих некрополя. Он просил у правителя защиты, а именно написанный на деревянной табличке царский указ, запрещающий кому бы то ни было совершать насильственные действия по отношению к нему и к его имуществу. Менее чем через неделю копия петиции с царской печатью была передана стратегу мемфисского нома Аполодору. Его подчиненный по имени Тимоникос передал указ эпистату Анубеума (местечко вокруг храма Анубиса, где работали бальзамировщики мемфисского некрополя); в письме значилось — «исполнить немедленно». Табличка с царским постановлением, написанным на греческом и демотическом языках, которую просил Петисий, была вывешена в предназначенном для этого месте.

Такая любезность со стороны властей удивительна! Разгадка такого внимания кроется в том, что Петисий не был простым бальзамировщиком. Он исполнял функции «архентафиаста богов Аписа и Мневиса», иными словами, он имел честь бальзамировать двух священных быков Мемфиса и Гелиополя, двух живых наиболее почитаемых в Египте богов, и он не упустил случая отметить значимость своей должности в поданной петиции. Правители Лагиды не могли проигнорировать прошение персонажа, который играл ключевую роль в самые ответственные моменты религиозной жизни всей страны, как, например, в похоронах Аписа. Однако пикантная подробность состоит в том, что царская защита очень скоро была нарушена самими же греческими официальными представителями власти, которые теоретически должны были уважать царский указ. Несколько месяцев спустя, летом 98 года другой подчиненный стратега по имени Нумений с силой ворвался в дом Петисия, чтобы завладеть его имуществом. Петисий вынужден был написать вторую петицию царю с просьбой, чтобы новый стратег по имени Аристон уважил ранее принятое постановле-

ние. В конце концов, фрагменты письма говорят о том, что Петисий пытался привлечь внимание двора, посылая петиции через посредника — продавца египетского льна, путешествовавшего по делам между Мемфисом и Александрией, — чтобы вызвать еще одно прямое вмешательство сильных мира сего в решение своих личных проблем. К сожалению, мы не знаем исхода этого дела. Но можно предположить, что амбиции и высокомерие бальзамировщика, с одной стороны, а также зависть и неприязнь греческой бюрократии — с другой, должны были стать впоследствии рычагом для этой жалкой драмы.

Богатая документация о хоахитах из Фив и об энтафиастах из Мемфиса дает нам представление только об их профессиональных и наследственных заботах. Хотя их внутренний мир остается для нас недостижимым как с точки зрения культуры, так и с психологической точки зрения, можно все же предположить, что уровень их образования был достаточно высоким. Они умели писать и читать на демотическом, а также очень возможно, что и на древнем священном языке в двух его формах: иератической и иероглифической. Без сомнения, менее ученые, нежели жрецы в больших храмах, они были более открыты для внешних воздействий. Частный интерес и коммерческая деятельность подталкивали их к адаптации в новых условиях жизни. Хоахиты сумели, таким образом, использовать для собственного блага ресурсы птолемеевской администрации и права правящей нации для сопротивления давлению последних, которые видели в них поначалу легких жертв. Пользуясь греческим языком, они обращались к высокопоставленным лицам в тех случаях, когда понимали, что их фундаментальным интересам угрожает опасность. Будучи довольно богатыми подданными Птолемеев, они могли спокойно игнорировать брезгливость, которую их профессия должна была вызывать у носителей эллинистической культуры, и видеть в своих противниках только будущих клиентов.

СОЛДАТЫ И КРЕСТЬЯНЕ

Военное государство

«Страна, завоеванная острием копья»¹ — Египет эпохи Птолемеев — должна была охраняться большой и преданной армией. В стране существовала своя древняя военная традиция, восходившая еще к Новому царству, в основе которой лежало обращение к помощи иностранных наемников. Последние иногда становились даже хозяевами страны, например, во время так называемых «ливийских династий» (между 950—750 годами). В саисскую эпоху (664—525 годы) египетские фараоны добровольно призвали греческих и карийских гоплитов (тяжеловооруженных воинов). Наконец, персы обосновали в Элефантине сирийские и еврейские военные колонии, чтобы наблюдать за южной границей Египта. Именно здесь было найдено большое количество папирусов на арамейском языке, которые раскрывают нам историю этого иностранного сообщества на египетской земле². Параллельно местная военная каста, всегда существовавшая в Египте, формировалась, главным образом, из потомков древних ливийских наемников, которые вскоре культурно и социально слились с местным населением. Однако эта каста казалась ненадежной саисским фараонам, видевшим в ней возможных сторонников своих будущих противников. Ей не доверяли и пер-

сидские сатрапы, считавшие, что военные могут стать привилегированной школой для формирования лиц, вызывающих национальные возмущения. Геродот оставил нам краткое описание этой замкнутой военной касты, разделив ее на две группы — *каласириев* и *гермотибиев*, которые занимали разные регионы страны³.

Приход Александра не решил существовавшую проблему. Покинув долину Нила для окончательного завоевания персидской империи, он оставил в Египте армию из двадцати тысяч человек под командованием своих офицеров Балакра и Певсесты⁴. Скорее всего, только малая часть из этой армии набиралась из греческих деревень, главным же образом солдат вербовали прямо на месте. Можно только удивляться, как мог Александр оставить Египет на войско, составленное по большей части из египтян! Возможно, что большинство этих солдат были набраны из греческих и карийских общин, давно обосновавшихся в стране, которые, быстро адаптировавшись к условиям жизни в македонской армии, только выиграли от установления новой власти. Среди них можно отыскать и старых наемников, сражавшихся против персов на службе у последних местных царей и не успевших еще вернуться на родину. Одному такому греко-египтянину, Клеомену из Навкратиса, Александр доверил финансовое управление Египтом⁵. Может быть, некоторое число арамейских и еврейских наемников перешло из персидских войск в македонскую армию. Из этих кадров и должно было формироваться будущее ядро армии Лагидов.

Солдаты в деревне

Когда в 323 году Птолемей, сын Лага, взял на себя управление Египтом в качестве сатрапа, его первой заботой стало ограждение своих новых территорий от претензий других диадохов. Поставить на ноги могущественную военную организацию было для него первой задачей. С 321 года вторжение Пер-

дикки в Египет доказало слабость тех военных средств, которыми располагал Птолемей в своей стране. Единственное, что его спасло, — это тактические ошибки противника, чьи военные силы были несравнимы с возможностями птолемеевской армии. Только естественные ловушки Нила, в которых увязли войска Пердикки недалеко от Мемфиса, спасли город от неизбежного нападения, а Птолемея от неминуемого поражения⁶. В дальнейшем борьба против Антигона Одноглазого и его сына Диметрия Полиоркета повлекла за собой массовые призывы в армию и на флот, что можно проследить по издержкам на рекрутский набор наемников, заставивших Птолемея черпать средства в собранной Клеоменом из Навкратиса казне. После бегства Пердикки Птолемей смог привлечь на военную службу часть солдат из разбитой армии. Позднее, в 312 году, победив Диметрия Полиоркета в битве при Газе, он привел в Египет восемь тысяч военнопленных, которые по заведенной уже традиции перешли без каких-либо угрызений совести на службу к новому правителю⁷.

Содержать такую — пусть независимую и уважаемую — армию было делом одновременно дорогостоящим и потенциально опасным. Эллинский наемник требовал своевременной оплаты своей работы часть серебром, часть продуктами. Но война длится не вечно, и наемники оставались либо без действия на чужой земле, либо, демобилизовавшись, уходили на свою историческую родину. Таким образом, ратник был потерян для службы в царской армии. Чтобы временно сгладить серьезный недостаток в войсках, Птолемей ввел систему размещения солдат в египетских деревнях. Вместо регулярной выплаты за службу каждому из солдат был предложен надел земли, который доставался ему в результате жеребьевки в полное право пользования. Этот участок назывался на греческом языке *клер*, а получивший его — *клерух*. Таким образом, государство пришло к образованию настоящей армии из вышедших в запас воинов, готовых вернуться в военные ряды в любой момент, независимо от предложенной за работу суммы и от споро-

са на рынке наемников, который находился на Пелопоннесе на мысе Тенар. Для денежной экономики государства это был выгодный шаг, так как больше не существовало риска, что наемный воин уйдет к себе в Грецию или куда-нибудь еще со своими сбережениями, вместо того чтобы тратить их в Египте. Именно эта система клерухов станет базой для всей военной организации страны во времена правления Лагидов вплоть до римских завоеваний. Клерухи становятся привилегированным классом, распространенным по всей египетской хоре. Предоставленные земли они выбирали тщательнейшим образом. Было неразумным выгонять местных крестьян со своих земель или забирать священную землю у храмов. Таким образом, царь даровал клерухам земли, которые не возделывались по той или иной причине, чаще всего потому, что воды Нила во время разлива не достигали этой территории. В данном случае работы по обработке земли, ответственность за которые делилась между самими клерухами и царской властью, были необходимы. Экономические последствия такого устройства не могли остаться незамеченными. Появившиеся владения позволяли возделывать зерновые культуры на новых землях, ранее находившихся в запустении, увеличивая тем самым урожайную площадь Египта.

Но если подробнее рассмотреть эту уникальную для греческого мира систему, то можно понять, что она не была целиком и полностью нововведением Птолемеев. Уже в военных организациях саисского Египта, описанного Геродотом⁸, содержатся свидетельства о наделе в 12 арур для каждого местного военного (*махима*), был ли он в данный момент на службе или нет⁹. С другой стороны, в Афинах уже с конца VI века существовала практика, похожая на систему клерухов, касательно земельного вопроса. Власти Афин контролировали землю даже с некоторой жесткостью, потому что поначалу наемники систематически изгонялись с дарованных им земель. Справедливости ради нужно заметить, что афинские клерухи, обосновавшиеся на острове Самос, были

выгнаны оттуда в 322 году, в тот самый момент, когда Птолемей начал набирать наемников в свою армию¹⁰. Маловероятно, что они воспользовались его предложением, боясь, что с ними может в очередной раз случиться ситуация, уже постигшая их в Самосе. Таким образом, вряд ли они могли составить ядро клерухов в Египте.

Очень быстро новый порядок доказал свою эффективность, по крайней мере в том, что касается преданности солдат, которые получали доход со своей земли. Когда в 307 году птолемеевская армия, отправленная на Кипр, потерпела поражение в битве с Деметрием Полиоркетом, большинство пленников отказалось перейти на службу к новому царю вопреки сложившейся традиции, объясняя такое странное поведение тем, что все средства для существования они оставили в Египте¹¹. Основное число наемников было родом из разрушенных войнами плодородных районов континентальной Греции. Перспектива найти участок земли для собственного пользования была для них, несомненно, наиважнейшим аргументом, не сравнимым ни с оплатой их труда, ни с радостями гарнизонной жизни.

Превратности сосуществования

Египтяне на себе почувствовали возникновение нового класса клерухов, который размещался в среде местного деревенского населения. Военные не только обосновывались в гарнизонах, рассеянных по всей стране, но и обустроивались в большинстве деревень, где им иногда предоставляли в пользование землю. Такое размещение, безусловно, было предусмотрено и одобрено со стороны правительства. Какие же эффективные средства могла найти власть для привлечения самой солидной части населения страны на сторону династии Лагидов? Чтобы не быть отброшенными как инородное тело, клерухи должны были занимать территорию. Классическое решение, применяемое еще в эллинистическом мире,

заклучалось в организации городов, населенных иностранцами, но такая система оказалась невозможной в уже густо населенном мире, как, например, в землях Египта. Таким образом, необходимо было завоевывать этот мир с нижнего уровня, внедряя греческую культуру в местные традиции, надеясь в итоге их эллинизировать.

Это распространение иностранных солдат в городах и деревнях не проходило без стычек с местным населением. Сначала необходимо было разместить этих людей в принудительном порядке. Показательно, что один из самых древних греческих папирусов, найденный в Египте, представляет собой объявление, запрещающее такое размещение:

«Приказ Певкеста [военного правителя, оставленного Александром в Египте]. Запрещено входить кому бы то ни было. Это жилище жреца»¹².

Проблема заселения оставалась насущной и в III веке, о чем свидетельствует огромное количество петиций, направленных царю со стороны египтян, раздраженных постоянными нарушениями их вынужденных постояльцев, а также со стороны самих солдат, спорящих между собой за одно и то же жилище. Правители вынуждены были множество раз призывать к порядку ответственных за вопросы расселения. Вот одно из писем Птолемея II: «Царь Птолемей приветствует Антиоха. Что касается размещения солдат, мы узнали, что совершаются незаконные вторжения, так как солдаты не получают жилья от экономов и потому вторгаются в дома, изгоняя оттуда законных жителей, и обустриваются там силой. Повелеваю, чтобы отныне такого больше не происходило»¹³.

Потенциальные жертвы изгнаний находили искусные способы защиты своих жилищ, как, например, сооружение жертвенников или часовен у входа в свои дома, что делало их неприкосновенными¹⁴. Постепенно с интеграцией иностранной армии и с иссяканием потока иммиграции проблема становилась все менее и менее острой. Но в 118 году царь Птолемей VIII и две его жены сочли необходимым

упомянуть в своем «филантропическом» эдикте все категории, освобожденные от принудительного расселения. Ими оказались жрецы и люди, чьи профессии были непосредственно направлены на благо царской власти (царские крестьяне, ткачи, портные, животноводы и птицеводы, торговцы маслом, пчеловоды и пивовары)¹⁵.

*Жить за счет ренты со своей земли*¹⁶

Наделы, числящиеся за клерухами, были не одинаковыми по величине и нарезались в соответствии с занимаемым положением в армии. Они могли составлять от двадцати до сорока арур (от 5,5 до 11 гектаров) — для пехотинцев и от 50 до 100 арур (13,8 — 27,6 гектара) — для кавалеристов и телохранителей (*соматофилаков*). Раздел земли был довольно абстрактным: клерух, имеющий право на сорок арур, обычно владел участком намного меньше. Наделы, по мере разрастания системы клерухов, все чаще и чаще не достигали положенного количества гектаров, так как пригодной для расселения земли становилось все меньше и меньше. Даже если учитывать существенную разницу в качестве почвы, которой владели клерухи, территория *клеров* все же рассчитывалась таким образом, чтобы за счет нее можно было прокормиться более, чем одной семье. Непосредственное возделывание земли позволяло клерухам иметь товарные излишки, которые можно было использовать для получения процентной ссуды или для оплаты различных налогов (нужно заметить, режим налогообложения земель военных не был суровым). Если клерух не хотел сам заниматься обработкой земли, он мог передавать свой *клер* одному или нескольким местным крестьянам и жить со своей семьей на получаемую ренту. В большинстве своем так поступали офицеры или всадники, державшие хорошие участки земли. Нужно учитывать, что последние несли расходы еще и на содержание лошади. Даже после вычета платы за наем, повседневных расходов

и всего необходимого для жизни семьи оставался еще излишек, который можно было куда-нибудь вложить. Таким образом и существовал весь класс клерухов в течение долгого времени. Часто они проживали около земли, которая была им дарована, составляя хорошо организованные греческие общины, иногда даже деревни вокруг гимнасия, которые поддерживали традиции эллинистической культуры. В частности, такие поселения были распространены в районе Фаюма. Они воплощали в жизнь проект глобального греческого внедрения в страну путем создания целых эллинских деревень во время правления Филадельфа.

Против ожиданий властей клерухи стали покидать свои деревенские дома, чтобы обустроиться в больших центрах, главным образом в древних египетских метрополиях номов или даже в столице. Основной причиной такого движения стало постепенное изменение статуса дарованных земель, которые, будучи номинально царскими территориями, могли теоретически отойти реальным хозяевам, если те, например, оставляли военную службу. С другой стороны, эти земли невозможно было передать по наследству. На практике уступка наделов клерухам в пожизненное пользование очень быстро приобрела постоянный статус. Клерухи могли передавать их своим сыновьям, достигшим возраста, когда они могут носить оружие, что облегчало царю задачу с рекрутским набором. Вскоре в качестве наследника стали рассматривать ребенка и младшего возраста, а также вдову или дочерей. Итогом этой эволюции явилась возможность уступать земли третьим лицам, за исключением тех, кто не входил в класс клерухов. Этот последний этап передачи земли в собственность военных наступит в конце правления Лагидов в I веке¹⁷. Однако к тому времени (начиная с середины II века) греческие клерухи уже были переименованы: их называют отныне *катойками* («переселенцами»). Этим благородным термином отделяли военных греков от клерухов египтян, которые получили доступ в эту категорию в 218—217 годах. Под угрозой

вторжения Антиоха III из династии Селевкидов Птолемей IV Филопатор и его министр Сосибий организовали египетскую фалангу из двадцати тысяч воинов, основываясь на системе клерухов. Новые местные клерухи, держатели меньших наделов (только от 5 до 30 арур), составили средний класс птолемеевского общества. Эта мера была крайним случаем в кризисный период власти и имела противоречивые последствия. Худшим для режима оказалось восстановление вооруженной базы, способной поддержать национальные египетские восстания, что впоследствии явилось главной причиной великого отделения Верхнего Египта между 205 и 187 годами.

*Солдат-мошенник: Дионисий, сын Кефала*¹⁸

В нескольких километрах к северу от современного города Миния в Среднем Египте, на другой стороне Нила, на правом его берегу можно увидеть живописные руины, находящиеся около крутого горного спуска древнего Акориса, теперь названного Тинисом (с древнеегипетского *Т-дехене*, что значит «утес», который на арабском языке сохранился в виде Техне). Эти руины принадлежат римской эпохе, но в них были найдены документы, написанные как на греческом, так и на демотическом языках, датированные концом II века до нашей эры. В эту эпоху деревня принадлежала ному Гермополя, который был важным стратегическим регионом. Там проживало огромное количество солдат, часть из которых были военнотружущими запаса (клерухи), а часть — действующей армией. Найденные архивы принадлежат некоему Дионисию, сыну Кефала. Оба имени свидетельствуют о греческом происхождении их носителя, если только первое из них — Дионисий не было дано мальчику в честь своего деда по отцовской линии. Также он носил имя Плений, что было типично египетским именем (*П-лин* обозначает «кузнец»). Мать Кефала скорее всего была египтянкой, так как

звали ее Сенобастисия («дочь богини Баст»), так же как и ее брат Петехарпократ («тот, кто дарован богу Хору-ребенку»). Мать Дионисия одновременно имела (как и ее сын) греческое и египетское имена: Деметрия, измененное впоследствии на Сарапию, и египетское — Сенабелисия («дочь бога Абе́ла»).

Таким образом, мы имеем дело со смешанной греко-египетской семьей, демонстрировавшей свою принадлежность к двум культурам через греческие и египетские имена. Дионисий, скорее всего, был двуязычным мальчиком. Он умел писать на греческом, но и не пренебрегал при случае практиковать демотический язык. Его занятия равным образом демонстрировали принадлежность к двум культурам: с одной стороны, Дионисий исполнял жреческие функции в египетской часовне, посвященной преображению бога Тота и его ибисам; с другой стороны, к тридцати годам он зачисляется в пехоту на правах «македонца». Возможно, что его семья берет начало от македонского солдата, поступившего на царскую службу в III веке, и чьи потомки сочетались браком с представителями местного населения. Его отец, Кефал, носил звание *мистофора*, то есть солдата, получавшего жалованье. Получая жалованье непосредственно от царя, он, таким образом, не принадлежал к категории клерухов, однако Кефал занимался и другой приносящей доход деятельностью. Судя по документам, в 154—153 годах он купил 300 хуз вина (примерно 870 литров) на сумму в 24 бронзовых таланта. Так как такое количество не может быть выпито только одной семьей, тем более в эпоху, когда не было приспособлений для долгого хранения вина, ясно, что Кефал занимался его продажей. Хотя он не обладал *клерам*, то есть земель, дарованной царем, возможно, что он занимался (как и его сын) сельскохозяйственной деятельностью. Дионисий сдавал земли в аренду. Без сомнения, это была священная земля, которая не принадлежала ему напрямую, но в пределах которой он исполнял обязанности жреца в часовне, где жили священные ибисы, и на доходы с которой надо было кормить этих священных птиц.

Дионисий был «царским крестьянином» (*базиликос георгос*), таким образом, он сдавал в аренду землю, принадлежавшую царю. Юноша владел также некоторыми плодородными наделами земли, для пахоты которых он нанимал или покупал пахотных коров.

Большинство архивов Дионисия посвящено пшенице. Со 118 по 104 год он вместе со своей матерью и женой брал займы разное (иногда значительное) количество пшеницы. Использование этой пшеницы никогда не обозначалось, но маловероятно, что вся она шла на домашние нужды или на засевы участков, которыми владел Дионисий. Скорее всего, речь шла о чисто спекулятивной деятельности. Пшеница занималась у других военных, как правило, выше его по рангу, которые могли быть или не быть клерухами. Часто они располагали излишками зерновых культур, поступавших с их земель или с их жалованья. Одолженная Дионисию пшеница со ссудой в 50% являлась быстро окупаемым вложением. Половина стоимости продукта было обычным процентом для такого рода товара. Со своей стороны, Дионисий должен был перепродавать эту пшеницу на свободном рынке, пользуясь сезонным ростом цен. Также он мог одалживать ее, в свою очередь, голодающим египетским беднякам под огромные проценты. Без сомнения, перепродажа пшеницы была той областью, в которой Дионисий мог, как никто другой, извлекать пользу из своего положения человека, находящегося на стыке двух культур. Одновременно образованный эллин и египетский жрец, используя демотический язык в повседневной жизни, он служил посредником между своими товарищами по военной службе, где он считался привилегированным партнером, и местным крестьянством, чье нищенское существование он нещадно эксплуатировал. К сожалению, мы ничего не знаем об этой второй стороне его деятельности, но можно опасаться худшего, наблюдая за теми хитроумными и искусными способами, которые он избирал для откладывания срока платежа, не выплачивая предусмотренные штрафы, возвращая долги часто спустя один — пять

месяцев после установленного срока. Мы располагаем текстом двух петиций, датированных октябрём 108 года, адресованных стратегу и секретарям нома (базиликограмматам). Благодаря этим петициям он сумел уклониться от возможного наказания, которым ему грозил кредитор. Дионисий писал, что, будучи царским крестьянином, он не может быть задержан во время всего периода посевных работ, так как таким образом ущемляются интересы царского правительства. Также он добился отсрочки до сентября. В данном случае речь, естественно, не идет о каком-то злоумышленном нарушении закона в чистом виде, а скорее о нечестной коммерческой деятельности. Ситуация Дионисия была если не жалкой, то, по крайней мере, нестабильной, и желание постоянного заработка заставило его пойти в действующую армию.

*Странный «перс»*¹⁹

Дионисий, будучи сыном солдата, носил странное прозвище — «потомок персов», хотя никаких персов в его роду не существовало. Чтобы понять такое странное, но распространенное в ту эпоху название, которым наделяли людей как греческого, так и египетского происхождения, нужно вспомнить, что со времен Нового царства профессиональный рекрутский набор носил, по большей части, этнический характер. Некоторые национальные имена использовались для обозначения целого военного класса, как, например, *Машауш* — название одного ливийского народа, сокращенное до *Ма*, — использовалось в середине Третьего Переходного Периода. В эпоху персидского ига, начиная с 525 года, солдаты, занявшие Египет, несмотря на то что все они были различных национальностей, получили прозвище «персы». Во время правления Птолемеев этот термин, естественно, не отражал национальности нового греко-македонского военного класса, но он продолжал обозначать солдат (неважно, были они демобилизованы или нет) захватнической армии. После того как гре-

ки обосновались на египетской земле, прозвище — «потомок персов» — утвердилось за ними, а также распространилось по аналогии на всех людей, принадлежащих к военным семьям без уточнения профессии солдата как таковой. Такое название не так уж и безобидно, как может показаться на первый взгляд. Оно соответствовало определенному статусу, чья основная характеристика заключалась в принадлежности к царской военной службе. На самом деле, «потомок персов» обязан был вернуться в строй в любой момент, как только в этом возникала необходимость, а также он был лишен возможности воспользоваться правом убежища в том случае, если он пожелает укрыться в храме. Вопреки всем ожиданиям последнее исключение из правил стало преимуществом, позволяющим занимать деньги более простым способом, так как возможный кредитор был уверен, что сможет в любой момент добраться до должника и потребовать возврата долга в случае его невыплаты. Условие «потомка персов» представляло собой не что иное, как дополнительную гарантию, данную кредитору в случае займа. Эта гарантия, сначала остававшаяся только за настоящими отпрысками солдат, распространилась на всех носящих название «перс» вне зависимости от того, каким был их реальный статус. Также обнаружено множество документов, в которых упоминаются женщины, названные «персидскими женщинами» (*персине*). Такое обозначение просуществовало до римской эпохи вплоть до II века нашей эры, когда любой намек на военное происхождение этого слова уже давно исчез. Что касается Дионисия, его положение «потомка персов» соответствует еще довольно реальному статусу, так как он являлся сыном военнотружущего и сам сделал неплохую военную карьеру. Однако кажется, что Дионисий использовал эту характеристику для того, чтобы получить более легким способом заем. Он продолжал извлекать из этого пользу во время мобилизации, уже будучи призванным в пехоту, которая теоретически потеряла свое первоначальное значение.

В 106 году Дионисий перешел от статуса «потомка персов» к статусу «македонца», призванного в армию под командованием некоего Деметрия. Спустя год он был включен в полк пехотинцев, названный *гегемония*, под начальством *гегемона* (командующего) Артемидора. Несколькими годами раньше его старший брат Паисий поступил в кавалерийский полк в качестве «ливийца», что было продвижением вверх по служебной лестнице, так как обычно египтяне не допускались выше, чем в пехоту. Мы не знаем, что произошло с двумя братьями. Кажется, у Дионисия не было детей, которые бы его пережили. Потрясающе, что длинные списки займов пшеницы резко прерываются в 103 году в тот самый момент, когда многие военнослужащие были мобилизованы для войны, которую вела Клеопатра III в Сирии против своего сына Птолемея IX Сотера. Вероятно, что Дионисий исчез где-то рядом с горой Кармель или у Дамаска, с большим опозданием и сожалением вспоминая о горе Акорис, о своих священных крокодилах и ибисах.

Военная колония на юге Египта: Пафурис

Чуть раньше 150 года царь Птолемей VI Филометор решил усилить военные поселения на юге от Фив. Он боялся быть застигнутым врасплох возможным вооруженным восстанием в старой столице Верхнего Египта, тогда как смерть наследного принца Эвпатора ставила под угрозу будущее династии. Ситуация осложнялась еще и непростыми отношениями с Сирией, в которой правили Селевкиды. Лагиды рассматривали возможность введения войск с целью возвращения потерянных полвека назад территорий. Сооружая преграды вокруг Фив, Лагиды надеялись таким образом избежать повторения серьезных возмущений, которые в конце царствования деда Птолемея VI привели к отделению юга страны. Для такого перераспределения сил были выбраны два места, расположенных на левом берегу реки в 30 километрах к югу от храмов бога Амона и его фа-

натичных последователей. Эти стратегические военные объекты находились: один на севере — Крокодиополь, который, как это можно предположить, покровительствовал храму бога-крокодила Собека, другой — на 14 километров южнее — Пафирис (название, обозначающее «жилище Хатхор») располагался на месте современной деревни Джебелейн («Две Горы»). Эти города, которые, несмотря на свое великое прошлое, теперь выглядят жалко, тогда переживали расцвет и административное покровительство, поскольку Пафирис был столицей специально созданного нома. Если Крокодиополь, в котором находилась самая большая часть военного населения, оставил после себя только незначительные руины, дома Пафириса в конечном счете сохранили даже после официальных и тайных обысков большое количество документов в виде папирусов, деревянных табличек, относящихся к пяти различным семьям, жившим там между 150 и 88 годами²⁰.

Критянин в Египте: всадник Дритон²¹

Один из самых замечательных персонажей, о котором рассказывают различные архивы, — Дритон, сын Памфила. Будучи гражданином единственного греческого города в Верхнем Египте — Птолемаиды, приписанной к дему Филотис, — Дритон обладал привилегированным статусом, которому завидовало большинство греков, обосновавшихся в Египте, имевших право причислить себя только к их родному городу или народу. Однако Дритон не забывал и своих глубоких корней, потому что в архивах он значится как *критянин*. Можно и проигнорировать подобное определение. «Житель Крита, Беотии, Македонии» или других не египетских стран — такое название употреблялось в большинстве случаев для административного удобства, поскольку позволяло в птолемеевском Египте включить того или иного жителя в военные списки. Но в данном случае Дритон, как и его сын Эсфлад, носил типично критянское

имя, и у нас не возникает сомнений в его происхождении. Следуя эндогамной греческой традиции, в первый раз он женился на женщине по имени Сарапия, также жительнице Птолемаиды, и, судя по имени ее отца, она тоже была критянкой. В этом браке был рожден один ребенок, который дожил, по крайней мере, до совершеннолетия. Названный Эсфладом, так же как и его дед по материнской линии, он родился в 158 году, когда Дритону было уже около сорока лет. К этому моменту за спиной Дритона была долгая военная карьера, начало которой приходится примерно на 170 год, когда он уже достиг зрелости. Завербованный в кавалерию, Дритон служил сначала в гарнизоне своего города — Птолемаиде, иногда приезжая в Фивы. Мы точно не знаем, принимал ли он участие в шестой сирийской войне между 170—168 годами, после которой последовали жестокие репрессии на повстанцев. В любом случае, он стал офицером и был направлен в самое сердце Диосполя Парвы, находившемся на полпути между Птолемаидой и Фивами, в 117 километрах севернее последних. К 150 году царь направил его на новую военную территорию Крокодиополя — Пафириса вместе со смешанной группой кавалеристов и пехотинцев под командованием некоего Диодота. К тому времени его жена Сарапия уже умерла и он обосновался вместе с сыном сначала в столице соседнего нома — Латонполе (Эсне), в 20 километрах южнее Пафириса, так как сам Пафирис представлял огромную стройку.

Именно в Латонполе он женился во второй раз четвертого марта 150 года на дочери одного из солдат, чья семья давно обосновалась в Пафирисе, из той же армии. Его новая супруга, которая была младше своего мужа на тридцать лет, носила сразу два имени: греческое — Аполлония и египетское — Сенмонфисия («дочь бога Монту»). Все родственники Аполлонии: ее отец, дед, прадед, так же как и три ее сестры — все они имели по два имени, что свидетельствует об их принадлежности к эллинизированной египетской семье. Однако Аполлония фигурирует как «киреника», то есть в теории жительница извест-

ного города Кирены в Ливии, которым управлял младший брат царя Птолемей Фискон. Невозможно решить, был ли кто-нибудь из предков Аполлонии действительно жителем Кирены, иммигрировавшим в Египет, или же это название обозначало только принадлежность ее отца и ее деда к корпусу «киренцев». Как бы то ни было, Дритон, женившись на ней, вошел в семью, которая была ниже его по социальному статусу. Его тесть был простым пехотинцем, принадлежавшим к египетской культуре, о чем свидетельствует огромное количество папирусов на демотическом языке в оставшихся архивах. Таким образом, Дритон доставил своей жене и новой семье повышение по социальной лестнице и привнес существенное материальное благосостояние, которое было перечислено в его завещании, написанном по случаю женитьбы (необходимая предосторожность для избежания конфликтов между сыном от первого брака, своей молодой супругой и будущими детьми). Несмотря на разницу социального происхождения, этот брак был счастливым и длился более двадцати пяти лет вплоть до смерти Дритона. В новом браке было рождено пять дочерей, все они носили двойные греко-египетские имена, что свидетельствует о постепенной египтинизации самого Дритона под влиянием семьи своей супруги. По крайней мере, трое из его дочерей вышли замуж за солдат, один из которых, носивший египетское имя Хериенупис, был всадником. Две из вышедших замуж дочерей впоследствии развелись. Внучка Дритона, рожденная старшей дочерью, развелась в 99 году до нашей эры. Все эти акты замужеств и разводов записаны на демотическом языке, так как предписания в этой области были более благоприятны для женщин в египетском законодательстве, нежели в греческом. Если его дочери и не нашли свое счастье в семейной жизни, то отношения их с сыном Дритона от первого брака — Эсфладом — были великолепными, о чем свидетельствует интересное письмо последнего, отправленное в Пафирис пятнадцатого января 130 года.

Двадцатисемилетний Эсфлад — всадник, как его отец, — находился в тот момент где-то на севере страны. Египет в то время был раздираем гражданскими войнами между сторонниками Клеопатры II, которую поддерживали греки и евреи Александрии, а также местное население большинства центральных египетских городов, и сторонниками Птолемея VIII и Клеопатры III, за которых выступала провинциальная администрация и греки, живущие в различных номах страны. Эсфлад писал: «Вашим матери и отцу — привет и доброго здоровья! Как я вам уже писал, храните ваши чувства на замке и больше заботьтесь о себе. Все уладится. Я еще раз вас умоляю поддержать доверие наших людей, так как ходят слухи, что Паос (новый эпистратег, назначенный Птолемеем VIII для умиротворения Фебаиды) поднимется по Нилу с большой армией к месяцу Тиби, чтобы подчинить себе чернь Гермонтиса и сподвигнуть ее на восстание. Да будут благополучны мои сестры [...] год 40, 23 хойяка»²².

Дритон и его семья, как и другие греки из Пафириса и Крокодиополя, остались верны царю, рискуя подвергнуться атаке со стороны жителей Фив и очень близко к нему расположенного Гермонтиса, присоединившихся к противоположному лагерю. Эсфлад волновался за судьбу своего отца, но не забывал о мачехе и своих сводных сестрах. Можно только удивляться, что, несмотря на изолированность жителей Пафириса, которые поддерживали Клеопатру II в войне против Птолемея VIII, такое письмо, содержащее важную военную информацию, могло быть беспрепятственно передано адресату.

Несколько лет спустя, двадцать девятого июня 126 года Дритон почувствовал приближение смерти и написал с помощью греческого нотариуса из Пафириса последнее завещание, принимая во внимание увеличение своего имущества и родственников, так как пятеро его дочерей были рождены после его предыдущего завещания 150 года. Он завещал своему сыну Эсфладу свою боевую лошадь и все военное обмундирование, повозку с дышлом, а также вино-

градник с водоемом и голубятню. Оставшееся имущество — движимое и недвижимое — было разделено пополам между Эсфладом и его пятью сводными сестрами. Домашняя прислуга Дритона состояла из четырех рабынь, что было очень характерно для его социального статуса. Две из них по завещанию переходили на службу к сыну, а другие две — к дочерям. Дети должны были выплачивать содержание — часть деньгами, часть продуктами — вдове Дритона, сохранявшей за собой свое собственное имущество. Заметим, что старший сын, в соответствии более с греческими законами, нежели с египетскими, получил большую часть имущества в ущерб остальным детям. Однако, спустя некоторое время после смерти отца, Эсфлад еще раз доказал свою заботу о сестрах, уступив им половину виноградника, который достался ему целиком. Об этом свидетельствует текст одной из жалоб, адресованной эпистратегу Фоммусу (между 115—110 годами), написанной дочерью Дритона против некоего грека Фив, который незаконно захватил часть их виноградника. Эсфлад (упоминания о нем можно найти в различных источниках до 103 года) не появляется в этой жалобе, и неизвестно, мог ли он прийти на помощь своим сестрам в этой ситуации.

Семейные архивы Дритона прерываются сразу после переломного момента этого века. Мы не знаем, что стало с его родственниками, за исключением двух его внучек. Процесс египтинизации продолжался, так как, несмотря на большое количество греческих войск в Пафирисе, египетский язык постепенно брал верх. Один из фактов очень показателен: двадцать девятого июня 126 года, пытаясь найти пять свидетелей, чтобы подписать последнее завещание Дритона, греческий нотариус сумел отыскать только одного человека, способного расписываться на греческом, некоего всадника по имени Аммониос. Нотариус вынужден был прибегнуть к помощи четырех египтян, которые умели расписываться на демотическом языке: трех жрецов богини Афродиты-Хатхор (богиня Пафириса) и бога Собека (покровителя Крокодиополя), а также одного пехотинца. Под их

именами нотариус написал: «Эти четверо (свидетелей) подписываются на египетском языке, потому что нигде на месте невозможно найти такое же количество греков»²³. Даже если предположить, что нехватка греков была вызвана их призывом на военные операции, вызванные постоянно идущей гражданской войной, все же коренного египетского населения — частично или вовсе не эллинизированного — было намного больше. Такая ситуация должна была отдалить греков от их истинных традиций, несмотря на их слабую попытку жить в автократии как материальной, так и культурной.

Солидарность египетского клана

Внучка Дритона, носившая египетское имя Тбокануписия («прислуживающая богу Анубису»), сестра той, которая развелась в 99 году, вышла замуж в 95 году за некоего Фагониса. Этот Фагонис принадлежал к семье, о которой осталось большое количество документов, найденных в Пафирисе. Его генеалогическое древо включает в себя пять поколений, где центральным персонажем выступает некий Петехарсемфеус, старший брат Фагониса²⁴. Все члены этой семьи без исключения носили чисто египетские имена, хотя некоторые из них значились в документах как «греки, рожденные в Египте». Их военный статус был невысок, так как всего один человек в каждом поколении, похоже, служил в армии. Сам Фагонис никогда не значился как солдат, и среди трех его братьев только Петезух участвовал в военных действиях. Их отец Панобхунис, который родился в 163 году, был солдатом, записанным в соседний военный лагерь Крокодиополя, по крайней мере, в период между 125 и 123 годами во время гражданской войны. Наконец, дядя последнего Хор в 145 году служил в том же военном лагере, что и критянин Дритон, но в качестве пехотинца, получавшего военное жалованье. Хотя название «перс», которое мы уже видели в документах Дионисия, сына Кефала, было наследственным в

этом клане, основные занятия связывались с мирной жизнью.

Эта деятельность раскрывает необыкновенную солидарность внутри одной семьи. Достаточно часто приобретение земли или ее заем делался от имени нескольких братьев. Документ, датированный 145 годом, рассказывает о Тотоесе, который был дедом Фагониса, купившим землю совместно со своим братом, солдатом Хором²⁵. Сам Фагонис несколько раз брал займы деньги и пшеницу вместе со своими братьями. Эта солидарность передавалась из поколения в поколение, о чем свидетельствует необычное дело о займе денег прадедом Фагониса, неким Патусом, двадцать шестого декабря 136 года. Долг был возвращен зятю кредитора (так как сам кредитор к тому времени уже умер) только спустя тридцать лет внуками Патуса²⁶. Часть суммы была возвращена в 107 году Панобхунисом, отцом Фагониса, который взял на себя долг своей тети Сеннесисы. В 104 году его сводный брат выплатил еще не возвращенный остаток и, помимо этого, компенсацию за задержку, обычно фиксированную в районе 50 % от суммы. Вот прекрасный пример чувства коллективной ответственности и чести, доказательством чему является этот египетский клан, столь гордившийся своей принадлежностью к местной элите.

Можно наблюдать более сложные отношения в семье в других неожиданных областях, например в брачных узах. Так Тотоес, один из главных персонажей этого клана, в первый раз женился в восемнадцатилетнем возрасте на Тарезсии, дочери бедняка Патуса, которой было тогда около пятнадцати лет. В этом браке в 163 году родился Панобхунис. Пятнадцать лет спустя Тотоес развелся со своей женой для того, чтобы жениться на младшей сестре Тарезсии — Такмеисе, родившейся в 164 году и бывшей к моменту свадьбы еще совсем ребенком. Однако Тарезсия недолго переживала и вскоре вышла замуж за брата собственного мужа, солдата Хора, от которого родила сына. В таких супружеских перемещениях был свой резон, даже если отдать должное любовной

страсти, которую молодость Такмеисы родила в душе Тотоеса. К тому времени ему — толстому и лысому человеку — было уже под сорок лет! Две семьи — Патуса и Тотоеса — имели взаимные интересы остаться в родственных отношениях. Невозможно было позволить Тарезсии забрать свое собственное добро в качестве приданого и унести в другой клан. Принятое решение расчищало не только путь для удовлетворения сексуальных appetитов Тотоеса, но и прекращало холостую жизнь его младшего брата, а также устанавливало самую что ни на есть тесную связь между наследствами двух семей. Они не были такими уж незначительными, если судить по коммерческим сделкам, которые совершались вплоть до 88 года. Недвижимое имущество состояло из домов, виноградников и наделов земли, на которых выращивали пшеницу и масличные культуры для выработки касторового масла. Некоторые земли сдавались в аренду мелким землевладельцам. Площади проданных или купленных, иногда даже взятых в аренду наделов были достаточно скромными — от 0,25 арур (менее 700 квадратных метров) до 3,5 арур (менее одного гектара). Однако в общем уровень жизни Фагониса и его братьев казался, в местном масштабе, довольно высоким. Можно интерпретировать большое количество займов не как знак постоянного безденежья, а, скорее, как признак спокойной и хорошо отлаженной спекулятивной деятельности.

Доход младшего брата-солдата должен был казаться достаточно скромным, если учесть все будущие неудобства и опасности военной жизни, о чем свидетельствуют три письма Петезуха, отосланные с разницей в неделю своим братьям во время операции по наведению порядка, скорее всего, в районе Эсны в 95 году. Двадцать первого мая он и его товарищи были живы, но он добавлял: «Не сожалеете о тех, кто погиб, они заранее готовились к смерти. Что касается нас, то он (без сомнения, стратег, который упоминается в других письмах) не сделал нам ничего плохого и, наоборот, принимал в нашей судьбе всяческое участие»²⁷.

Тридцатого июня он писал: «Я здоров так же, как и все призывники.<...> Стратег Птолион заботится о нас, и мы все ему за это очень признательны»²⁸. Эти два письма написаны на греческом языке, но Петезух умел писать и на демотическом, о чем свидетельствует письмо, которое относится, скорее всего, к тому же 95 году, хотя дата утеряна вместе с окончанием этого послания: «Петезух приветствует своего старшего брата Петехарсемфевса и Фагониса. Стратег Птолион даровал золотую корону и царское платье (*хитон*) Хору...»²⁹ Письмо обрывается на этом интереснейшем моменте... Мы так никогда и не узнаем, за какой героический поступок или важные заслуги простой египетский офицер Хорос удостоился такой чести! В тоне письма Петезуха едва улавливается гордость служить под знаменами такого военачальника, а также желание эпатировать корреспондента фактом проявления великодушия и щедрости к младшим товарищам главой полка.

Неожиданное исчезновение гарнизона

Странным образом вся документация о Пафирисе и Крокодиополе неожиданно обрывается в 88 году. В это время серьезные волнения не раз угрожали спокойствию в Египте. Царь Птолемей X Александр недавно был изгнан из Александрии взбунтовавшимся военным гарнизоном столицы, который посадил на трон его брата Птолемея IX Сотера II. Положение было крайне нестабильным, так как Птолемей X, у которого всегда было достаточно сторонников, решил вернуть себе власть силой. Первого июня 88 года некий Платон, выполняющий обязанности эписстратега в Фиваиде, обратился к жителям Пафириса: «Великий бог и царь Сотер прибывает в Мемфис. Хиеракс был назначен, чтобы подчинить Фиваиду значительными военными силами. Мы решили оповестить вас об этом заранее, дабы поддержать ваше доверие»³⁰.

Далеким от того, чтобы демонстрировать свою преданность низложенному царю, жители Фиваид

воспользовались ситуацией безвременья и подняли бунт, угрожая царским подданным, проживающим тогда в Пафирисе. Это письмо, к сожалению, является последним из всего архива. Остается лишь надеяться на благоприятный исход, хотя можно опасаться и самого худшего развития событий. Павсаний между прочим упоминает, что восстание в Фивах было подавлено в 85 году. Удалось ли повстанцам захватить к тому времени два охраняемых города, убив или изгнав всех жителей? Или верховный главнокомандующий царской армией Хиеракс решил переместить все население в безопасное место? Единственное, что известно наверняка: Пафирис и Крокодиополь сошли с исторической арены и вскоре перестали существовать вовсе. Городские храмы были разрушены, а из их обломков построили большие храмы в бывших по соседству Гермонтисе и Тоде. Пафирийский ном был уничтожен и слит с гермонтским номом³¹.

Конец армии Лагидов

Агония пафирийского гарнизона 88 года в некотором роде предвосхитила постепенную деградацию самой царской армии, окончательное разложение которой произошло шестьдесят лет спустя. Та часть, которая составляла резерв царской военной системы, включала в себя клерухов и катойков, чья социальная роль давно затмила любую военную деятельность. С другой стороны, династические войны и репрессии, направленные на подавление внутренних беспорядков, опустошали и изнуряли тот остаток армии, которым правители еще могли располагать. Но политическая международная ситуация, диктуемая Римом, не позволяла больше использовать и эти незначительные силы во внешней политике Египта. В 55 году в военной истории страны состоялось одно из важнейших событий: царь Птолемей XII, изгнанный из Александрии менее трех лет назад и укрывшийся в Риме, сумел убедить Авла Габии-

ния, правителя римской провинции в Сирии, использовать подчиненные ему римские войска, чтобы вновь завладеть египетским тронem. В первый раз римские легионы переступили границы Египта, с легкостью разбивая на ходу сформированные местные войска. После вторжения в страну фараонов значительная часть римского войска осталась в Египте в качестве подчиненной царю армии и быстро расселилась по предместьям Александрии. Именно эти римские солдаты чуть позже выступят на стороне египетских войска Ахилла против своих же земляков из легионов Юлия Цезаря. Победив, Цезарь оставил в Египте три легиона, от которых после смерти диктатора Клеопатра очень быстро избавилась.

Следы римских вторжений 55 — 43 годов можно до сих пор обнаружить на территории, включающей в себя даже Верхний Египет. Это — рисунки и надписи, оставленные солдатами в Абидосе, на могилах фараонов в Фивах и даже на стенах храма богини Исиды в Филе³². Завоевания, естественно, тоже сыграли не последнюю роль в реорганизации греко-египетской армии Лагидов. В папирусах этой эпохи встречаются военные термины римского происхождения, как, например, *спейра*, обозначающая «когорту»³³. Несмотря на быструю мобилизацию страны в 43 году, греко-египетские солдаты (после их поражения в бою при Александрии 47 года против Цезаря) играли теперь только второстепенную роль. Так, некий Селевк, один из последних офицеров династии Лагидов, оставил свое имя в истории, сдав Октавиану в 30 году крепость Пелузий, может быть, даже с согласия Клеопатры³⁴.

Теперь было абсолютно ясно, что остатки армии Лагидов не могли помериться силами с римскими легионами. Единственное, что еще оставалось у Египта, — это морской флот³⁵. Его лучшее время было в III веке, когда Птолемей II господствовал в Средиземном и Красном морях со своими тремястами тридцатью шестью боевыми кораблями, которые представляли самый внушительный флот той эпохи. Командование и высший офицерский состав на этих

кораблях были греческими, но многочисленные экипажи и низшие чины набирались из египтян. Однако наследники Птолемея II считали содержание таких кораблей слишком дорогим удовольствием, и вскоре родосский флот превзошел морскую армию Птолемеев, несмотря на заинтересованность Птолемея IV в кораблестроительстве. В результате был построен огромный помпезный и бесполезный корабль-монстр длиной более 140 метров и высотой 24 метра. Теоретически он приводился в движение 4000 гребцов, был способен вместить в себя 400 человек экипажа и 2850 солдат³⁶. Во II веке запустение некоторых средиземноморских баз ограничило поле деятельности флота Лагидов до путей из Египта в Кирену и из Египта на Кипр. Во время правления Птолемея VIII стратег Кипра совмещал свою должность с функциями главного адмирала. С другой стороны, потеря сирийских владений сократила поставки корабельной древесины и, в конце концов, уступки, сделанные Птолемеем V, а именно: прекращение набора гребцов с храмовых земель, — спровоцировали кризис рекрутского набора. Но несмотря ни на что мощь египетского флота оставалась все еще весомой и продолжала вызывать зависть противников. Египетский флот становился желанной добычей во время войны между сторонниками Цезаря и республиканцами в 44—42 годах. Но именно в последней битве проявилась (правда, в негативной форме) вся значительность боевого флота Лагидов. В битве при Акции Антоний ввел в бой только четверть кораблей. Чтобы облегчить маневры, он поджег большую часть из них, но и уцелевшие шестьдесят кораблей (самые красивые и самые большие!) смогли составить резерв, способный к боевым действиям. Их неожиданное бегство по приказу царицы подписало смертный приговор армии Лагидов, тогда как, по словам Плутарха, «исход этой битвы вовсе не был предрешен»³⁷.

ДВА ЯЗЫКА, ДВЕ КУЛЬТУРЫ, ТРИ ВИДА ПИСЬМЕННОСТИ

Многокультурное общество

Итог сосуществования двух культур в Египте эпохи последних Лагидов свидетельствует о несостоятельности взаимного влияния. Пропась, разделяющая две цивилизации, обреченные на взаимное непонимание, только иногда соединялась редкими и непрочными «мостиками». Раскол общества, наметившийся во время массового переселения греков, постепенно укоренился в сознании людей вплоть до настоящей «культурной шизофрении». Полное неприятие чужой культуры не было закономерным последствием встречи двух разных народов. Некоторые историки надеются отыскать в последнем веке птолемеевского правления в эллинистическом, а иногда и в египетском обществе рождение смешанной цивилизации, богатой взаимными вкладами как со стороны классического эллинизма, так и со стороны древних восточных традиций, в данном случае традиций фараонов¹.

Такая оптимистическая и наивная точка зрения противопоставляется мнению, выдвинутому консервативной историографией, которая основывается на неизбежном упадке эллинизма, который вступил в смертельный для него контакт с мракобесием жрецов восточных культур. Современные исследования поддерживают более точную точку зрения о сосуществовании

двух культур, основанных на относительном и взаимном игнорировании друг друга, представляющих собой два мира, развивающихся по своим собственным автономным законам, с редкими точками соприкосновения². Определение значимости и природы этих влияний остается открытой темой для обсуждения всех историков, изучающих Египет Лагидов.

Происходило или нет это взаимодействие, но два универсума продолжали сосуществовать в долине Нила, и каждый из них имел хотя бы самое общее, но все-таки собственное представление о чужой культуре. Нужно признать, что нам очень мало известно о воззрениях египтян на эллинов. Может быть, эти представления были неопределенными и бессвязными. В этом вопросе египтяне занимали менее четкую позицию в отличие от греков, которые пришли в страну с уже сложившимися предубеждениями против новых соседей.

Интерес греков к Египту прослеживается с древних времен. Первые знакомства восходят к VII веку, к началу саисской династии, когда греки еще были на архаической стадии развития. Их интерес преследовал не только коммерческие цели; первые греческие поселенцы, обосновавшиеся в Египте, изучали нравы, обычаи и духовный мир народа, среди которого они жили, хотя представление греков складывалось сквозь призму их собственных предубеждений. Интерес к Египту возрастал, доказательством тому являются записи Гекатея Милетского в конце VI века. К середине V века Геродот посвятил второй том своих исторических сочинений Египту, составляя образ, основанный на его собственном опыте, а также на типичных для грека предрассудках. Со времен завоеваний эллины были поверхностно знакомы с культурой фараонов, что все-таки было преимуществом по отношению к египтянам, лишенным каких бы то ни было четких представлений о культуре своих «соседей». Однако чувства греков к египтянам не были негативными или брезгливыми, подобно тем, что испытывали белые колонизаторы к африканцам в наше время. Более того, в некоторых областях егип-

тяне в глазах своих завоевателей были более развитыми. Это касалось религии, предсказаний и медицины, что делало египтян равноправными партнерами греков. Если эллины, поселившиеся в Египте, смогли кое-что позаимствовать у цивилизации фараонов, то сами они насильственно не насаждали свою собственную культуру по всей стране. Египтяне продолжали развивать свои собственные традиции, не обращая внимания на протесты гимнасиев, которые греки сделали очагами своей культуры на чужой земле. Но неизбежно некоторые представители традиции фараонов, подталкиваемые необходимостью, а иногда и собственными амбициями, принимали участие в жизни двух миров и неизбежно решали на свой собственный лад возникающие противоречия.

*Новые Афины*³

Хорошо известно то значение, которое вскоре стала играть Александрия как интеллектуальный центр эллинистического мира. Причины такого удивительного успеха абсолютно объективны: относительный упадок, который стал заметен в Афинах, как в культурном центре греческого мира конца IV века, а также щедрое покровительство, оказываемое первыми Птолемями ученым и людям искусства со всего эллинистического мира и даже за его пределами. Создание Мусея и Библиотеки, несомненно, под влиянием афинянина Деметрия Фалерского, стало инструментом престижной политики, направленной на наведение в новой столице того лоска, который ни золото, ни мрамор не могли придать ей в той же степени, насколько в состоянии это была сделать милость Муз.

Таким образом, III век стал золотым веком Александрии. В разных трудах, посвященных истории эллинизма, александрийская эпоха определяется именно так. К сожалению, в этой книге невозможно затронуть все грани интеллектуальной деятельности, развернувшейся благодаря ученым и писателям, находившимся под покровительством царя. Выбор

дисциплин и рода занятий очень показателен, так как здесь сказывались очевидное влияние государства и основные интересы того времени. Так, философия, которая была привилегией Афин в предыдущем столетии, не была столь развита в Александрии. Хотя создание Мусея происходило по аристотелевской модели, ни один последователь Аристотеля не обосновался ни в Александрии, ни в других городах. Более того, ни один из представителей великих философских школ, как, например, философы из Академии Платона, стоики, эпикурейцы или циники, также не посетил Александрию. Кажется, что отсутствие заинтересованности правителей Лагидов в интеллектуальных играх явилось первой причиной такого пробела в александрийской культуре. Кроме нескольких преемников киренской школы, единственным александрийским писателем, известным среди философов, был Эратосфен. Однако его слава больше касалась сфер географии и истории.

В конце концов александрийская наука узнала свой звездный час. Медицина была прославлена Герофилом из Халкедона — личным врачом Птолемея II, который сделал великие открытия в анатомии человека. В математике достаточно будет назвать одного Эвклида — отца геометрии — современника Птолемея I. Астроном Аристарх Самосский был первым, кто пытался измерить величину и расстояние от Земли до Луны и от Луны до Солнца, а также именно он выдвинул теорию о нахождении Солнца в центре Вселенной. Наконец, физика была представлена Стратоном Лампсакским, автором теории вакуума, которая позволила инженеру Стесибию из Александрии соорудить замечательные пневматические и гидравлические машины.

В литературе лирическая и элегическая поэзия была главным образом прославлена Каллимахом и Феокритом. Первый — без сомнения, один из самых выдающихся писателей своего века, автор больших и разнообразных произведений, второй известен своей 15 *Идиллией (Сиракузяне)*, в которой он представил необыкновенную картину Александрии свое-

го времени. Эпическая поэзия практически вся сводится к великолепному произведению Аполлония Родосского (который был директором Библиотеки между 270—245 годами) под названием *Аргонавтика*.

Однако эта деятельность, которая рождалась по большей части александрийскими умами, не была в полной мере творчеством. Это были критические и грамматические исследования классических авторов, в частности Гомера, а также открытия в области лексикографии и библиографии. Первый библиотекарь Зенодот Эфесский, который был наставником молодого Птолемея II, стал первым издателем Гомера и Пиндара. Каллимах в своем чисто литературном произведении приводит универсальную библиографию из 120 названий. Эратосфен разработал для историков «хронологическую таблицу» и написал исследование о древней комедии. Наконец Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский — оба библиотекари — стали авторами, чьи произведения явились апогеем в изучении Гомера и классики в Александрии. Эта страсть к герменевтике, развитая под покровительством Птолемея, имела большие последствия, распространяясь даже на другие культурологические области. Именно благодаря приглашению Птолемея II в Александрию мудрых евреев для перевода на греческий язык священной книги их народа, стало возможно открытие для мира эллинов Библии, в версии *Септуагинты*⁴. Эта работа, которая использовала критические текстуальные техники ученых Мусея, подтолкнула общественную мысль к разгадке священных текстов, развивая тем самым науку толкования, которая так глубоко обозначилась в последующем развитии как иудаизма, так и христианства.

Угасание и возрождение александрийской культуры

Мы точно не знаем, почему Птолемей VIII испытывал такую ненависть к ученым и людям искусства, являвшимся гордостью Александрии, но меры для их

изгнания, принятые в 145 году, имели драматичные последствия для интеллектуальной жизни Египта. Аристарх Самофракийский, всеми уважаемый директор Библиотеки, был заменен неким кавалерийским офицером по имени Сидас. И после уже ни один известный ученый не занимал этой престижной должности. Александрия не стала культурной пустыней, но все же потеряла свое ведущее место в различных областях науки, чей уровень веками поддерживали ученые Мусея. На первое место вышел Пергам, главный интеллектуальный соперник Александрии, а также Родос, Антиохия и Афины. Образ Египта как интеллектуального и высоко культурного государства пошатнулся в глазах всего греческого мира. Ярким примером тому являются высказывания историка и географа Агатархида Книдского, ставшего одной из жертв преследований. После своего бегства в Афины он жестко осуждал тиранию птолемеевского режима, например, в патетических описаниях бедняков, обреченных на принудительные работы в золотых рудниках Нубии⁵.

Но в какой-то момент удача повернулась к Александрии лицом. В городе начался короткий, но замечательный период культурного расцвета. Причиной тому была война с Митридатом, повлекшая жестокость Фискона, которая уже, в свою очередь, послужила толчком для обратного массового переселения. Афины, которым угрожали военные действия царя Понта, оказались покинутыми интеллигенцией, укрывшейся в двух метрополиях — Риме и Александрии. На этот раз именно философы составили основу возрождения интеллектуальной жизни столицы. В течение второго царствования Сотера II между 87 и 80 годами Антиох Аскалонский, представитель догматического и стоического течения внутри Новой Академии, преподавал в столице Лагидов и одновременно полемизировал со сторонниками скептического платонизма. Два последних царствования династии, а именно правление Авлета и Клеопатры, стали расцветом философских школ Египта, которые вошли в историю своими знаменитыми диспутами.

Тем не менее не нужно отыскивать особой оригинальности в мыслях тех авторов, от которых до нас практически ничего не дошло. Основная культурная жизнь столицы была чрезвычайно эклектична, и большинство произведений, от которых до нас дошли только названия, — это энциклопедии или учебники, подытоживающие мнения различных школ, как, например, последователей александрийца Евдора, который в пятидесятые годы написал фундаментальное сочинение под названием «*Общая энциклопедия философии*», а также стал автором комментариев к произведениям Платона, Аристотеля и пифагорейцев. Другой уроженец Александрии, некий Потамон, основал в ту же эпоху новую школу, единственной целью которой являлась попытка создания синтеза всех доктрин и которая тут же была названа эклектической школой. Наиболее серьезными стали учения неопифагорейцев, которые дали новый импульс для увлечения древним ходом мыслей, в особенности идеями критянина Энезидама Кносского. В начале царствования Клеопатры он создал в Александрии неоскептическую школу, что явилось реакцией на эклектизм и окружающий его догматизм. Без сомнения, это был единственный оригинальный автор этой эпохи, а его релятивистская теория тропов, подхваченная и продолженная Секстом Эмпириком, распространила свое влияние вплоть до философов XVII—XVIII веков.

Нужно отметить, что этот внезапный расцвет философской мысли практически полностью избежал царского контроля. Большинство философов находились под патронажем римлян, что было логично для людей, бежавших от преследований царя Митридата. Антиох Аскалонский сам принимал участие в продолжении *Лукулла*, а Энезидем посвятил свои *Пирронические Аргументы* некоему Л. Элию Туберону. Когда некоторые из теоретиков втягивались в политику, то тут же встречали полное неприятие и жестокость со стороны Лагидов. Так было, например, с философом Дионом, последователем Антиоха, который принял в 58 году участие в александрийских

волнениях против вернувшегося из изгнания Авлета. Повстанцы поручили ему представлять их интересы в сенате, но именно из-за этого он пал от рук царских убийц. Еще более показательной является судьба стоика Ария Дидима, находившегося под сильным влиянием Антиоха. Прибыв в Рим, скорее всего в свите Клеопатры в 46 году, он стал учителем философии молодого Октавиана, которому тогда было семнадцать лет, и вскоре вошел в тесный круг его близких друзей. Представитель эклектичного направления, он составил для своего знаменитого ученика краткое изложение основных философских доктрин, которые пользовались успехом в Риме. Вернувшись в Александрию в августе 30 года в сопровождении победителей при Акции, он был враждебно или, по крайней мере, холодно настроен к династии Лагидов. Он призывал Октавиана ни в коем случае не жалеть Цезариона, сына Клеопатры, в тот же самый момент доказывая свою привязанность к родному городу и землякам, с успехом защищая их перед римлянами.

Немногочисленные философы, которых Авлет и Клеопатра объединили в Александрии, больше напоминали шутов и самозванцев. Таким был, например, Филострат, приближенный царицы, софист-говорун, чьего помилования добился Арий, несмотря на колебания Октавиана и на сплетни, пущенные Филостратом, приписавшим себе членство в Академии.

Некоторые дисциплины появились буквально на исходе правления династии. Можно привести в качестве примера хотя бы историка Тимагена, сына одного из александрийских банкиров. Его карьера в городе Лагидов была, однако, слишком краткой, так как, вовлеченный в восстание против Авлета, он был увезен в Рим Габинием в 55 году. Там он возглавлял школу риторики и был некоторое время, прежде чем впасть в немилость, как и его соотечественник Арий, одним из советников Октавиана. Его потерянный труд, который назывался о *царях*, рассказывавший о династической истории эллинистического востока, должен был быть очень резким к Птолемеям, в осо-

бенности к Авлету. Это был один из основных источников провансальского историка Помпея Трога, чье краткое изложение, составленное Юстином, стало основой для современных исследований внутренней истории эллинистических государств.

Филологические труды, которые составили славу Александрии в III веке, были частично утрачены в результате пожара Библиотеки в 47 году, ущерб от которого до сих пор невозможно полностью оценить. Существуют гипотезы, согласно которым разрушенное здание предстает просто хранилищем копий произведений, предназначенных на вывоз. Тем не менее сгоревшие экземпляры лишили ученых редчайших и бесподобных объектов для научных изысканий, а именно: неповторимых памятников эрудиции, без которых критическое исследование классических текстов, написанных во время правления первых Птолемеев, не может быть полностью изучено. Великим ученым эпохи Клеопатры, подхватившим факел, выпавший век назад из рук Аристарха Самофракийского, был Дидим, прозванный «[Человек] с бронзовыми внутренностями», то есть с железным прилежанием (*Халкентер*) из-за своей невероятной творческой плодовитости. Ему принадлежит, по крайней мере, три с половиной тысячи произведений! Будучи выходцем из народа (он был сыном торговца рыбой), Дидим совершил практически невозможное, оказавшись в самом центре александрийского общества. Его комментарии Гомера основывались на предшествующих работах Зенодота и Аристарха. Судя по некоторым его заметкам, становится ясно, что у него не было прямого доступа к оригиналам предшественников. Так как не возникает сомнений, что их работы хранились в Библиотеке, можно предположить, что произведения исчезли еще до пожара. Область интересов Дидима не ограничивалась только изучением гомеровских текстов, он был также великим лексикографом, трактующим редко употребляемые и диалектные термины, почерпнутые у всех классических эллинистических авторов. Его комментарии к *Филиттикам* Демосфена в

трех томах стоят упоминания, так как уцелевший папирус донес до нас замечательнейшие фрагменты, являющиеся лишь обломками колоссальной критической работы! Этот уникальный ум не останавливался на классических текстах. Вскоре его внимание привлекла лексика медицинских записей, а именно свод Гиппократов, который был тогда, по крайней мере в Александрии, объектом интенсивного изучения.

Медицина в эпоху Клеопатры

Медицина была последней процветающей областью в интеллектуальной сфере деятельности той эпохи. В отличие от возрождения философии, на этот раз двор сыграл определенную роль в ее застое. Конец эллинистической эпохи свидетельствует о заинтересованности правителей в медицинских открытиях, в особенности в области химической фармакологии, применение которых казалось многообещающим в политической жизни. Часть этих исследований была чисто филологической, так как она содержала толкование лексики гиппократовских текстов, как, например, исследования Диоскурида Факаса, одного из личных медиков великой Клеопатры. Но практическая медицина была в равной степени представлена двумя школами, которые тогда занимались медицинскими исследованиями, — герофилинами и эмпиристами, соответственно совпадавшими с прагматиками и скептиками в области философии. Каждая из этих школ прославилась в области анатомии, практикуя препарирование трупов — в хирургии и, естественно, фармакологии. Среди многочисленных представителей этой науки можно назвать Зопира, фармаколога-эмпириста, который разработал знаменитый рецепт противоядия для царя Митридата VI Евпатора, царя Понта, а также другой рецепт, названный «амброзией», для своего господина Авлета.

Очевидно, что вся эта деятельность имела только незначительное влияние на практикующих врачей, которые работали за пределами царского двора и на-

ходились под большим влиянием древней египетской медицины. Именно она, со множеством узких специализаций, пользовалась солидной репутацией даже за пределами Египта. Медицинская традиция фараонов была намного древнее, нежели традиции Гиппократы, а опыт, которым она владела в изучении строения человеческого тела, благодаря бальзамированию, обладал неоспоримыми преимуществами перед греческой медициной.

Занимательный папирус II века демонстрирует тот живой интерес, который греки испытывали к египетской традиции. Речь идет о письме, адресованном матерью своему сыну: «Узнав, что ты изучаешь египетскую письменность, я была так счастлива за тебя и за себя! Теперь, по крайней мере, по твоему возвращении в город, ты поступишь к Фалубесу, специалисту по клизмам, чтобы учить мальчиков, и, таким образом, обеспечишь себе безбедное будущее»⁶.

Этот молодой человек, покинувший свою мать, жившую в Александрии, чтобы изучить египетский язык, без сомнения, обучался ему у местных жрецов. В будущем он хотел работать учителем в школе, где некий Фалубес преподавал дисциплину традиций фараонов, базирующуюся на книгах, написанных на демотическом и иероглифическом языках, которые необходимо было знать, понимать и даже переводить на греческий. На самом деле, «мальчики» (*найдарши*), скорее всего, были молодыми рабами, посланными своими хозяевами для изучения медицинских наук, чтобы стать знатоками своего дела и впоследствии либо превратиться в личных врачей хозяина, либо быть проданными в качестве рабов-докторов в богатые иностранные семьи.

Греческая культура в провинции

Переступив врата Александрии, путешественники попадали в бикультурный мир. Греки, обосновавшись в египетской хоре, принесли с собой не только свой язык, свои собственные предрассудки, свое со-

циальное и экономическое устройство общества... Прежде всего они оставили след в культуре, которая составляла основу эллинского миропорядка. Для построения эллинской социальной системы греки в первую очередь нуждались в чиновниках. Идеальным чиновником являлся, естественно, житель *полиса* (греческого города), но цари Египта не желали распространения такого рода политических новаций в стране. Единственным исключением из правил стал созданный еще Птолемеем I город Птолемида в Верхнем Египте. Во многих местных городах и деревнях, где было большое количество греков, эллины объединялись в ассоциации, основной целью которых было создание и управление гимнасиями. Гимнасий становился фундаментальным институтом, предназначенным для сохранения и развития греческой культуры. Молодые члены греческого сообщества — *эфебы* — получали интеллектуальное и атлетическое образование, которое отличало истинного грека от варвара. Для взрослого населения гимнасий был также местом собраний всего сообщества и центром культурной и спортивной жизни. Союзы собирали взносы со своих членов, а также дары и возможные вложения, которые позволяли им содержать гимнасий. Гимнасий управлялся гимнасиархом, избранным из членов ассоциации, что было почетной, но очень дорогостоящей должностью для ее обладателя. Гимнасиарху помогали в работе другие официальные лица, как, например, космет, который следил за обучением эфебов.

Другие, более специализированные союзы организовывались для поддержания жизни эллинистической культуры, например, сообщества, объединяющие дионисийских актеров (*технитов*), то есть профессиональных людей театра, поэтов и музыкантов. Им оказывал покровительство сам царь, который строго следил за распределением ролей. Их деятельность не замыкалась только на Александрии, но оказывала влияние также на Птолемииду и другие греческие города, где подобные сообщества имели средства для организации драматических и музы-

кальных представлений. Бродячие труппы актеров и мимов должны были поддерживать жизнь более шаткой эллинской культуры во всех уголках Египта, даже если речь шла только о труппе танцоров с кастаньетами⁷. Их успех подтверждается большим количеством статуй из обожженной глины, найденных в сельских домах и гробницах. Эти статуэтки представляют собой характерные сценки-скетчи, которые разыгрывали актерские труппы.

Поэма среди бухгалтерских книг

Лучшее свидетельство о проникновении греческой культуры на египетскую землю можно отыскать в литературных документах, сохранных в личных архивах, но чаще всего использованных для изготовления масок мумий или выброшенных как мусор. Иногда попадаются редкие сохранившиеся экземпляры, тщательно выполненные в александрийских мастерских переписчиков. Эти копии должным образом выверялись *диортотесом* (корректором). Такие свитки отменного качества хранились в библиотеках гимнасиев или у богатых греков. Чаще всего эти копии, выполненные с приобретенных экземпляров, делались исключительно ради тренировки навыков письма, а иногда для рассылки удаленным читателям, которые просили их выслать. Мы находим также многочисленные школьные упражнения, по большей части написанные нетвердой рукой эфеба.

Частота различных жанров и различных авторов показательна для круга интересов этих любителей беллетристики, затерянных в египетской провинции⁸. Так, поэзия, бесспорно, превалировала над прозой. Несмотря на то что произведения Гомера формировали основу литературного образования греков, Гомер все же не был самым читаемым автором и *Илиада* оказалась более популярной, чем *Одиссея*. Читались театральные произведения, в первую очередь среди трагических авторов выделялся Еврипид, а в новой комедии Менандр. Известно, что

Эсхил и Софокл были менее признаны, тогда как Аристофаном просто пренебрегали. Некоторые научные и технические тексты сохранялись для профессионального использования, как, например, медицинские тексты, найденные в архиве одного из практикующих врачей. Таким же образом речи Демосфена могли быть использованы адвокатом как модель для своей защитной речи.

Некоторые частные письма освещают в необычном свете культурный и окружающий мир. Среди датированных началом II века квитанций и бухгалтерских документов, написанных на остраконах и находившихся в углу одного из погребов в Филадельфии в районе Фаюма, были найдены пять осколков, на которых одной и той же неизвестной рукой переписаны в качестве школьного упражнения небольшие отрывки классических авторов (Гомера, Гесиода, Еврипида и т. д.). Помимо высокой поэзии, в коллекции этого «любителя словесности» находились эпиграммное двустишие и вольная эпитафия, посвященная некоему Клейторию. Эта небольшая поэма откровенно порнографического содержания была составлена автором и хозяином библиотеки, как и другие фрагменты, так как объект насмешки — Клейторий — реальный персонаж, который всплывает в счетах из той же находки⁹. Таким образом, мы сталкиваемся с примером ученой насмешки, которой могли предаваться молодые люди, знающие греческий язык, в деревне Фаюма.

Там же, в Фаюме, но по крайней мере тремя поколениями позже, среди огромного количества официальных документов, оставленных комограмматом Менхесом, к удивлению исследователей, было обнаружено несколько литературных отрывков. На одном и том же папирусе соседствует текст царского указа и поэтическая антология: парадоксальная жалоба Елены на неверность Менелая, описание природы, три любовных двустишия и непристойность в прозе, частично воспроизведенная тем же самым писцом на другом папирусе. Возможно, что Менхес воспользовался деловой поездкой в столицу нома

Арсиную, чтобы переписать в библиотеке или у частного владельца несколько привлечших его внимание текстов, свидетельствующих, исходя из его образованности, о его вкусах и круге интересов¹⁰.

Эллинистические забавы в Серапеуме¹¹

Архивы отшельников из Серапеума представляют еще более интересный случай. Сыновья Главка Птолемайос и Аполлоний — предавались не только мистическим или материальным заботам, как могло бы показаться из предыдущих глав. Они не были чужды и литературы, даже если природа этой заинтересованности спорна. Среди найденных папирусов была обнаружена прекрасная копия одного астрономического трактата, снабженного картинками с объясняющими фигурами, представляющая собой самую древнюю иллюстрированную греческую книгу¹². Это произведение, названное «Искусство Евдокса», представляет собой краткое изложение математико-астрономических и географических теорий IV века. Это произведение Евдокса Книдского, скорее всего, было сокращено неким Лептинесом по настоянию царя Птолемея. В нем мы находим соответствия между лунными и солнечными циклами, описания восходов и закатов некоторых звезд и созвездий. Влияние фараоновского искусства очевидно в некоторых иллюстрациях, изображающих мумифицированных ибисов или солнечных скарабеев, а также в том внимании, которое уделялось календарным традициям египтян.

Возможно, что Птолемайос сохранил этот доклад для астрономических расчетов, которые играли большую роль в его священных занятиях. В этом он следовал тогдашней моде греко-египетского населения, чье увлечение новой наукой вскоре затмило все другие методы предсказания будущего¹³.

На оборотной стороне папируса находилось множество официальных и частных текстов, чьи сюжеты и возвышенный стиль указывали на то, что это

была коллекция эпистолярных примеров¹⁴. Птолемайос и его брат должны были черпать в них вдохновение для редактирования своих собственных писем и огромного количества петиций, которыми они засыпали власти. Так как все эти тексты написаны рукой профессионального писаря и среди них есть копия царского письма, адресованного стратегу Мемфиса Дионисию, можно сделать вывод, что именно он составлял эту коллекцию, используя свои собственные документы по настоянию сыновей Главка, которым он оказывал свое покровительство. Интерес братьев к приобретению такого собрания примеров относится к области более утилитарного, нежели культурного порядка. Практическое применение этого астрономического текста вряд ли возможно, но даже если использование таких стилистических образов имело место, то это говорит лишь о желании братьев казаться образованными эллинами.

Кажется, что культура была для братьев средством возвышения себя над серой обыденностью, в которую они были погружены. Иначе зачем нужно было сохранять философско-грамматический трактат отрицаний? Это был, несомненно, мало привлекательный текст, но они могли почерпнуть в нем множество цитат из произведений классических поэтов: Еврипида, Сафо, Алкмана, Анакреона и др.¹⁵ Этот интерес к стихам проявляется прежде всего в большом переписанном как Птолемайосом, так и молодым Аполлонием тексте, состоящем из длинных отрывков, после того как они заучивали их наизусть. В этом сборнике из выбранных образцов для подражания можно отыскать неизвестную пьесу Новой Комедии, а также цитаты из *«Меду»* Еврипида или из *«Карийцев»* — утерянной трагедии Эсхила¹⁶.

Отбор отрывков не был похож на фразы и примеры из *«Лагарда и Мишара»*. Интересные соответствия, которые обнаруживаются между повествовательным содержанием этих цитат и жизненной ситуацией двух переписчиков, выявляют, что последние выбирали тексты сознательно в качестве отражения своей личной ситуации. Для доказательства хватит

одного примера. После переписывания части пролога из «Телефа» Еврипида, пьесы, где главный герой, житель Аркадии, жалуется на свою судьбу грека-изгнанника, заброшенного в мир варварской Мизии, Аполлоний пишет: «Аполлоний — македонянин, македонянин, говорю я!»¹⁷

Абсолютно ясно, что молодой человек видел себя среди египтян как новый Телеф среди варваров. Потребность в культурных традициях рождалась в процессе туманных чувств, внутренней борьбы, понимания невозможности существования между двумя мирами, которые вели его на поиски себя среди литературных архетипов.

Аполлоний и последний фараон

По этому последнему замечанию нельзя заключить, что Аполлоний делал выбор между двумя антагонистическими культурными традициями. Все было не так просто. По его не всегда четким записям ясно, что Аполлоний не гнушался переписывать типичные куски из литературы эпохи фараонов. Речь идет о «Сне Нектанеба», рассказе о последнем царе последней местной династии. Фараон, заснувший в мемфисском храме, увидел во сне появление богини Исиды, восседавшей в папирусной лодке в окружении богов. Бог Онурис — отождествленный автором с греческим богом Аресом — обратился к Исиде, жалуясь, что Нектанеб не хочет закончить строительство храма. По пробуждении царь приказал жрецам сделать доклад о состоянии святилища. Из документов явствовало, что забыли запечатлеть только иероглифические тексты. Некий Петеисий пообещал выполнить работу в очень короткие сроки, но, получив аванс, предпочел проводить время в попойках. Именно в этот момент к нему пришла молодая девушка необыкновенной красоты...¹⁸ На этом месте переписанный Аполлонием на греческом языке текст обрывается. Эта история, принадлежащая к повествовательному жанру, очень ценилась в Древнем

Египте и могла быть либо переведена, либо адаптирована с египетского, хотя мы не обладаем оригинальной версией. Интерес, который она представляла для отшельников Серапеума, специалистов в толковании снов, очевиден! Птолемайос часто находился под влиянием собственных снов, а один из них, содержащий призыв к Исиде¹⁹, явно был скопирован с воззвания, произнесенного Онурисом во «*Сне Нектанеба*».

Так все время причисляя себя к греческой культуре, которая позволяла им считать себя эллинами, сыновья Главка соприкасались с египетской традицией за счет своих склонностей к мистическому контакту с божеством. Однако какое реальное представление они имели об этой традиции? Хотя большинство их бумаг написаны на греческом, практически точно известно, что они знали два языка. Иначе остается загадкой, каким образом Птолемайос смог провести практически двадцать лет среди египетского окружения. Возможно, что Аполлоний мог писать на демотическом²⁰, по крайней мере, отчитываясь о своих снах, но, с другой стороны, он предпочитал переписывать «Сон Нектанеба» на греческом, нежели на демотическом языке. Когда мы встречаем в архивах братьев литературные тексты на демотическом языке, можно задаться вопросом, пользовались ли они ими или просто обменивались папирусами с некоторыми из своих египетских партнеров, которые могли переписывать эти произведения для самих себя. Самый длинный из подобных текстов, занимающий три колонки, представляет собой наставления, данные отцом сыну. Этот сборник практических афоризмов принадлежит к традиционному жанру египетской литературы. Однако, по правде сказать, это один из самых бедных по своему эстетическому уровню образцов. Мы не найдем здесь ничего, кроме общепринятых мест («мой дом — моя крепость» или «не связывайся с дурными людьми!») и банальных советов («никогда не спорь со своей женой, лучше сразу бей ее!»). Более того, этот текст представляет собой неверный перевод, что говорит о плохом гре-

ческом языке двух отшельников. Птолемайос несколько раз использовал один и тот же папирус, чтобы составить на оборотной стороне очередной счет. Исходя из этого, нет никакого свидетельства тому, что сам Птолемайос или его брат когда-либо интересовались содержанием этого небольшого отрывка египетской литературы²¹.

Местные храмы — хранители священной культуры

Проникновение греческой культуры в египетские города и деревни не нарушало развития местных традиций. Как раз наоборот, во время царствования Птолемеев египетская культура пережила настоящее возрождение, совпавшее с новым строительством храмов, утвержденных властью Лагидов. Хранителями этой культуры традиционно являлись жрецы. В рамках «Домов жизни», то есть школ-библиотек, прикрепленных к храмам, они преподавали сложное обучение письму, светской и священной литературе. Иероглифическая письменность (как и ее бедный эквивалент, названный иератическим письмом) была достоянием прошлого и существовала уже на протяжении пятнадцати веков как мертвый язык. Это был классический египетский язык Среднего царства. Письмо и язык священных текстов — иероглифический египетский — тем не менее не становились выражением застывшей и устаревшей мысли. Даже если этот язык был искусственным, лишенным звуковой практики, иероглифическая письменность, являющаяся по природе своей одновременно идеографической и силлабической, была открытой системой, всегда предоставляя возможность для внедрения новых знаков и комбинаций или новых фонетических значений. Оказывается, иерограмматы птолемеевской эпохи изучали все возможности этой системы вплоть до подчинения ее жестким правилам. Иероглифические тексты, написанные в это время на стенах храмов или иногда на частных сте-

лах, представляют некоторую сложность для современных дешифровщиков, которые должны выявлять в искусной и ученой игре письма либо все время повторяющиеся воззвания, либо один из обыкновенных священных титулов²². Эти интеллектуальные развлечения связаны с подчеркнутой эрудицией и чрезмерным пуризмом, которые предавали текстам искусственный архаизм.

Храмы, построенные в эту эпоху от Филе до Дендеры заполнены письменами, начиная от обыкновенной надписи или названия сцен священных даров и заканчивая детальным описанием мифа или сборника фармакологических рецептов. С этой точки зрения храмы времени птолемеевского царствования развивались по определенному принципу. Намного более лаконичная информация встречается на стенах более ранних храмов. Они составляют, таким образом, незаменимый свод законов для нашего представления о более поздней египетской религии: там встречаются и очень древние, едва подкорректированные временем ритуалы или перечни храмовой географии, включавшие в себя уже давно исчезнувшие города и районы.

Еще более чем редактирование этих текстов, их топографическое расположение в храме раскрывает своеобразную широко развитую науку жрецов, которые рассматривали каждый из храмов как настоящий микрокосм, как безупречную иллюстрацию к космогонии мира. Храм эпохи Птолемеев — это мир в себе, абсолютно закрытая вселенная. Однако храм не является итогом египетской культуры, которая, к счастью, избежала удушающей среды.

Демотика: живой язык и новая письменность

Те же самые жрецы, которые со страстью предавались ученому толкованию древних мифов и ритуалов, параллельно развивали литературу более живую и более оригинальную. Для этого они отказались от

старого языка иероглифов в пользу местных идиоматических выражений, практически так же удаленных от священного языка древней культуры, как и современные европейские языки от латыни. Разговорный египетский язык этой эпохи использовал демотическую письменность. Производный вариант от иероглифов упрощал сами знаки, связывал их между собой настолько, что они становились неузнаваемыми. Демотический язык, представлявший собой одновременно графическую и устную систему, родился в Нижнем Египте к VII веку. Его влияние стало расти во время XXVI династии VII—VI веков по всему Египту как единственный вариант письменности для административного и частного применения. Позднее он вытеснил иератический язык из всех культурных областей, кроме религиозной и погребальной. В птолемеевскую эпоху демотический язык становится серьезным конкурентом языка греческого на всех уровнях внутренней бюрократической системы и при ведении частной документации. Демотический язык давал просвещенным египтянам средства нового выражения, избавленного от пут классической традиции.

Большинство жанров, которые появились в демотическом языке, являются достоянием древней культуры фараонов. Поразительно, что неизбежное столкновение с греческим алфавитом имело такое незначительное влияние на эту молодую письменность, как если бы образованное местное население сознательно игнорировало новый источник вдохновения. Однако существует множество косвенных доказательств, позволяющих установить, что египтяне знали греческий язык, по крайней мере, поверхностно. Можно было бы сослаться на то, что утверждение культурного египетского самосознания отрицало любое соприкосновение с культурой правящей нации. Но, возможно, все обстояло намного проще: демотическая литература существовала в общих чертах еще до македонских завоеваний, даже если мы знаем о ней из поздних копий. Выбор повествовательных тем, развитых во множестве рассказов, на-

писанных на демотическом языке, свидетельствует о желании возродить великое прошлое. Часто речь идет об эпических или фантастических произведениях, выводящих на подмостки повествования великие исторические фигуры. Мы уже видели, как Нектанеб II, последний египетский фараон, стал героем рассказа, переведенного на греческий язык. Интересно, что тот же самый Нектанеб II появится позднее в *Романе об Александре* в роли земного отца Александра Великого.

Этот невероятный сюжет, разработанный, правда, в римскую эпоху, писался с целью польстить национальным чувствам египтян, благодаря чему македонский захватчик превратился в наследника древней династии фараонов.

Египетские рассказы и романы

По правде говоря, любимые герои египетской литературы не всегда служили интересам национальной гордости. Например, случай с известным Хемуасом, одним из сыновей Рамзеса II, которого демотический текст называет Сатни. Рассказы с его участием родились, несомненно, в Мемфисе, где исторический Хемуас исполнял обязанности верховного жреца Птаха.

Папирус Каирского музея, датируемый II веком²³, представляет нам его как некоего мага, который покинул мемфисский некрополь в поисках самого могущественного источника магической власти Книги Тота. В конце концов жрец нашел ее в гробнице принца одной из древних династий, но появился призрак жены покойного принца, стоящий на страже драгоценного папируса. Женщина рассказала Сатни, как ее супруг украл эту книгу у бога Тота и как божество отомстило ему, утопив всю его семью. Однако рассказанная история не убедила Сатни, который был вынужден сыграть с принцем в шахматы. Хотя Сатни и проиграл первую партию, в конце концов он сумел завладеть папирусом. Таким образом,

ему открылась божественная магия; но вскоре он страстно влюбился в женщину по имени Табуба, которая согласилась удовлетворить его желания только после того, как заставила его посвятить все свое добро и даже жизнь ее детям. В тот самый момент, когда они были вместе на ложе, Табуба исчезла и он оказался абсолютно голым перед фараоном и его свитой. Понимая, что он стал игрушкой во сне, посланном богами в качестве наказания, он согласился вернуть книгу в гробницу и почтить покойного принца.

Структура рассказа со вставными эпизодами, мало связанными с основным сюжетом, была типична для жанра, который стремился только к чистому развлечению. Такие истории были предназначены, скорее всего, для чтения перед неграмотной публикой, как и восточные рассказы *Тысячи и одной ночи*, что, естественно, было предпочтительным способом для передачи национальной культуры. В равной степени в подобных повествованиях проявлялись характерные национальные черты. Лукавство, юмор в этих живых заклинаниях, невероятных злоключениях персонажа высмеивали больше зависть героя, нежели прославляли магические таланты. Такой герой появляется и в других известных приключениях в папирусах более позднего периода, где он сталкивается с подозрительными ведьмами или с мстительными призраками. По ходу одного из таких приключений его страсть узнать предназначенную беднякам и богачам после смерти судьбу толкает персонаж на посещение ада. Сюжет напоминает «Божественную комедию» Данте. Там он встречает проклятых, терпящих самые различные муки, среди которых можно узнать героев, напоминающих персонажей из греческих мифов: как, например, Тантала или Окноса²⁴.

Другие рассказы с повторяющимися героями напоминают поэмы Гомера, по крайней мере, своим развитием сюжета. В подобных произведениях мы встречаем жестокие рукопашные схватки между героями или жаркие битвы между вражескими армиями. Самый древний из папирусов такого типа рас-

сказывает о борьбе за обладание священным имуществом великого жреца Амона²⁵. Этот эпизод был написан во время правления некоего Петубаста, царька из дельты реки Нила, жившего между VIII и VII веками. Он стремился добиться законности своей власти над Фивами в обход другого претендента, молодого жреца, который, заключив союз с двенадцатью азиатскими наемниками, захватил священную лодку бога. Сюжетные перипетии перемешиваются вместе с многочисленными персонажами, но основной контекст и обозначенные темы носят отпечаток круга интересов священного египетского класса. Совсем другого рода приключения происходят в рассказах, где главным героем является некий Инар²⁶. Он сражается то с фантастическими животными, как, например, с грифоном, появившемся из Красного моря, то с иноземными захватчиками, например, с ассирийцами. После смерти героя идёт бесконечная война между египетскими принцами за обладание его доспехами. Другие войны велись между египтянами и племенами женщин-солдат (которые явно указывают на заимствование из греческой мифологии — на амазонок) или же с вавилонянами. Эти тексты, одновременно разнообразные по своему сюжету и скучные по принципу повествования, практически все известны из папирусов римской эпохи. Даже если сюжетная канва и персонажи принадлежат к египетской культуре, психология и ситуации, с которыми сталкиваются герои, носят неоспоримый след влияния *Илиады* или *Одиссеи*.

Сатира и притча

Мы уже приводили один демотический пример в жанре притчи. Это была одна из самых древних литературных египетских традиций, восходящих к Древнему царству. Основное произведение этого жанра, написанного на демотическом языке, — «Поучение Анхшешонка»²⁷, очень близкое по своему стилю и содержанию к уже ранее упоминавшейся притче,

написанной на папирусе из Серапеума. Это произведение содержит длинный рассказ, повествующий о злоключениях их предполагаемого автора. Заключенный в тюрьму по ложному обвинению в заговоре, он представляет собой образ типичного «безвинно пострадавшего» персонажа, как Иов в Библии или ассирийский Ахикар²⁸.

В конце концов, второе из этих произведений, известное как «Папирус Инсингер»²⁹, оказалось оригинальным текстом эрудированно построенного повествования. Так же как более поздние притчи, оно противопоставляет умного человека, который контролирует себя и уважает божественные законы, безумцу, рабу своих собственных инстинктов, чьи неизбежные преступления должны быть наказаны неминуемым правосудием. Но в противовес этой классической схеме автор предлагает другую, парадоксальную и новую для египетского представления сюжетную линию, которая усиливает значительное превосходство божественных начал: будучи зависимой по своей природе от прихотей непредсказуемой судьбы, мудрость может так же привести к несчастьям, как и безумие к процветанию. Так «не мудрый человек, который, экономя всю жизнь, должен, наконец, получить богатство, не безумец, который всю жизнь тратит и в конце становится бедняком»³⁰, и даже «не тот, кто заботится о будущем», — никто из них не достигнет своей цели. Только «беспечный человек находится под покровительством Фортуны», ибо «Судьба и Фортуна приходят и уходят по божьему усмотрению»³¹. Это определение непроницаемой божественной воли, которой даже мудрость может бездумно подчиняться, удаляется от египетских традиционных представлений об отношениях между человеком и божеством, основанных на духовном взаимодействии и поощрении. Настоящий трактат национальной теологии — «Папирус Инсингер» — одно из наиболее завершенных творений египетской мысли, свидетельствующее об интеллектуальном и моральном уровне, которого достигла, по крайней мере, часть местных жрецов в эпоху Птолемеев.

Множество других текстов свидетельствует об этой величайшей интеллектуальной деятельности, которая продолжала развиваться и в римскую эпоху до II века нашей эры. К сожалению, определить точную дату некоторых произведений, которые дошли до нас только в позднейших по отношению к их создателям копиях, невозможно. Некоторые из этих произведений принадлежат к новым жанрам египетской литературы, как, например, сатирическая поэма³², рассказывающая о преступлениях похотливого и бесталанного арфиста-пьяницы. Он зарабатывал себе на пропитание, оживляя свадьбы и деревенские праздники, сея вокруг ссоры и раздор. «Он спорит с гуляками, крича во все горло: «Я не могу петь, когда я голоден, и не могу носить свою арфу для восхвалений, если я вдоволь не напился вина!» И он выпил вина за двоих, мяса съел за троих, в общем, пообедал за пятерых!»³³ Стиль поэмы тяжелый, избыточный редкими словами и метафорами. Можно подумать, что эта поэма напоминает греческий хулительный жанр, иллюстрированный между прочим Архилохом и Гиппонактом, а также имеет некоторое сходство с тирадами Аристофана, но высмеиваемый персонаж был классической фигурой культуры эпохи фараонов, и многие намеки на египетских богов (Мут, Хора, Сета и Арсафеса) подтверждают национальное происхождение этого героя.

*Эллинизм в Эдфу*³⁴

Египетская и эллинская культуры сосуществовали как два отделенных друг от друга мира, два практически несовместимых образа мысли и способа их выражения, которые могли совмещаться в одном и том же человеке, при этом абсолютно не смешиваясь. Так, недалеко от Александрии в городе Эдфу мы находим ярчайший пример такого культурного раздвоения. В этом городе к концу II века в тени великолепного храма, декорирование которого завершали египетские рабочие под руководством иерограмматов, не-

кий Геродес составлял типично эллинские стихотворные эпитафии на греческом языке для начальника местных правоохранительных органов. Его клиенты, требовавшие поставить на метрической эпитафии их греческое имя, использовали свое второе, египетское, имя для иероглифических стел, которые они заказывали в местных мастерских. Некий Аполлоний, чей отец Птолемайос получил из рук Птолемея VII диадему, знак отличия «родственников царя», носил те же титулы, что и Папсу, сын Паменхеса, «великого командующего, единственного друга, главы кавалерии...» Он приводит на египетский манер все светские и религиозные титулы на иероглифической стеле, тогда как греческая эпитафия просто рассказывает о покойном в элегической форме: «Да, я Аполлоний, сын великолепного Птолемея ... [чья] верность повлекла к покорению земли до Океана. Вот почему во мне, носившем великую славу своего отца, оттачивается желание следовать тем же путем и выбрать в качестве дома, достойного моей доли, этот священный и обрывистый город Фоибос, сопровождая, таким образом, друзей моего отца в плаванье ... во время войны Скипетров в Сирии. Я был преданным и оставался верным. Своим копьем и отвагой я превзошел всех, но Судьба, играющая детьми нашего времени, в конечном итоге нагнала меня — почему ты должен об этом знать? — когда я лишь начал мечтать о благоприятном повороте событий. Я не был пресыщен жизнью, и сердце мое не нашло успокоения в любви моих детей, оставленных дома».

Из этой поэтической исповеди мы узнаем, что Аполлоний в должности офицера отряда из города Эдфу («священного и обрывистого города Фоибоса») уехал в Сирию с войсками Клеопатры III во время еврейско-сирийско-египетского конфликта 103–101 годов («война Скипетров»). Он так и не вернулся живым, сраженный болезнью или ставший жертвой банальной случайности вместо того, чтобы погибнуть славной смертью на поле брани, о чем поэт не мог не посетовать.

Каждый из двух документов, воздававших должное памяти Аполлония, был составлен исходя из культурных традиций каждого народа. Точек соприкосновения между ними, казалось, не существовало. Едва ли биографическое клише одного из них нашло свое отражение в другом. Военные семьи коренного населения или, скорее, уже смешанной среды чувствовали отныне крайнюю необходимость подчеркивать свою двойную принадлежность не только двойной документацией, но и памятниками культуры непосредственно каждого этноса. Одни относились к традициям Египта фараонов, другие выражали эллинистический мир, который, хотя и был провинциальным, но стремился к элегантности и изысканности.

Естественный страх, который охватил всех жителей Александрии при приближении войск Октавиана в течение июля 30 года, очень быстро рассеялся, когда римлянин торжественно объявил, что он уважает город и его жителей, а потому не тронет их «в первую очередь из-за Александра Великого — создателя города, во-вторых, из-за восхищения красотой и величием Александрии, и, в третьих, чтобы доставить удовольствие своему другу Арию»¹. Жертвами репрессий Октавиана (впрочем, очень умеренных) стали только родственники и приближенные Антония и царицы. Однако чувства нового царя не были столь уж благоприятными для страны, чью беспутную столицу он ненавидел, а к древней династии чувствовал такое же омерзение, как и к культам, которые он считал упадническими и варварскими. Но более личных предубеждений его одолевал страх перед тем, что богатства Египта могут послужить интересам другого политика. Этот страх толкал его на принятие различных мер, направленных на предотвращение возможной опасности. Он запретил всем римским сенаторам, а также всем военным служащим проникать в новую провинцию без его разрешения. С другой стороны, он не доверял ни проконсулу, ни легату сенатского уровня, должностям, принятым для введения в такие важные провинции. Он доверил страну простому кавалеристу с титулом пре-

фекта. Действительно, префектура Египта была поставлена на первое место в карьере всаднического сословия сразу за префектурой претория в Риме², таким образом, она была доверена опытным людям.

Презрение Октавиана — который вскоре взял имя Августа — было небезосновательно. Он сместил первого префекта, которого сам назначил — Корнелия Галла, — так как последний вел себя скорее как независимый правитель, нежели как верный слуга императора³. Вся новая бюрократия была сконцентрирована вокруг нового префекта, и все посты занимались римскими служащими, которые были одновременно и римскими всадниками. Только местная администрация с усеченными правами осталась в руках эллино-египтян, стратеги номов превратились в простых светских служащих, а их военные обязанности были отныне переданы римской армии. Более трех легионов римлян обосновались в различных крепостях и гарнизонах. Основные из них находились в Александрии, Вавилоне (Старый Каир), около Мемфиса и в Фивах. Хотя птолемеевская система клерухов через некоторое время исчезла, сами клерухи превратились в простых землевладельцев, лишенных всех военных обязанностей.

Изменения, вызванные римским присоединением Египта к Империи, коснулись не только администрации и армии. Август ввел новую экономику и налоговую политику в этой огромной провинции. Новые налоги были направлены на снабжение Рима, который к тому времени стал самым большим городом мира. Таким образом, происходила реорганизация системы подушной подати и налогообложения на землю. Бремя налогов становилось все тяжелее, их сборы увеличивались, а снижение и избавление от налогов делалось все реже и реже. Каждый взрослый житель Египта обязан был выплачивать подушную подать, точная сумма которой варьировалась от места проживания и статуса отдельной личности. Условия для местного деревенского населения были намного жестче, чем для греков, живущих в городах. Вскоре такие преобразования стали сопровождаться

возмущениями, которые вспыхивали несколько раз, например, в Фиваиде и которые Корнелий Галл должен был подавлять⁴.

Также параллельная администрация Собственного расчета (*Идиос Логос*) приобретала все большую и большую значимость. Управляя в эпоху Птолемеев частными владениями царей, этот Собственный расчет, под жестким контролем императора, стал средством эксплуатации страны для собственной — императорской — выгоды. В обязанности этого органа входил контроль за конфискованными или отсуженными землями, а также за священными наделами храмов. Последние лишились права обладания полевными территориями, которые они еще сохраняли за собой, получая взамен выбор между рентой (*синтаксис*) от государства или возможностью съема, правда, на благоприятных условиях, части старых земель. К этому времени храмы потеряли большую часть дарованной Птолемеями экономической независимости, попав под опеку, осложнявшуюся созданием должности Верховного жреца Александрии и всего Египта, роль которого исполнял римский всадник, наблюдающий за деятельностью жрецов и культов⁵.

Одной из навязчивых идей римлян было навести порядок в вопросах прав граждан. Разница между жителями городов и гражданами, проживавшими вне их, стала для римлян фундаментальной. Они только увеличили барьеры, разделяющие египтян и греков, долгое сосуществование которых сделало эти границы размытыми. Греки, по мнению Октавиана, должны были теоретически проживать в главных городах номов, и только греки могли отныне поступать в гимнасии. Целая серия правил, странным образом присоединенных к своду постановлений Собственного расчета («Гномон Идиос Логос»), предопределила условия настоящего социального расслоения. Были выявлены, таким образом, три класса свободных граждан: египтяне, эллины, живущие в городах, и римские граждане. Большие штрафы и конфискация имущества обрушивались на тех, кто

пытался преступить эти законы, в особенности, если дело касалось брака или наследства. Кандидаты в гимнасий должны были пройти суровый экзамен, называемый *этикризис*, безжалостно отсекавший всех выходцев коренного населения, страдавших от отсутствия социального равенства. Целью этого экзамена становилось подтверждение их статуса эллина.

Положительной стороной такой политики стало быстрое формирование среднего класса, ревностно относящегося к своему привилегированному статусу, выполняющего свои обязанности на местном уровне, тогда как Птолемии скорее рассчитывали на прогрессивную эллинизацию высших слоев общества, оставляя намеренно расплывчатым вопрос о личных правах. Романизация Египта пошла, таким образом, по пути постепенного обезличивания страны по отношению к остальным провинциям Империи; страны со множеством местных сообществ, обладавших некоторой автономией в управлении, которые, в свою очередь, заботились об общем процветании Египта, соглашаясь на выполнение труднорешаемых задач. Но это приведение к общему знаменателю происходило медленнее и более постепенно, чем в других местах, и императоры достаточно долго поддерживали специфические особенности региона, что позволяло частично сохранить древние традиции фараонов. На самом же деле целью новых хозяев было безболезненное и эффективное снабжение египетской пшеницей римской черни.

Египет, долгое время сохраняемый императором как одновременно устойчивое и приносящее постоянный доход владение, только спустя три века, во время правления Диоклетиана, окончательно превратился в такую же провинцию, как и все остальные, полностью потеряв свою собственную денежную систему и последние особенности в административном управлении. Более того, этот момент совпал с агонией старой цивилизации фараонов, тогда как новая религия настаивала на ее изгнании вместе со старыми богами. Такая слишком безапелляцион-

ная точка зрения рассматривала падение Лагидов как отправную точку процесса разложения, который привел, в конечном счете, к романизации Египта. Однако это было не совсем так. Египетское общество, без сомнения, изможденное режимом, который был определяющим фактором беспорядка и разорения, пережило этот период присоединения даже тогда, когда отрицательные последствия нового правления не замедлили проявиться.

Возможно, что это присоединение нанесло последний решающий удар по ассимиляции потомков греческих иммигрантов из хоры со средними и высшими классами местного общества. Такое единение могло быть только плодом смешанных браков или определенного уровня культурного обмена. Первые жестоко карались новыми властями, что касается вторых, то, если римская администрация не могла или не хотела мешать египтинизации греков в плане их религиозных и обрядовых верований, она смогла, в конце концов, затормозить эллинизацию египтян за счет социальной дифференциации, которая проявлялась при суровом отборе поступающих в гимназии. Таким образом, подталкивая коренное общество к культурному слому и стиранию из национальной памяти своих собственных традиций, римляне разрушили, может быть, единственное наследие Лагидов, пророчащее процветание новой нации: первые плоды бикультурного греко-египетского общества. Правда, это присоединение благоприятно сказалось на быстром распространении египетских культов по Римской империи. Но столь пресное и эллинизированное представление о религии фараонов, чья экзотичность, а не истинное содержание обеспечила популярность культа вплоть до Великобритании, было лишено своих корней, не имело никакой связи с культурой, которую жрецы Фаюма или Фиваиды, предчувствуя свой неизбежный конец, безуспешно пытались сохранить за счет последнего интеллектуального рывка⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

- APF: Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, Leipzig.
BASP: Bulletin of the American Society of Papyrologists, New-York.
BIFAO: Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale, Le Caire.
BSFE: Bulletin de la Société française d'égyptologie, Paris.
CdE: Chronique d'Égypte, Bruxelles.
GM: Göttinger Miszellen. Beitr. Zur ägyptol. Diskuss., Göttingen.
JEA: Journal of Egyptian Archaeology, Londres.
JJP: Journal of Juristic Papyrology, Varsovie.
RdE: Revue d'Égyptologie, Paris.
UPZ: U. Wilcken, Urkunden der Ptolemäerzeit (Ältere Funde), 2 vol., Berlin-Leipzig, 1927—1957 (réimpr. 1977).
Urk.II: K. Sethe, Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit, Leipzig, 1904 (réimpr. Milan, 1977).
ZPE: Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bonn.

ВВЕДЕНИЕ

Becher I. Das Bild der Kleopatra in der griechischen und lateinischen Literatur. Berlin, 1966.

² В описаниях Египта Диодора Сицилийского (I) и Страбона (XVII) есть некоторые различия.

³ Среди многочисленных жизнеописаний Клеопатры мы опираемся на следующие издания: Н. Volkmann. Kléopâtra. Munich, 1953 (в переводе на франц.: Cleopatre. Paris, 1956), М. Grant. Cleopatra. Londres, 1972.

⁴ E. G. Turner. Greek Papyri. An Introduction. Oxford, 1980; O. Montevecchi. La Papyrologia. Milan, 1988; P. W. Pestman. The New Papyrological Primer. Leiden, 1994. Ряд греческих папирусов в переводе на англ. язык см.: A. S. Hunt et C. S. Edgar. Select Papyri. 2 Vols., Londres, 1932 — 1934. Демотические тексты см.: М. Depauw. A Companion to Demotic Studies. Bruxelles, 1997.

⁵ Montevecchi, op. cit. P. 34.

⁶ Значительный материал дали также раскопки, проводившиеся на месте Тебтиниса Французским Институтом восточной археологии Каира и Миланским университетом под руководством К. Галлаци (C. Gallazi).

⁷ См. список источников в кн.: L. Ricketts. The Administration of Ptolemaic Egypt under Cleopatra VII (Diss. Minnesota). 1980. P. 114—136; L. Ricketts. The Administration of Late Ptolemaic Egypt, dans Life in a Multi-Cultural Society. Chicago, 1992. P. 275—281.

⁸ Pestman, Chronologie égyptienne d'après les textes démotiques. Leiden, 1967. P. 72.

⁹ H. J. Tissen, Die demotischen Graffiti von Medinet Habu, Sommerhausen. 1989. P. 17.

¹⁰ C. Orrieux. Les Papyrus de Zénon: L'horizon d'un Grec en Égypte au III siècle av. J.-C. Paris, 1983; C. Orrieux. Zénon de Caunos,

parépidèmos et le destin grec. Paris, 1985; W. Clarysse et K. Vandorpe. Zénon. Un homme d'affaires grec à l'ombre des pyramides. Louvain, 1995.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Литература:

- Bouché-Leclercq. Histoire des Lagides. 4 tomes, Paris, 1903—1907.
E. Bevan. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. Londres, 1927.
G. Hölbl. Geschichte des Ptolemäerreiches. Darmstadt, 1994.
E. Will. Histoire politique du monde hellénistique (323 — 30 av. J.-C.). 2 Vols., Nancy, 1979—1982.
F. W. Walbank et al. The Cambridge Ancient History. Vol. VII, part I, The Hellenistic World. Cambridge, 1984.

¹ F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin-Leiden, 1923—1958, № 234.

² A. Laronde. Cyrène et la Libye hellénistique. Libykai Historiai. Paris, 1987. P. 445—446.

³ BGU 1762. Traduction adaptée de C. Préaux. «Esquisse d'une histoire des revolutions égyptiennes sous les Lagides». CdE XI/22, 1936. P. 551—552.

⁴ H. Heinen. Rom und Ägypten von 51 bis 47 v.Chr. (Diss. Tübingen). 1966.

⁵ M. Chauveau. «Eres nouvelles et corégences en Egypte ptolémaïque», готовится к публикации в: Akten des 21. Int. Papyrologenkongresses in Berlin 1995, APF 43/2, 1997.

⁶ BGU 1730 = Select Papyri II, nr 209.

⁷ «L'an 1 qui est aussi l'an 3»: T. C. Skeat. JEA 48, 1962. P. 100—105.

⁸ H. J. Thissen. Die demotischen Graffiti von Medinet Habu, Sommerhausen, 1989, nr 44. P. 18—20.

⁹ A. B. Brett. «A New Cleopatra Tetradrachm of Ascalon». American Journal of Archaeology 41, 1937. P. 452—463. Монеты датируются 50/49 и 49/48 гг. до н. э.

¹⁰ См. известный рассказ Плутарха «Помпей», 83—86.

¹¹ Th. Schrapel. Das Reich der Kleopatra. Trèves, 1996. P. 225—234.

ГРЕЧЕСКИЕ ФАРАОНЫ И ИХ СЛУТИ

Литература:

H. Hauben. «Aspects du culte des souverains à l'époque des Lagides». Egitto e storia antica dall'ellenismo all'età araba (Atti Coll. Int. Bologna 1987). Bologne, 1989. P. 441—467.

W. Huss. Der makedonische König und die ägyptischen Priester. Stuttgart, 1994.

L. Koenen. «Ägyptische Königsideologie am Ptolemäerhof», в кн.: Egypt and the Hellenistic World, Proc. Int. Coll. Leuven. Louvain. 1983. P. 143—190.

S. Schloz. «Das Königtum der Ptolemäer — Grenzgänge der Ideologie», в кн.: Aspekte Spätägyptische Kultur (Festschrift E. Winter). Mayence, 1994. P. 227—234.

R. A. Hazzard, *Ptolemaic Coins. An Introduction for Collectors*. Toronto, 1995. P. 3, fig. 6.

² Это событие стало известно благодаря описанию Калликсена Родосского, сохранившемуся у Афиней (*Les Deipnosophistes*, V, с-203 с.). Французский перевод см. в кн.: A. Bernand. *Alexandrie la Grande*. Paris, 1966 (переизд. Hachette 1996). P. 305–312.

³ Hazzard, *op. cit.* P. 4, fig. 7.

⁴ См. например R. S. Bianchi et al., *Cleopatra's Egypt. Age of the Ptolemies*, Cat. Exhib. Brooklyn Museum, 1988. P. 46, fig. 16; P. 103–104 (nr 14); P. 170–172 (nr 66).

⁵ Hölbl, *op. cit.* P. 265–269.

⁶ J. Vercoutter. «Les statues du general Hor, gouverneur d'Héracléopolis, de Busiris et d'Héliopolis». BIFAO 49, 1950. P. 85–114.

⁷ Например, двоюродный внук царя Нектанеба I: Urk. II, 24–26; J.-J. Clère. «Une statuette du fils aîné du roi Nectanebô». RdE 6, 1951. P. 135–156.

⁸ D. Mendels. «The Polemical Character of Manetho's *Aegyptiaca*». В кн.: *Purposes of History (Proc. Int. Coll. Leuven 1988)*. Louvain, 1990. P. 91–110.

⁹ Caire, *Catalogue general* 22182 = Urk. II, 11–22.

¹⁰ J. K. Winnicki. «Carrying off and Bringing Home the Statues of the Gods». JJP 24, 1994. P. 149–190; D. Devauchelle. «Le sentiment antiperse chez les anciens Egyptiens», *Transeuphratène* 9, 1995. P. 67–80.

¹¹ W. Huss. «Die in ptolemäischer Zeit verfassten Synodal-Dekrete der ägyptischen Priester». ZPE 88, 1991. P. 189–208.

¹² H.-J. Thissen. *Studien zum Raphiadekret*. (Beiträge zur Klassischen Philologie, Heft 23). Meisenheim, 1966.

¹³ S. Quirke, C. Andrews. *The Rosetta Stone*, Londres, British Museum Publications, 1988; D. Devauchelle. *La Pierre de Rosette*. Le Havre, 1990.

¹⁴ E. Bernand. *Recueil des inscriptions grecques du Fayoum*, II, Le Caire. IFAO, 1981. P. 30–40 (nr 112–113).

¹⁵ P. Teb. 15 = *Select Pap.* II, nr 210. P. 59–75.

¹⁶ D. Bonneau. «Le Souverain d'Egypte voyageait-il sur le Nil en crue?». CdE 36/72, 1961. P. 377–385.

¹⁷ A. Bernand. *De Thèbes à Syène*. Paris, CNRS, 1989, nr 244; G. Dietze. «Der Streit um die Insel Pso», *Ancient Society* 26, 1995. P. 157–184. Установлено, что вторая Клеопатра, упомянутая на этой стеле, являлась супругой, а не бабушкой Птолемея IX. Этот последний в то время был еще жив, как можно заключить на основе неизданного иероглифического текста, происходящего из часовни в Калабше, украшенной, без сомнения, по случаю прибытия фараона.

¹⁸ *Stèle Caire*. *Catalogue general* 22181 = Urk. II, 28–54. Перевод см.: H. De Meulenaere. *Mendès II*. Warminster, 1976. P. 174–188.

¹⁹ *Stèle Caire*, *Journal d'entrée* 53147. Cl. Traunecker. *Coptos, Hommes et Dieux sur le parvis de Geb*, Louvain, 1992. P. 317.

²⁰ Athénée, *Les Deipnosophistes*, XII, 549 e; перевод Н. Heinen. *Ktéma* 3, 1978. P. 189–190.

²¹ Justin. *Abrégé des Histoires philippiques*, XXXVIII, 8, 10; перевод см.: Heinen, *op. cit.*

²² Heinen. *Die Tryphè des Ptolemaios VIII. Euergetes II.*, dans *Althistorische Studien H. Bengtson*. Wiesbaden, 1983. P. 116–128.

²³ Antoine, 28.

²⁴ H. Gauthier. *Le Livre des rois d'Égypte*. IV, Le Caire, IFAO, 1916. P. 136—150.

²⁵ J. von Beckerath. *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. Munich, 1984. P. 118.

²⁶ Там же. P. 119; C. G. Johnson, «Ptolemy V and the Rosetta Stone: The Egyptianisation of the Ptolemaic Kingship», *Ancient Society* 26, 1995. P. 145—155.

²⁷ Stele Harris, 8—10; E. A. E. Reymond. *From the Records of a Priestly family from Memphis*. Wiesbaden, 1981. P. 136—150.

²⁸ J. D. Ray. *The Archive of Hor*. Londres, 1976.

²⁹ *Ibid*, с. 11, текст 1, строки 12—14.

³⁰ *Ibid*, с. 18, текст 2, recto, строки 7—10.

³¹ *Ibid*, с. 18—19, текст 2, verso, строки 4—12.

³² *Ibid*, с. 125.

³³ C. Préaux. «Esquisse d'une histoire des revolutions égyptiennes sous les Lagides». *CdE* 11/22, 1936. P. 522—552; L. Koenen. «Ein einheimischer Gegenkönig in Ägypten». *CdE* 34/68, 1959. P. 103—119; P. W. Pestman. «Haronnophris and Chaonnophris». В кн.: S. P. Vleeming ed., *Hundred-Gated Thebes* (P. L. Bat. 27), Leiden, 1995. P. 101—137.

³⁴ UPZ II, 199, 4 (Théoisin echthros).

³⁵ Новейшая литература — см.: W. Huss. *Der makedonische König und die ägyptischen Priester*. Stuttgart, 1994. P. 165—179.

³⁶ M. Chauveau et M. Derauw. «Le chantier d'Alexandrie». Готовится к печати в журнале *CdE*.

ГОРОДА И ПРОВИНЦИИ

P. G. Meyboom. *The Nile Mosaic of Palestrina*. Leiden, 1955.

² G. Dietze. «Philae und die Dodekaschoinos in ptolemäischer Zeit». *Ancient Society* 25, 1994. P. 63—110.

³ Agatarchide de Cnide, *De la mer Erythrée*, V, 23—29 = Диодор, III, 12—14.

⁴ Th. Schrapel. *Das Reich der Kleopatra*. Trèves, 1996.

⁵ F. de Cenival. *Papyrus démotique de Lille* (III). Le Caire, IFAO, 1984. P. 1—30 (nr 99). Готовится к выходу в свет новое исследование этого папируса, авторы W. Clarysse et D. Thompson.

⁶ По свидетельству Диодора, население прежде достигало семи миллионов (Diodore, I, 31,8).

⁷ *Idylle* 17 (Eloge de Ptolémée), 82—84.

⁸ I, 31, 7: 30 000 в эпоху Птолемея I, в фараоновский период — 18 000.

⁹ *Hist. Nat.* V, 11: 20 000 в правление Амасиса (570—526 гг. до н. э.).

¹⁰ Об Александрии в эпоху Лагидов см. фундаментальный труд: P. M. Fraser. *Ptolemaic Alexandria*, 3 vols. Oxford, 1972. Он опирается на работы: A. Bernand. *Alexandrie la Grande*. Paris, 1966 (переизд. Hachette, 1996); A. Bernand. *Alexandrie des Ptolémée*. Paris, 1992.

¹¹ См. главу «Греческие фараоны и их слуги», прим. 36.

¹² Pseudo-Callisthène, *Le Roman d'Alexandre*. Paris, 1992.

¹³ J.-Y. Empereur. «Fouilles et découvertes récentes». В кн.: *Alexandrie: Lumière du monde antique*. P. 82—87, в этом издании пред-

ставлена изумительная мозаика птолемеевской эпохи, открытая в Дворцовом квартале.

¹⁴ Страбон, XVII, 1, 6—10.

¹⁵ F. Daumas et B. Mathieu. «Le Phare d'Alexandrie et ses dieux: un document inédit», *Academiae Analecta* 49, 1. Bruxelles, 1987. P. 42—55.

¹⁶ *Les Syracusaines ou les Femmes à la fête d'Adonis (Idylle XV)*.

¹⁷ L. Canfora, *La Véritable Histoire de la Bibliothèque d'Alexandrie*. Paris, 1988. P. 83—84.

¹⁸ J.-Y. Empereur. «Fouillees et découvertes récentes». В кн.: *Alexandrie: Lumière du monde antique*. P. 86.

¹⁹ XVII, 52, 6.

²⁰ См. ниже, прим. 31.

²¹ О евреях в Египте в эпоху Лагидов см. J. Méléze-Modrzejewski. *Les Juifs d'Égypte de Ramses II à Hadrien*. Paris, 1991. P. 43—130.

²² Страбон, XVII, 1, 17.

²³ Fraser. *Ptolemaic Alexandria*. P. 729—730 et 1021—1026 (п. 100—109).

²⁴ Это пастухи, воспетые многими античными романистами, см. P. Grimal. *Romans grecs et latins*, Paris, La Pléade, 1958.

²⁵ Так, Птолемей X Александр в 103 г. (см.: E. Van't Dack et al. *The Judean-Syrian-Egyptian Conflict of 103—101 B.C.* Bruxelles, 1989. P. 83—84) и Птолемей XII в 48 г.

²⁶ Диодор, XXXIII, 28а, 1—2; Justin, XXXVIII, 8, 8—11.

²⁷ Об идентификации Миос Гормоса с современным Коссейром см.: A. Bülow-Jacobsen et al. *BIFAQ* 94, 1994. P. 27—28.

²⁸ S. M. Burstein в кн.: *Hellenistic History and Culture*. Berkeley, 1993. P. 43—46.

²⁹ L. Moorten. «The Date of SBV 8036 and the Development of the Ptolemaic Maritime Trade with India». *Ancient Society* 3, 1972. P. 127—133.

³⁰ D. J. Thompson. *Memphis under the Ptolemies*. Princeton, 1988.

³¹ D. J. Thompson. *Memphis under the Ptolemies*. Princeton, 1988. P. 35: приводит цифры между 50 000 и 200 000, но, «видимо, ближе к меньшему числу».

³² Библиографию см.: Введение, прим. 10.

³³ A. Bernand. *Leçon de civilization*. Paris, 1994. P. 225—233.

³⁴ Фивы в греко-римский период — см.: K. Vandorpe. «City of many a Gate, Harbour for many a Rebel». В кн.: *Hundred-Gates Thebes*. Leiden, 1995. P. 203—239.

³⁵ Архитектура жилых домов — см.: M. Nowicka. *La Maison privée dans l'Égypte ptolemaïque*. Wrocław, 1969; G. Husson. *Oikia*. Paris, 1983. В ходе франко-итальянских раскопок в Тебтинисе, проводившихся с 1989 г., было открыто множество частных домов и общественных построек эпохи Лагидов — см. ежегодные отчеты в *BIFAQ*.

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Литература:

C. Préaux. *Le Monde hellénistique*. Paris, PUF, 1978 (3-е изд.: 1989—1992) I. P. 358—388 II. P. 474—488; дополнительная библиография — P. 723—726.

E. G. Turner в кн.: F. W. Walbank ed. *The Cambridge Ancient History*, Vol. VII, Part I, 1984. P. 133—167.

H. Bengtson. *Die Strategie in der hellenistischen Zeit*, III. Munich, 1967; N. Hohlwein. *Le Stratège du nome* (Pap. Brux.9). Bruxelles, 1969; L. Mooren. «On the Jurisdiction of the Nome Strategoi in Ptolemaic Egypt». В кн.: *Acti XVI Congr. Pap., III*, Naples, 1984. P. 1217—1225.

² S. Héral. «Deux équivalents démotiques du titre nomarchès». *CdE* 65/130, 1990. P. 304—320.

³ E. Van't Dack. *Ptolemaica Selecta* (*Studia Hellenistica* 29), Louvain, 1988. P. 329—385.

⁴ Там же. С. 247—271 и 288—313.

⁵ E. Bresciani. *Studi classici e orientali* 9, 1960. P. 119—121.

R. S. Bianchi et al. *Cleopatra's Egypt. Age of the Ptolemies*, Cat. Exhib. Brooklyn Museum, 1988. P. 126—127 (nr 32).

⁷ H. J. Thissen. «Zur Familie des Strategen Monkores». *ZPE* 27, 1977. P. 181—191. Датировка граффити Мединет Абу № 44 должна быть скорректирована: 48 вместо 77.

⁸ L. M. Ricketts. «The Epistrategos Kallimachos and a Coptite Inscription: SBV 8036 Reconsidered». *Ancient Society* 13/14, 1982/83. P. 161—165.

⁹ N. Lewis. *Greeks in Ptolemaic Egypt*. Oxford, 1986. P. 56—68.

¹⁰ J. F. Jates. *The Ptolemaic Basilikos Grammateus* (BASP Suppl. 8). Atlanta, 1995.

¹¹ L. Criscuolo. «Ricerche sul Komogrammateus nell'Egitto tolemaico». *Aegyptus* 58, 1978. P. 3—101.

¹² P. W. Pestman, «The Official Archive of the Village Scribes of Kerkeosiris». В кн.: *P. Reiner Cent.*, Vienne, 1983. P. 127—134; N. Lewis. Указ. соч. С. 104—123.

¹³ P. Teb. I 9—10; *Das ptolemäische Ägypten*. Mayence, 1978. P. 201.

¹⁴ P. Teb. I 43.

¹⁵ J. Bingen. *Les Papyrus Revenue Laws. Tradition grecque et adaptation hellénistique*. Opladen, 1978.

¹⁶ P. Teb. I 38.

¹⁷ P. Teb. I 40.

¹⁸ Самое раннее упоминание о хождении афинского статера в Египте содержится в демотическом тексте, датированном 410 г. — см.: BSFE 137, 1996. P. 38.

¹⁹ Hazzard. Указ. соч. С. 71—75.

²⁰ О банковской системе птолемеевского времени см.: R. Bogaert. «Les banques affermées ptolemaïques». *Historia* 33, 1984. P. 181—198.

²¹ Bogaert. «Un cas de faux en écriture à la Banque royale thébaine en 131 av. J.-C.». *CdE* 63/125, 1988. P. 145—154.

²² T. Reekmans. «The Ptolemaic Copper Inflation». В журн.: *Studia Hellenistica* 7, 1951. P. 61—119; W. Clarysse et E. Lanciers. «Currency and Dating of Demotic and Greek Papyri from the Ptolemaic Period». *Ancient Society* 20, 1989. P. 117—132.

²³ Hazzard. Указ. соч. С. 51—55.

²⁴ J. Bingen. «Grecs et Egyptiens d'après PSI 502». *Proc. 12 Int. Cong. Pap. Toronto*, 1970. P. 35—40.

²⁵ *Hellenistic History and Culture*. Berkeley, 1993. P. 214—215, fig. 36.

²⁶ P. Vidal-Naquet. *Le Bordereau d'ensemencement dans l'Égypte ptolemaïque* (Pap. Brux. 5). Bruxelles, 1967.

²⁷ H. Cuvigny. *L'Arpentage par espèces dans l'Égypte ptolemaïque d'après les papyrus grecs* (Pap. Brux. 20). Bruxelles, 1985.

- ²⁸ P. Tebt. I 61 b.
- ²⁹ D. J. Crawford. *Kerkeosiris: An Egyptian Village in the Ptolemaic Period*, Cambridge, 1971.
- ³⁰ J. Bingen. «Ecnjmie grecque et société égyptienne». В кн.: *Das ptolemäische Ägypten* (Akt. Int. Symp. Berlin). Mayence, 1978. P. 214—215.
- ³¹ Thompson. *Memphis under the Ptolemies*. P. 46—59.
- ³² Там же. С. 65—70.
- ³³ H. Hauben. «Le transport fluvial en Egypte ptolémaïque. Les bateaux du roi et de la reine». В кн.: *Actes XV Congr. Pap. Bruxelles*, 1979. P. 68—77.
- ³⁴ Thompson. *Memphis under the Ptolemies*. P. 61.
- ³⁵ Историография по этому вопросу очень немногочисленна. Можно привести лишь следующие издания: E. Seidl. *Ptolemäische Rechtsgeschichte* (Äg. Forsch. 22). Hambourg, 1962; H. J. Wolff. *Das Justizwesen der Ptolemäer*. Munich, 1970; K. Goudriaan. *Ethnicity in Ptolemaic Egypt*. Amsterdam, 1988.
- ³⁶ Chauveau. «P. Carlsberg 301: Le manuel juridique de Tebtynis». В кн.: P. Frandsen ed. *The Carlsberg Papyri I*, Copenhagen. CNI publ., 1991. P. 103—127.
- ³⁷ Teb. 15, 207—220; J. Méléze-Modrzejewski. «Chrématistes et laocrites». В кн.: *Le Monde Grec. Hommage à Claire Préaux*. Bruxelles, 1975. P. 699—708.
- ³⁸ См. ниже. С. 189—195.
- ³⁹ I. Biezunska-Malowist. *L'Esclavage dans l'Egypte greco-romaine*, I partie. Varsovie, 1974.
- ⁴⁰ UPZ I, 121 = *Select Pap.* II 234.
- ⁴¹ См. ниже. С. 169—173.

ЖРЕЦЫ И ХРАМЫ

- L'Enquête, II, 37.
- ² J. Méléze-Modrzejewski. *Les Juifs d'Egypte de Ramses II à Hadrien*. Paris, 1991. P. 35—40.
- ³ S. Cauville. *Edfou*. Le Caire, IFAO, 1984.
- ⁴ S. Cauville, *Le Temple de Dendéra, guide archéologique*. Le Caire, IFAO, 1990.
- ⁵ J. Quaegebeur. «Cléopâtre VII et le temple de Dendara». *GM* 120, 1991. P. 49—72, особенно см. с. 66—68.
- ⁶ S. Sauneron. *Les Fetes religieuses d'Esna*. Le Caire, IFAO, 1962. Праздничный календарь из храма Эсне восходит к эпохе правления Домициана.
- ⁷ В начале царствования императора Адриана, см.: A. K. Bowman. *Egypt after the Pharaohs*. Londres, British Museum Publ., 1986. P. 183.
- ⁸ Диодор, I, 83, 8—9.
- ⁹ Страбон, XVII, 1, 38; P. Teb. I, 33 = *Select Pap.* II 416.
- ¹⁰ P. Oх. Griffith 27 = E. Bresciani. *L'Archivio demotico del tempio di Soknopaiou Nesos*. Milan, 1975. P. 32—33.
- ¹¹ BGU VI 1211 = M.-Th. Lenger. *Corpus des ordonnances des Ptolémées*. Bruxelles, 1980, nr 29.
- ¹² SB V 7835 (правление Птолемея XII).

¹³ F. de Cenival. *Les Associations religieuses en Egypte d'après les textes démotiques*. Le Caire, IFAO, 1972.

¹⁴ Thompson. Kerkeosiris. P. 86 (Зевс, Диоскуры); P. Oх. Griffith 16, Bresciani. Указ. соч. С. 16—17 (Деметрий).

¹⁵ Clarysse et al. *The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt* (P. L. Bat. 24). Leiden, 1983.

¹⁶ Демотическая стела Британского музея № 1325Ю, опубликованная Э. Фаридом: A. Farid. *Fünf demotische Stelen*. Berlin, 1995 (датировку документа следует уточнить: 19 января 30 г. вместо 21 сентября 31 г.). Илл. — табл. VII.

¹⁷ J. Quagebeur. «La Justice à la porte des temples et le toponyme Premit». В кн.: *Individu, société et spiritualité dans l'Egypte pharaonique et copte*. Bruxelles, 1993. P. 201—220.

¹⁸ E. Seidl. «Die Verwendung des Eides im Prozess nach den demotischen Quellen». *Zeitschrift der Savigny-Stiftung* 91, 1974. P. 41—53.

¹⁹ Chauveau. «Un contrat de hierodule: Le P. dém. Fouad 2». *BIFAO* 91, 1991. P. 119—127.

²⁰ Thompson. *Memphis under the Ptolemies*. P. 190—211.

²¹ Lewis. *Greek in Ptolemaic Egypt*. P. 69—87; Thompson. *Memphis under the Ptolemies*. P. 212—265.

²² S. Sauneron. «Les songes et leur interpretation dans l'Egypte ancienne». В кн.: *Sources orientales*. Т. II. Paris, 1959. P. 19—61.

²³ UPZ I 77, col II, 22—30.

²⁴ Ibid., col. I, 16—29.

²⁵ Ibid., col. II, 4—17.

²⁶ UPZ I 78, 2—28.

²⁷ Интерпретация У. Вилькена (UPZ I. P. 118) в целом была принята, дело касается скорее обычая подстригать волосы невесте перед свадьбой.

²⁸ UPZ I 6а, но документ, неверно восстановленный, вызывает сомнения — см. Clarysse. *Enchoria* 14, 1986. P. 43—49.

²⁹ K. Goudriaan. *Ethnicity in Ptolemaic Egypt*. Amsterdam, 1988. P. 42—57.

³⁰ Например, в демотическом папирусе Риландс 9 (vers 510) — Chauveau. «Violence et repression dans la “Chronique de Pétéisé”», *Méditerranées* 6/7, 1996. P. 233—246.

³¹ P. Bologne dém. 3173, 8—12.

³² Там же. С. 1—7.

³³ Lewis, Указ. соч. С. 78—79.

³⁴ О бегстве двух рабов см., например, материал в данной книге, с. 135.

³⁵ UPZ I 70; илл. — табл. V.

³⁶ UPZ I 71.

ЖИТЬ СМЕРТЬЮ ДРУГИХ

J.C. Goyon. «La littérature tardive». В кн.: *Textes et langages de l'Egypte pharaonique (Hommage Champollion)*. III. Le Caire, IFAO, 1972. P. 73—81.

² II, 86—88. Согласно Диодору, это деление бальзамирования на три класса сохранялось до конца птолемеевской эпохи (Диодор I, 91, 2).

- ³ Sarc. Leiden 1383; *Egitto e storia antica*. Bologne, 1989. P. 139, n. 7.
- ⁴ P. Gallo et O. Masson. «Stèle "helléno-memphite" de l'ancienne coll. Nahman». *BIFAO* 93, 1993. P. 265—276.
- ⁵ P. Perdrizet. «Le mort qui sentait bon». *Mélanges Bidez*. Bruxelles, 1934. P. 719—727.
- ⁶ P. W. Pestman. *The Archive of the Theban Choachytes*. *Studia Demotica II*. Louvain, 1993.
- ⁷ Thompson. Указ. соч. С. 155—189.
- ⁸ Диодор, I, 91, 4—5.
- ⁹ Литература — см.: J. Quaegebeur. «Books on Thoth Belonging to Owners of Portraits?». В кн.: *Portraits and Masks. Burial Customs in Roman Egypt*. Londres, 1997. P. 72—77.
- ¹⁰ F.-R. Herbin. *Le Livre de parcourir l'éternité (OLA 58)*. Louvain, 1994.
- ¹¹ P. Louvre dem. 3452, восходит ко времени Береники II.
- ¹² S. P. Vleeming. «The Office of a Choachyte in the Theban Area». В кн.: *Hundred-Gates Thebes*. P. 241—255.
- ¹³ B. Borg. «The Dead as a Guest at Table & Continuity and Change in the Egyptian Cult of the Dead». В кн.: *Portraits and Masks*. Londres, 1997. P. 26—32.
- ¹⁴ A. Bataille. *Les Memnonia*. Le Caire, IFAO, 1952. P. 224—225.
- ¹⁵ Там же. С. 271—277.
- ¹⁶ UPZ II 162, кол. 8, 16—22.
- ¹⁷ P. Berlin dém. 3115 — F. de Cenival, *Associations religieuses*. P. 103—135.
- ¹⁸ J. Quaegebeur. «Les "saints" égyptiens préchrétiens». В журн.: *Orientalia Lovaniensia Periodica* 8, 1977. P. 129—143.
- ¹⁹ Pestman. P. Survey 23.
- ²⁰ Pestman. *L'archivio di Amenotes figlio di Horos*. Turin, 1981. P. 52—75 (nr 11—12).
- ²¹ Pestman. *Il processo di Hermias*. P. 182—183.
- ²² UPZ I 106—109.

СОЛДАТЫ И КРЕСТЬЯНЕ

- ¹ Диодор, XVIII, 39, 5; 43, 1.
- ² P. Grelot. *Documents araméens d'Égypte*. Paris, 1972. II, 164—166; GM 141, 1994. P. 89—91.
- ³ Arrien, *Anabase*, III, 5,5.
- ⁴ Между 331 и 323 гг. до н. э. Клеомен был произведен в сатрапы. Об угнетении со стороны его администрации говорят анекдоты, приведенные во второй книге трактата по экономике, ошибочно приписываемого Аристотелю (1352, а, 17-b, 26); Seibert, *Chiron* 2, 1972. P. 99—102.
- ⁵ Thompson. *Memphis under Ptolemies*. P. 12.
Диодор, XIX, 85, 3—4. Ср. поведение солдат Птолемея, захваченных в плен Деметрием в 307 г., — см. ниже, прим. 11.
- ⁶ II, 165—168.
- ⁷ Bagnall, *BASP* 21, 1984. P. 7—21.
- ⁸ *The Cambridge Ancient History*, vol. VII, part 1, 1984. P. 124 et n. 13.
- ⁹ Диодор, XX, 47, 4.

- 12 E. G. Turner. «A Commander-in-Chief's Order from Saqqâra». JEA 60, 1974. P. 239—242.
- 13 Select Pap. II, 207; N. Lewis. Greeks in Ptolemaic Egypt. P. 22—23.
- 14 P. Ent. 11.
- 15 P. Tebt. I 5, 168, 77.
- 16 E. Van't Dack. Ptolemaica Selecta. P. 7—16; 35—39.
- 17 J. F. Oates. «Cessions of Katoitic Land in the Late Ptolemaic Period». JJP 25, 1995. P. 153—161.
- 18 E. Boswinkel et P. W. Pestman. Les Archives privées de Dionysios, fils de Kephalas. Leiden, 1982.
- 19 Литература — см.: K. Goudriaan. Ethnicity in Ptolemaic Egypt. Amsterdam, 1988. P. 16—21.
- 20 K. Vandorpe. «Museum Archaeology or How to Reconstruct Pathyris Archives». В кн.: Acta Demotica, Acts of 5th Int. Conf. For Demotists. Pise, 1994. P. 289—300.
- 21 N. Lewis. Указ. соч. С. 88—103.
- 22 Select Pap. I, 101.
- 23 N. Lewis. Указ. соч. С. 99—100.
- 24 Studia Papyrologica Varia (P. L. Bat. 14). Leiden, 1965. P. 47—105.
- 25 P. Strassb. Dém. 21 = Pestman. Указ. соч. С. 58—59 (док. 1).
- 26 P. Lips. 7 et P. Grenf. II, 31 = Pestman. Указ. соч. С. 65 (док. 25) и с. 67 (док. 36).
- 27 Select Pap. I 103 = Pestman. Указ. соч. С. 71 (док. 59).
- 28 P. Lips. 104 = Pestman. Указ. соч. (док. 60).
- 29 P. Claude dém. 2 (неизданный). См. табл. V.
- 30 Select Pap. II 418. Hundred-Gated Thebes. P. 234—235.
- 31 D. Devauchelle et J.-C. Grenier. BIFAO 82, 1982. P. 157—169.
- 32 Van't Dack. Ptolemaica Selecta. P. 194.
- 33 Там же. С. 222.
- 34 Плутарх. Антоний. 74.
- 35 Van't Dack. Указ. соч. С. 22—32, 43—45.
- 36 Плутарх. Деметрий. 43.
- 37 Плутарх. Антоний. 66.

ДВА ЯЗЫКА, ДВЕ КУЛЬТУРЫ, ТРИ ВИДА ПИСЬМЕННОСТИ

- 1 J. G. Droysen. Geschichte des Hellenismus. 1877, в переводе на франц. язык — Paris, 1883.
- 2 Egitto e storia antica. P. 105—135.
- 3 P. M. Fraser. Ptolemaic Alexandria. vol. I, part II.
- 4 J. Méléze-Modrzejewski. Les Juifs d'Égypte. P. 84—88.
- 5 См. главу «Города и деревни», прим. 3.
- 6 R. Rémondon. «Problèmes de bilinguisme dans l'Égypte lagide (UPZ I 148)». CdE 39/77—78, 1964. P. 126—146.
- 7 A. K. Bowman. Egypt after the Pharaohs. Londres, 1986. P. 145.
- 8 См. таблицу находок греческих литературных папирусов с указанием авторов и датировки: O. Montecchi. La Papirologia. P. 360—363.
- 9 W. Clarysse. «Literary Papyri in Documentary "Archives"». В кн.: Egypt and the Hellenistic World. P. 48.
- 10 Там же. С. 51.
- 11 Там же. С. 57—60.

¹² См. табл. V.

¹³ Хотя большинство известных манускриптов датируется римской эпохой, большая часть египетских астрологических трактатов была создана в птолемеевское время. См., например, F. Cumont. *L'Égypte des astrologues*. Bruxelles, 1937 (переизд. 1982); Chauveau. «Un traité d'astrologie en écriture démotique». В журн.: *Cahier de recherches de l'Institut de papyrologie et d'égyptologie de Lille* 14, 1992. P. 101—105.

¹⁴ UPZ I 110—111, 144—145.

¹⁵ P. Louvre 2373.

¹⁶ P. Didot.

¹⁷ P. Med. II, 15. Thompson. Указ. соч. С. 261.

¹⁸ UPZ I 81. *BASP* 22, 1985. P. 171—194.

¹⁹ Перевод приведен в данном издании. С. 164—165.

²⁰ См. с. 158 данной книги.

²¹ P. Louvre dém. № 2414. G. R. Hughes. «The Blunders of an Inept Scribe». В кн.: *Festschrift R. J. Williams (SEA 3)*. Toronto, 1982. P. 51—67.

²² J.-C. Goyon, «L'écriture "ptolémaïque"». В кн.: *Alexandrie: Lumière du monde antique (Les Dossiers d'archéologie nr 201, mars 1995)*. P. 22—25.

²³ P. Caire dém. 30646, перевод на англ. язык см.: M. Lichtheim. *Ancient Egyptian Literature. vol. III*, Berkeley, 1980. P. 127—138.

²⁴ P. Brit. Museum dém. 604 verso, перевод — там же, с. 138—151.

²⁵ Литература — см.: M. Depauw. *A Companion of Demotic Studies*. Bruxelles, 1997. P. 88.

²⁶ Литература — см. там же, с. 88—89.

²⁷ P. Brit. Museum dém. 10508. Thissen. *Die Lehre des Ancheschonsqi*. Bonn, 1984.

²⁸ P. Grelot. *Documents araméens d'Égypte*. P. 427—452.

²⁹ Литература — см.: M. Depauw. Указ. соч. С. 100.

³⁰ P. Insinger, кол. 7, 15—16.

³¹ Там же, кол. 21, 3—4; 6.

³² P. Vienna KM dém. 3877. Thissen. *Der verkommene Harfenspieler. Ein altägyptische Invektive*. Sommerhausen, 1992.

³³ Col. 4, 2—4.

³⁴ J. Yoyotte. «Bakthis: religion égyptienne et culture grecque à Edfou». В кн.: *Religions en Égypte Hellénistique et romaine (Colloque de Strasbourg)*. Paris, PUF, 1969. P. 127—141.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Плутарх. Антоний. 80.

² О Египте в составе Римской империи см.: G. Geraci. *Genesis della provincia romana d'Egitto*. Bologne, 1983.

³ Дион Кассий, VIII, 23, 5—6. *Hundred-Gated Thebes*. P. 236, n. 248.

⁴ Дион Кассий, LI, 17, 4. там же, прим. 249.

⁵ A. K. Bowman. *Egypt after the Pharaohs*. P. 179—180.

⁶ О смешении египетских культов см. издания из серии: *Etudes preliminaries aux religions orientales dans l'Empire romain*, Leiden, Brill. 1962—1995.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Закат Египта глазами современников

Многие историки, говоря о тех или иных событиях, оставляют за рамками своего повествования некоторые ключевые факты, будучи абсолютно убеждены, что их собеседники хорошо осведомлены о том, о чем они умалчивают из скромности, или из нежелания «впадать в банальность», или по другим причинам. Это, так сказать, профессиональное заблуждение, которое было свойственно историкам древности ничуть не в меньшей степени, чем их коллегам в наши дни. Так уж повелось со времен Геродота, что историк не только «пишет» свои труды для потомков, но и «молчит» о некоторых значительных обстоятельствах, расхожих мнениях или, наоборот, рискованных оценках. Это неудивительно, ведь история создается очень разными по своим убеждениям людьми, и историк не может относиться к ним одинаково беспристрастно. Для него каждая эпоха — это сложнейший сплав взаимосвязанных событий, происходящих в разное время вдали одно от другого, вовлекающих в общий круговорот противоположные интересы и устремления; это пестрый калейдоскоп имен, образов, идей, лиц, масок, индивидуальных и коллективных целей, патриотических лозунгов, взаимного обмана, самопожертвования, стойкости, предательства и многих других взаимоисключающих вещей, которые, замысловато переплетаясь, образуют яркий ковер исторического прошлого какого-нибудь народа. Но главное, взгляд историка неизбежно прикован к ведущим политическим и религиозным деятелям его эпохи, о которых он не всегда может высказывать беспристрастные суждения. Полибий, Корнелий Тацит и многие другие, касаясь деяний представителей правившей в Египте династии Птолемеев, не могли позволить себе, да и не хотели рассказать обо всем, что им было известно. Египет в ту эпоху славился запутанными политическими решениями, коварными интригами и жестокими убийствами, инспирированными египетскими царями, членами их семей или их приближенными.

Но о чем бы ни умалчивали античные авторы, главное они донесли до нас: дух эллинизма и атмосферу, царившую в Египте во времена Клеопатры и ее предшественников. Хочется надеяться, что приведенная ниже подборка источников поможет лучше понять отдельные главы этой книги, ведь даже если древние авторы и не были современ-

никами описываемого, они были гораздо ближе к тому времени, и им было легче понять позицию участников событий и объяснить мотивировки их поступков. Источники подобраны таким образом, чтобы дополнительно и с разных сторон осветить повседневную жизнь Египта той эпохи: особенности национального характера египтян и их обычаи, личность величайшего завоевателя древности Александра Македонского и его деятельность в Египте, внешнюю и внутреннюю политику Птолемеев, войну с Юлием Цезарем, а также народную культуру и быт, которые нашли отражение в широко распространенном в те времена искусстве толкования снов. Тексты расположены в порядке последовательности описываемых событий, без учета времени жизни авторов.

ГЕРОДОТ ИСТОРИЯ В ДЕВЯТИ КНИГАХ

*Геродот из Галикарнаса (Кария) (ок. 484 — 425 гг. до н. э.) — греческий историк, положил начало собственно историографии, поскольку описывал основные, политически значимые события современной ему эпохи. Предпринимал продолжительные путешествия в малоазиатские области с прилегающими к ним островами, Переднюю Азию, Египет, Кирену, на сиро-финикийское побережье, Кипр, Понт, Геллеспонт, Фракию и Македонию. Стремился к достоверному изложению событий, однако для его творчества характерна вера во влияние религиозно-этических сил на историю. Цицерон удостоил его почетного имени *Pater historiae* (Отец истории), хотя Геродот в древности подвергался нападкам, греки даже одно время называли его «Отцом лжи».*

II

35. Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому что в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами. Поэтому я должен дать более точное ее описание. Подобно тому как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы, и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов. Так, например, у них женщины ходят на ры-

нок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. Другие народы при тканье толкают уток кверху, а египтяне — вниз. Мужчины [у них] носят тяжести на голове, а женщины — на плечах. Мочатся женщины стоя, а мужчины сидя. Естественные отправления они совершают в своих домах, а едят на улице на том основании, что раз эти отправления непристойны, то их следует удовлетворять втайне, поскольку же они пристойны, то открыто. Ни одна женщина [у них] не может быть жрицей ни мужского, ни женского божества¹, мужчины же [могут быть жрецами] всех богов и богинь. Сыновья у них не обязаны содержать престарелых родителей, а дочери должны это делать даже против своего желания.

36. В других странах жрецы богов носят длинные волосы, а в Египте они стригутся. В знак траура у других народов ближайшие родственники, по обычаю, стригут волосы на голове, египтяне же, если кто-нибудь умирает, напротив, отпускают волосы и бороду, тогда как обыкновенно стригутся. Другие народы живут отдельно от животных, а египтяне — под одной крышей с ними; другие питаются пшеницей и ячменем, в Египте же считается величайшим позором употреблять в пищу эти злаки. Хлеб там выпекают из полбы, которую некоторые называют зеей. Тесто у них принято месить ногами, а глину руками. Собирают они также и навоз. Половые части другие народы оставляют, как они есть; только египтяне (и те народности, которые усвоили этот обычай от них) совершают обрезание. Каждый мужчина носит у них две одежды, а всякая женщина — одну. Парусные кольца и канаты другие привязывают снаружи [к стенке судна], а египтяне же — внутри. Эллины пишут свои буквы и читают слева направо, а египтяне — справа налево. И все же, делая так, они утверждают, что пишут направо, а эллины — налево². У них употребляется, впрочем, двоякого рода письмо: одно называется священным [иератическим], а другое демотическим [общенародным]³.

¹ Это сообщение неправильно: в Египте было много женщин-жриц.

² Это связано с основным направлением ориентирования по четырем сторонам света: если греки (а вслед за ними и европейцы) обращались на север, то египтяне поворачивались спиной к северу (Средиземное море) и, соответственно, лицом к югу (Африка). Таким образом, запад у них оказывался справа, а восток — слева. (Прим. ред.)

³ Здесь Геродот неточен. В его время у египтян было распространено древнейшее иероглифическое письмо (для храмовых

37. Египтяне — самые богобоязненные люди из всех, и обычаи у них вот какие. Пьют они из бронзовых кубков и моют их ежедневно, при этом именно все, а не только некоторые. Они носят льняные одежды, всегда свежевывстиранные; об этом они особенно заботятся. Половые части они обрезают ради чистоты, предпочитая опрятность красоте. Каждый три дня жрецы сбривают волосы на своем теле, чтобы при богослужении у них не появилось вшей или других паразитов. Одевание жрецы носят только льняное и обувь из [папирусного] лыка. Иной одежды и обуви им носить не дозволено. Дважды днем и дважды ночью они совершают омовение в холодной воде и, одним словом, соблюдают еще множество других обрядов. Конечно, жрецы получают и немалые выгоды. Из своих средств им ничего не приходится тратить, так как они получают [часть] «священного» хлеба и каждый день им достается довольно большое количество бычьего мяса и гусятины, а также и виноградного вина⁴. Напротив, употреблять в пищу рыбу им не дозволено. Бобов же в своей стране египтяне вовсе не сеют и даже не едят и дикорастущих ни в сыром, ни в вареном виде. У каждого бога там, впрочем, не один, а много жрецов. Из них один — верховный жрец. Когда какой-нибудь жрец умирает, то ему наследует сын⁵.

Пер. и прим. Г. А. Стратановского.
М.: Ладомир, 1993

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Диодор Сицилийский (ок. 90—21 гг. до н. э.) — историк эпохи эллинизма, автор обширного труда по всемирной истории («Историческая библиотека») в 40 книгах, охватывавшего Египет, Ассирию, Индию, Мидию, острова

надписей), иероглифическое упрощенное письмо, иератический курсив (для деловых бумаг и писем) и, наконец, демотическое письмо (для широкого употребления). Демотическим письмом писали главным образом справа налево.

⁴ Из ежедневных жертвоприношений, доставленных в храм благочестивыми египтянами. (Прим. ред.).

⁵ Во многих храмах Египта жреческие должности были наследственными. Все египетские правители несли огромные расходы на содержание храмов и жрецов. Даже персидские завоеватели при Дарии I должны были признать древние привилегии храмового жречества и оказывать жрецам денежную помощь.

Западного и Восточного Средиземноморья. Хронологически не всегда точное, но интересное и украшенное многими историческими анекдотами, изложение Диодора пользовалось большой популярностью в древности.

XVII

49. В этом году⁶, устроив все в Газе, Александр отправил в Македонию Аминту с десятью кораблями, приказав набрать подходящую для военной службы молодежь. Сам он со всем войском отправился в Египет и мирным путем овладел всеми городами в этой стране. Египтяне радостно приняли Александра, потому что персы оскорбляли их святыни и правили с помощью силы. Уладив все дела в Египте, Александр отправился к Амону⁷ воспросить бога. В середине пути встретили его послы из Кирены⁸, везшие ему венец и великолепные дары, в том числе 300 боевых коней и 20 превосходнейших лошадей для колесниц четверней. Приняв их, он заключил с ними дружественный союз и вместе со своими спутниками отправился дальше к храму. Подойдя к безводной пустыне, он запасся водой и продолжал путь по стране, где песок лежал горами. Запас воды вышел за четыре дня; найти ее было негде. Всеми овладело отчаяние, как вдруг разразилась ливень, который поразительным образом спас людей, нуждавшихся в воде; они, неожиданно спасенные, приписали этот случай промыслу богов. Набрав в какой-то впадине столько воды, сколько хватило бы на четыре дня, они после четырехдневного пути вышли из безводных мест. Дорога потерялась среди безбрежного песка, и проводники объявили царю, что вороны, карканье которых слышится справа, указывают дорогу, ведущую прямо к святилищу. Александр счел этот случай счастливым предзнаменованием и, решив, что бог с радостью его примет, ускорил свой путь. Сначала он наткнулся на так называемое «Горькое озеро», а затем, пройдя 100 стадиев, миновал «города Амона» и через один день пути подошел к священному участку.

⁶ 331 г. до н. э.

⁷ *Амон* — бог оракула, расположенного в оазисе Сива в Ливийской пустыне. (Прим. ред.)

⁸ *Кирена* — город и область (Киренаика) в Северной Африке. Славилась философскими и медицинскими школами. С IV в. до н. э. находилась под властью Птолемеев, с начала I в. до н. э. — римлян. (Прим. ред.)

50. Участок этот, окруженный песчаной безводной пустыней, лишенной всего, что мило человеку, простирается стадий на 50 в длину и в ширину. По нему протекает множество прекрасных ручьев, и он засажен самыми разнообразными и очень урожайными деревьями. Погода тут напоминает нашу весеннюю. Вокруг стоит зной, и только здесь жители не знают ни жары, ни холода. Святилище это было, говорят, основано Данаем-египтянином; земля бога граничит на юге и на западе со страной эфиопов, на севере с кочевым племенем ливийцев и с племенем так называемых насамонов⁹, владения которых идут в глубь материка. Жители этого оазиса селятся деревнями; посередине его находится акрополь¹⁰, обведенный тройной стеной. За первой находится дворец древних властителей; за второй — женские покои, помещения для детей, родных и стражи, а также обитель бога и священный источник, откуда берут воду, чтобы освятить дары, приносимые богу; за третьей — жилище копьеносцев и царской охраны. Недалеко от акрополя выстроен под сенью высоких деревьев другой храм Амона. Вблизи от него находится источник, который по следующей причине называют источником Солнца: вода в нем удивительным образом меняется в соответствии с временем дня. На рассвете его вода прохладна; чем дальше идут часы, тем она становится холоднее и в полдневный жар достигает предельного охлаждения; затем, по мере того как день склоняется к вечеру, она все теплеет и теплеет, нагреваясь до самой полуночи, а затем начинает остывать, пока не придет с рассветом в свое начальное состояние. Статуя бога усыпана изумрудами и другими камнями; предсказания он дает совершенно своеобразным способом: статую эту в золотом киоте несут на своих плечах 80 жрецов, которые направляют путь не по своему выбору, а куда укажет им кивком бог. За ними следует толпа девушек и женщин, которые всю дорогу поют, прославляя бога старинной песнью.

51. Когда жрецы ввели Александра в храм и он увидел бога, старший пророк, человек очень преклонного возраста, подошел к нему со словами: «Привет тебе, сын мой! Так обращается к тебе бог». — «Принимаю твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если

⁹ *Насамоны* — народность, жившая в районе Сирта в Ливии.

¹⁰ *Акрополь* (греч.) — укрепленная часть греческих городов, где часто находились городские святыни.

только ты дашь мне власть над всей землей». Жрец вошел в святилище, и пока люди, несшие бога, двигались, подчиняясь указанию божественного голоса, он сказал Александру, что бог обязательно исполнит его просьбу. «Напоследок открой мне то, что я ищу узнать: настиг ли я всех убийц моего отца или кто-то еще остался?» — «Не кощунствуй, — закричал жрец, — нет на земле человека, который мог бы злоумыслить на того, кто родил тебя! Убийцы же Филиппа понесли наказание. Доказательством же твоего рождения от бога будет успех в твоих великих предприятиях: и раньше ты не знал поражений, а теперь будешь вообще непобедим». Александр обрадовался этому предсказанию и, почтив богов великолепными приношениями, вернулся в Египет.

52. Тут он решил основать большой город и поручил людям, оставленным для этого дела, выстроить город между озером и морем. Вымерив место и умело разделив его на кварталы, Александр назвал город по своему имени — Александрией. Он находился в очень удобном месте вблизи от гавани Фароса; благодаря искусному расположению улиц город открыт ветрам — отесиям, которые дуют с моря, приносят с собой прохладу и делают здешний климат умеренным и здоровым. Он обвел город стеной, огромной и превосходно защищавшей город: она шла между озером и морем, а со стороны суши в нее вело только два узких, легко защищаемых прохода. Окончательный план города напоминает хламиду¹¹; почти посередине его прорезает улица, удивительная по своей величине и красоте: она идет от одних ворот и до других; длина ее равна 40 стадиям¹², а ширина — одному плефру¹³; вся она застроена роскошными домами и храмами. Велел Александр выстроить и дворец; его величина и мощь постройки поразительны. Не только Александр, но и все, кто царствовал в Египте после него и до наших дней, прибавляли что-нибудь к роскоши дворца. Вообще же город впоследствии так разросся, что многие считали его первым в мире. Он значительно выделяется и красотой, и размерами, возможностями хорошо заработать, а также обилием предметов роскоши.

¹¹ Македонский военный плащ.

¹² *Стадий* (от греч. stadion) — первоначально короткая дистанция для бега; затем этим словом (стадион) стали обозначать место, где проводились соревнования по бегу; также мера длины, точное значение которой варьировалось: аттический стадий = 177,6 м.

¹³ Плефр — 29,6 м.

И числом населения город этот превосходит остальные. Во время нашего пребывания в Египте люди, имевшие список переписи населения, говорили мне, что в Александрии свободных больше 300 тысяч, а доходов из Египта царь получает больше шести тысяч талантов. Александр, поставив нескольких друзей строить Александрию и распорядившись всем в Египте, вернулся с войском в Сирию.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского.
С прил. соч. Диодора, Юстина, Плутарха
об Александре.
М.: МГУ, 1993

ПЛУТАРХ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ. АЛЕКСАНДР И ЦЕЗАРЬ

Плутарх, уроженец Херонеи (Беотия) (ок. 46—ок. 126 гг. н. э.) — греческий писатель и историограф. Происходил из старинного состоятельного рода, сторонник платоновской философии. Был верховным жрецом Аполлона Пифийского в Дельфах. Автор около 250 трудов по истории литературы, физике, медицине, риторике, истории музыки, теологии, этике, большая часть которых не сохранилась. «Сравнительные жизнеописания» и другие труды Плутарха («Моралии») имели огромное воздействие на творчество последующих поколений, особенно начиная с эпохи гуманизма (Шекспир, Монтень и пр.).

АЛЕКСАНДР

26. Рассказывают, что, покорив Египет, он захотел оставить здесь в память о себе большой и многолюдный город и назвать его своим именем. Он выбрал какое-то место, которое еще не было обмерено с ведома архитекторов, и велел его огородить. Ночью Александру приснился удивительный сон: совершенно седой старец почтенного вида подошел к нему и произнес следующие стихи:

На море шумно-широком находится остров, лежащий
против Египта; его именуют там жители Фарос.

Встав, Александр сейчас же пошел к Фаросу; тогда это был еще остров, лежавший немного севернее устья Каноба; теперь насыпь соединяет его с материком. Место оказалось исключительным по своему положению (полоса земли, отделявшая достаточно широким перешейком боль-

шее озеро от моря, которое образовало здесь просторную гавань). Александр заявил, что Гомер, удивительный во всем, оказался и мудрейшим архитектором, и приказал сделать план города, соответствующий данному месту. Мела под рукой не оказалось; взяли муки и на черной земле вывели дугу; от ее окружности, как бы от концов ее, шли прямые линии равной величины. План напоминал постройку хламиды. Царю он очень понравился. Вдруг с реки и с озера поднялось несметное количество птиц разных пород и величины. Они, как туча, опустились на это место и склевали дочи́ста всю муку. Александра смутило это знамение. Предсказатели ободрили его, сказав, что он заложит город многообильный, который прокормит самых разных людей. Александр поставил надзирателей следить за постройкой города, а сам отправился в храм Амона. Дорога эта была длинная и мучительно трудная. На ней грозили две опасности: во-первых, она в течение многих дней шла по безводной пустыне; во-вторых, на путников, шедших по глубокому безбрежному песку, мог налететь ураган с юга. Так случилось, говорят, когда-то с войском Камбиза¹⁴: ветер поднимал холмы песка, гнал его волнами по равнине — 50 тысяч человек было засыпано и погибло. Все это обсуждалось почти всеми, но Александра трудно было отвлечь от его намерений. Судьба, податливо исполнявшая его желания, сделала его самоуверенным, а его смелость подсказывала ему желание побеждать не только врагов, но и прератности времени и пространства.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского.
С прил. соч. Диодора, Юстина, Плутарха
об Александре.
М.: МГУ, 1993

ФЕОФРАСТ ИССЛЕДОВАНИЕ О РАСТЕНИЯХ

Феофраст из Эреса (Лесбос) (372—288 гг. до н. э.) — *греческий философ, ученик и друг Аристотеля, считался самым разносторонним ученым античности. Автор трудов по философии, риторике, поэтике, страноведению, музыке, искусствоведению, биологии и религии. Вплоть до XVI века не имел равных в области растениеводства и физиологии растений.*

¹⁴ Камбиз (Камбис) II — царь персов (529 — 522 гг. до н. э.); по преданиям, отличался жестокостью и деспотизмом. В 525 г. до н. э. захватил Египет; войско, посланное Камбизом против жителей оазиса Сива, погибло от песчаной бури.

4.1. В Азии в каждой местности есть свои собственные растения, одни в одной области растут, а другие нет. Говорят, например, что плюща и пихты в Сирии на расстоянии пяти дней от моря нет; в Индии же плющ появился на горе Мер¹⁵, откуда, по словам мифа, пришел и Дионис. Поэтому и Александр, говорят, возвращаясь из своего похода, шел увенчанный плющом¹⁶, так же как и его войско. Из других мест Азии плющ растет только в Мидии¹⁷, которая как бы... примыкает к Понту.

Пер. с др.-греч. и прим. М. Е. Сергеевко.
М.: АН СССР, 1951

ЛУКИАН ФИЛОСОФИЯ. КАК СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ

Лукиан, уроженец Малой Азии (ок. 120 — ок. 190 гт. н. э.) — греческий писатель-сатирик. Много путешествовал по Римской империи. Автор около 80 сочинений, в которых использовал различные сведения из истории, культуры, философии, этики, религии, филологии и литературоведения. Умело сочетал заложенную Платоном традицию

¹⁵ Мер — священная гора богов у индусов, там, где Гималаи в своем северо-западном конце скрещиваются с цепью Парапамиза (индийский Кавказ), идущей с востока на запад. На этой горе, по одной из версий мифа, родился Дионис, пришедший из Индии к грекам.

¹⁶ Войско Александра в последний раз видело плющ в Македонии и, вероятно, еще на абхазском побережье. И когда в Гималаях перед глазами греков предстали деревья и скалы, увитые плющом, то «македоняне, обрадовавшись плющу, которого давно уже не видели (в индийской земле нет плюща и нигде нет у них виноградных лоз), поспешно наделали из него венков и, увенчав себя ими, воспели песнь Дионису» (Арриан, Анабазис V, 2,5). Как видим, греки привыкли соединять в своем представлении виноградную лозу и плющ. Плющ — *Hedera helix* L. — действительно имеет почти тот же ареал распространения, что и виноградная лоза, но только заходит дальше к северу и поднимается выше по горам. Это украшение горных лесов Непала. Плющ достигает здесь исключительной силы и высоты, плоды на нем желтые, круглые: плющ этот принадлежит к тому же виду, который растет во Фракии и который древние считали преимущественно плющом Диониса.

¹⁷ Мидия (др.-перс.: *Мада* — срединная земля) граничила на востоке с Парфией и Гирканией, на юге с Персией и Сузианой, на западе с Ассирией и Арменией, на севере с Каспийским морем.

философского диалога с менипповой сатирой. Творчество Лукиана оказало значительное влияние на литературу Возрождения и Просвещения.

Уж я не говорю о том, что похвала приятна только тому, кого хвалят, остальным же она надоедает, особенно если в ней есть чрезмерные преувеличения — а такой похвала бывает у большинства писателей, так как они ищут одобрения со стороны хвалимых и посвящают ей так много времени, что лесть становится всем очевидной... Таким образом, они не достигают даже того, к чему более всего стремятся; напротив, те, кого они хвалят, ненавидят их и справедливо отворачиваются от них, как от льстецов, особенно если они люди мужественного образа мыслей. Так поступил, например, Александр: когда Аристокбул¹⁸ описал поединок его с Пором и прочел ему именно это место из своего сочинения — он думал сделать приятное царю, выдумывая ему новые подвиги и сочиняя дела, большие, чем действительные, — Александр взял книгу и бросил ее в воду (они в это время как раз плыли по реке Гидаспу¹⁹) со словами: «И с тобой бы следовало сделать то же, Аристокбул, за то, что ты за меч сражался и убивал слонов одним ударом». И понятно, что Александр должен был так рассердиться, раз он не потерпел самонадеянности архитектора, который обещал превратить Афон в его изображение и придать горе черты царя, но сейчас же узнал в этом человеке льстеца и уже не привлекал его более ни к каким работам. Где же после этого приятность в подобных вещах?

Лукиан. Философия. Быт.
Под ред. Ф. Зелинского Б. Богасевского.
М.: М. и С. Сабашниковы, 1920

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ ИСТОРИЯ

Корнелий Тацит (ок. 55—ок. 120 гг. н. э.) — *римский историк. Выходец из аристократической римской семьи, по-*

¹⁸ Аристокбул из Кассандрии сопровождал Александра Македонского во время его походов. Начиная с 300 г. до н. э. работал над историей завоевательных кампаний Александра. Его сочинение послужило источником для произведений Страбона и Арриана.

¹⁹ *Гидасп* — древнегреческое наименование реки Джелам, которая впадает в Акесин (совр. Чинаб). Эта река стала известна в греческом мире благодаря походам Александра Македонского. (Прим. ред.)

лучил прекрасное образование в области риторики. В трудах Тацита центральное место занимают выдающиеся личности, которые, по мнению историка, определяют ход истории. Он преподносит историю в виде захватывающей драмы, где все значительные события разворачиваются на фоне жизнеописаний императоров. Тацит описывал не все исторические события, некоторые он опускал, многое интерпретировал с субъективных позиций. Драматическая композиция у него превалирует над точным соблюдением хронологической последовательности фактов.

IV

83. Первый из македонян, кто сумел превратить Египет в мощную державу, был царь Птолемей²⁰. Когда он обносил стенами только что основанную в ту пору Александрию²¹, строил в ней храмы и создавал религиозные обряды, ему было видение — во сне предстал ему юноша необычайного роста и редкой красоты и приказал: «Пошли самых верных друзей своих в Понт²², дабы они привезли оттуда мое изображение. Царству твоему оно принесет счастье, а храму, где его поставят, — величие и славу». Едва юноша произнес эти слова, как огненный вихрь вознес его на небо. Встревоженный пророческим видением, Птолемей рассказал о нем египетским жрецам, опытным в толковании вещей снов. Те признались, однако, что почти ничего не слышали о Понте и народах, живущих за пределами Египта.

²⁰ *Птолемей I Сотер* (366—283 гг. до н. э.) — полководец Александра Македонского, получивший после смерти последнего в правление Египет и подерживавший греко-египетскую культуру. С этой точки зрения показательна приводимая Тацитом легенда, в которой Птолемей выступает как создатель синкретического культа Сараписа.

²¹ Александрия была основана в 331 г. до н. э.

²² Понтом, в широком смысле слова, называлась восточная часть южного побережья Понта Эвксинского, то есть Черного моря, составлявшая еще в I в. н. э. сильное самостоятельное государство. Последний царь его, знаменитый Митридат, умер в 63 г. до н. э., после чего Понт был превращен в римскую провинцию Вифинию. Часть понтийских земель, однако, была выделена Марком Антонием и позже Випсанием Агриппой в самостоятельное царство, переданное в 37 г. до н. э. под власть Полемона I в благодарность за услуги, оказанные им Риму, и известное под именем Полемонова Понта. Наследовавший Полемену Полемон II не сумел удержать владения отца, и после его смерти в 63 г. н. э. царство было также обращено в римскую провинцию.

Тогда Птолемей обратился к Тимофею, афинянину из рода Евмолпидов²³, которого он еще раньше вызвал из Элевсина²⁴, поручив руководить отправлением священных обрядов, и попросил его объяснить видение и истолковать волю божества. Тимофей расспросил людей, бывавших в Понте, и узнал от них, что есть в этих краях город, называемый Синопа²⁵, а недалеко от города — древний храм, известный у жителей под именем храма Юпитера Дита²⁶: в святилище, рядом со статуей самого божества, стоит и изображение женщины, которые многие считают Прозерпиной²⁷. Но Птолемей был царь и, как то свойственно царям, действовал быстро, лишь пока ему угрожала опасность; видя, что все кругом по-прежнему спокойно, он снова стал больше помышлять о развлечениях, чем о почитании богов, мало-помалу забыл о пророчестве и обратился к другим делам, как вдруг тот же юноша явился ему в еще более грозном облике и сказал, что, если царь не исполнит приказания, немедленная гибель ждет и его самого, и его царство. Жителями Синопы правил в ту пору царь Скидрофемид; Птолемей тут же отправил к нему послов с дарами, велел им по дороге посетить святилище Аполлона Пифийского²⁸. Плавание их было удачно, и бог сказал им вполне ясно, что они должны ехать и возвратиться с изображением его отца, статую же сестры оставить на прежнем месте²⁹.

²³ *Евмолпиды* — аттический жреческий род, из которого, в частности, происходили жрецы Элевсинской Деметры.

²⁴ *Элевсин* — город в 22 км от Афин, с которыми Элевсин был связан так называемой священной дорогой; в этом городе также находилось знаменитое святилище мистерияльного культа. (Прим. ред.)

²⁵ *Синопа* — город на черноморском побережье Турции, старейшая греческая колония, основанная жителями города Милета в 751 г. до н. э., впоследствии столица Понта.

²⁶ Под именем Дита Юпитер почитался как бог подземного царства.

²⁷ *Прозерпина* — римское имя Персефоны, богини плодородия и одновременно подземного царства. В качестве последней она была женой Аида, ассоциировавшегося у римлян с Дитом.

²⁸ *Аполлон Пифийский* — около Дельф Аполлон, по преданию, убил дракона Пифона, в честь которого получил прозвище Пифийского. В честь этой победы был сооружен дельфийский храм, знаменитый предсказаниями (оракулами) жрицы-пифии. (Прим. ред.)

²⁹ Греко-римский религиозный синкретизм привел к слиянию и переосмыслению многих мифов, в результате которого понятия отношения в пределах греко-римского пантеона не всегда легко. Персефона-Прозерпина, о которой идет речь, — жена Аида и тем самым Юпитера (Дита), но в то же время она дочь Зевса (то есть Юпитера) от Деметры и потому сестра Аполлона, сына Зевса от Леты.

84. Прибыв в Синопу, послы вручили Скидрофемиду подарки, передали ему просьбу Птолемея и умоляли его эту просьбу исполнить. Царь не знал, что делать, — веление божества приводило его в трепет, народ требовал, чтобы статуи никто не касался, и своим буйством внушал Скидрофемиду ужас; однако подарки и обещания послов делали свое дело, и он все больше склонялся на их сторону. Так прошло три года, в течение которых Птолемей не ослаблял своих усилий и не скупился на подношения; от него приезжали послы все более высокого ранга, росло число прибывавших из Египта кораблей, все увеличивался вес золота, которое они привозили. Грозная тень явилась Скидрофемиду, приказала не медлить долее и тотчас выполнить веление бога. Он продолжал колебаться. Тогда на него обрушились беды; начались болезни, гнев небес, день ото дня все более неумолимый, разразился над жителями Синопы. Царь собрал народ и стал говорить о велении божества, о видениях, которые явились ему и Птолемею, о несчастьях, все более свирепо терзавших Синопу. Жители не хотели слушаться царя; они ненавидели египтян, боялись за себя и кончили тем, что выставили у храма охрану. Поэтому и приходится так часто слышать, будто статуя сама поднялась на один из кораблей, стоявших у берега. Не меньшее удивление вызывает и та невиданная быстрота, с которой суда прошли огромное расстояние от Синопы до Египта: уже на третий день они появились в гавани Александрии. Святилище, размерами своими соответствующее величию города, было выстроено в месте, называемом Ракотис³⁰, где стоял старинный маленький храм, посвященный Сарапису и Исиде. Именно так рассказывают чаще всего о происхождении храма и о том, каким образом попала сюда статуя бога. Я знаю, что, по мнению некоторых, статуя была привезена сюда из сирийского города Селевкии³¹ в правление Птолемея, третьего царя с этим именем³². Есть также люди, считающие, что привез ее тот самый Птолемей, о котором шла речь выше, но не из Синопы, а из Мемфиса, твердыни Древнего Египта, пользовавшейся некогда громкой славой. Бога этого одни считают Эскулапом, так как он излечивает болезни, другие — Озирисом — древнейшим божеством Египта; многие говорят, что раз он правит всем

³⁰ Примыкающий к верфям район Александрии.

³¹ *Селевкия Пиэрийская* — приморский город и крепость в Сирии близ Антиохии.

³² Птолемей III Эвергет (247—221 гг. до н. э.).

сущим, то это должен быть Юпитер; большинство же видят в нем отца Дита, поскольку многие признаки указывают на это прямо, а другие могут быть истолкованы в таком же смысле.

Корнелий Тацит. Соч. в двух томах. Т. 2. История.
М.: Ладомир, 1993

ПОЛИБИЙ ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ В СОРОКА КНИГАХ

Полибий из Мегалополиса (ок. 200—120 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, сын влиятельного политического деятеля. Политик, командующий конницей ахейцев; после разрушения Коринфа принимал участие в организации нового провинциального управления ахейцев. Под влиянием Сципиона Младшего, слывшего ревностным поклонником эллинской культуры, стал почитателем римского величия и власти. Как историк стремился показать обретение Римом всемирного господства и формирование исторической миссии римлян в политической консолидации Средиземноморья в период распада древнегреческой государственной системы.

V

34. Птолемей (IV), прозванный Филопатором³³, немедленно после смерти отца погубил брата своего Магаса и его пособников и вступил в управление Египтом. Он полагал, что этой казнью и собственными силами освободил себя от домашних врагов, а от опасностей извне охранила его судьба, ибо по смерти Антигона³⁴ и Селевка власть наследовали Антигон и Филипп, цари совершенно юные, чуть не дети. Вот почему, рассчитывая на прочность тогдашнего положения, Птолемей время царствования проводил в веселье. Беспечный и трудно доступный для придворных и прочих чинов Египта, он был равнодушен и небрежен по отношению к людям, ведшим внеегипетские

³³ Птолемей IV Филопатор (ок. 240—204 гг. до н. э.).

³⁴ Антигон III Дозон («Желающий дать, но не дающий») (ок. 263/262—211 гг. до н. э.) — регент; 227—221 гг. до н. э. — македонский царь. В 224 г. захватил Пелопоннес. Афинский союз передал ему командование в войне против спартанского царя Клеомена III, которого Антигон разбил в 222 г. в битве при Селассии.

дела. Между тем предшественники его обращали на них не только не меньше, скорее больше внимания, нежели на управление Египтом. Потому-то они угрожали царям Сирии с суши и с моря, ибо владели Келесирией³⁵ и Кипром. Они зорко следили за владыками Азии, а равно за островами, ибо господствовали над важнейшими городами, областями и гаванями на всем морском побережье от Памфилии³⁶ до Геллеспонта³⁷ и до области Лисимахии. Они же наблюдали за делами Фракии и Македонии, так как во власти их были Эн, Маронея и города, далее лежащие. Таким образом, предшественники Птолемея далеко простирали свои руки и издалека ограждали себя этими владениями, поэтому им нечего было страшиться за власть над Египтом. Отсюда понятно, почему они обращали большое внимание на внешние владения. Ко всему этому теперешний царь относился небрежно, отдаваясь непристойной любви, неумеренным и непрерывным попойкам. Как и следовало ожидать, очень скоро нашлось много людей, которые злоумышляли на его жизнь и власть. Первым из них был спартанец Клеомен³⁸.

35. При жизни Птолемея, прозванного Эвергетом, с которым он был связан союзом и договором, Клеомен оставался спокойным в постоянном ожидании, что через него получит необходимую поддержку и возвратит себе царское наследство отцов. Но когда Эвергет умер и время уходило, а положение дел в Элладе чуть не по имени призывало туда Клеомена... тогда сей последний видел себя еще более вынужденным спешить и добиваться отъезда из Александрии. Прежде всего он обратился к царю с просьбой отослать его в Элладу с необходимыми запасами и войском, а когда царь не внял этому, Клеомен настойчиво просил отпустить его одного с собственными слугами, ибо, говорил он, теперешние отношения дают ему удобный случай возвратить себе отцовскую власть. Однако царь, вовсе не входивший в подобные дела и по объясненным выше причи-

³⁵ *Келесирия* — «Дольная Сирия», которая находилась между хребтами Ливан и Антиливан.

³⁶ *Памфилия* — малоазиатская область, располагавшаяся между Ликией и Киликией.

³⁷ *Геллеспонт* — совр. пролив Дарданеллы.

³⁸ *Клеомен III* — царь Спарты (235—222 гг. до н. э.); проводил конституционно-правовые преобразования, реорганизовал армию по македонскому образцу и перестроил систему воспитания спарганского юношества по принципам Ликурга. После поражения в битве при Селассии бежал в Египет и там покончил с собой.

нам беспечный относительно будущего, по простоте и глупости не обращал никакого внимания на все доводы Клеомена. Сосибий, в то время имевший наибольшее влияние на дела, и друзья его устроили совещание и приняли против Клеомена такого рода решение: не посылать его с флотом и запасами, ибо со смертью Антигона они пренебрегли внешними делами и расходы на них почитали напрасными. К тому же они опасались, что Клеомен, у которого со смертью Антигона не оставалось ни одного равносильного соперника, может быстро и без борьбы покорить своей власти Элладу и стать могущественным и грозным врагом египтян, тем более что положение дел в Египте он наблюдал сам вблизи, презирал царя, кроме того, знал, что многие части египетского царства находятся лишь в слабой связи с центром, весьма удалены от него и содержат в себе большие средства для военных предприятий. По этим-то причинам Сосибий и его друзья отвергали предложение Клеомена об отсылке его в Элладу с военными средствами. С другой стороны, пагубным казалось отпустить подобного человека, обиженного ими, явного недруга их и врага. Оставалось одно: удерживать его в Египте насильно. Но и это было отвергнуто тут же всеми без дальнейших рассуждений, так как они находили небезопасным запирать вместе в одной закуле льва и овец.

36. Больше всех боялся этого Сосибий, и вот по какой причине: в то время, как шла речь об умерщвлении Магаса и Береники³⁹, они опасались, что замысел может не удался, больше всего благодаря решимости Береники, а потому вынуждены были подкупать всех придворных лестью и обещаниями наград, если дело кончится благополучно. Принимая в соображение, что Клеомен нуждается в помощи царя, что, с другой стороны, он — человек умный и умудренный опытом, Сосибий старался задобрить его щедрыми обещаниями и посвятил его в свои замыслы. Клеомен видел, в какой тревоге пребывает Сосибий и как он больше

³⁹ *Береника* (греч. «Приносящая победу») — имя многих птолемеевских цариц и царевен. Здесь Береника II, дочь Магаса, царя Кирены. В 246 г. до н. э. стала супругой Птолемея III, после чего Кирена отошла к Египту. Во время похода Птолемея против сирийского царя Антиоха III Великого (223—187 гг. до н. э.) посвятила свои волосы Афродите; на следующий день волосы исчезли из храма, и астроном Конои из Самоса объяснил, что они превратились в созвездие.

всего боится иноземцев и наемников, и успокаивал его уверениями, что наемники не будут мешать ему, напротив, помогут еще. Обещание это сильно удивило Сосибия. Тогда Клеомен сказал: «Разве ты не видишь, что тысячи три иноземцев пелопоннесцы и почти тысяча — критяне? Одно мое мановение, и все они готовы к услугам. Раз они будут с тобой, кого тебе бояться? Быть может, — сказал он, — сириян и карийцев?»

Сосибию приятно было слышать это, и он с удвоенным рвением повел дело против Береники. Впоследствии при виде беспечности царя ему всегда припоминались эти слова и перед глазами его носились отвага Клеомена и привязанность к нему иноземцев. Вот почему теперь он больше всего внушал царю и наперсникам его, что, пока еще есть время, необходимо схватить Клеомена и заключить в тюрьму.

37. Исполнению этого замысла помогло следующее обстоятельство: был некий мессенец Никагора. По наследству от предков он был проксеном⁴⁰ лакедемонского царя Архидама. В прежнее время лица эти сносились друг с другом изредка. Но когда Архидам из страха перед Клеоменом бежал из Спарты и удалился в Мессению, Никагора не только радушно принял его в своем доме и удовлетворял все нужды его, но дальнейшее общение привело их к тесной дружбе и единомыслию. Поэтому впоследствии, когда Клеомен заронил в душе Архидама надежду на возвращение в Лакедемон и примирение, Никагора принял на себя посредничество по заключению договора между ними с обоюдными обязательствами. Когда условия были приняты, Архидам возвратился в Спарту, полагаясь на заключенный при посредстве Никагоры договор. Клеомен вышел навстречу ему, самого Архидама убил, но пощадил Никагору и прочих спутников царя. Для посторонних Никагора делал вид, будто за свое спасение чувствует признательность к Клеомену, но в душе он скорбел о случившемся, ибо почитал себя виновником гибели царя. Незадолго до описываемых нами событий Никагора прибыл с лошадьми в Александрию. При высадке с корабля он повстречался с

⁴⁰ *Проксен* (греч. «друг гостя») — гражданин какого-либо полиса, официально представляющий интересы другого полиса у себя на родине. Проксенция имела значение своеобразного дипломатического представительства. Из-за связанных с проксенией почетных прав эта обязанность пользовалась большим спросом. .

Клеоменом, Пантеем и вместе с ними с Гиппитой; они гуляли в гавани по плотине. При виде Никагоры Клеомен подошел к нему, ласково приветствовал и расспрашивал, что привело его в Александрию. Тот отвечал, что привез лошадей. Тогда Клеомен сказал: «Как бы хорошо было, если бы вместо лошадей ты привез с собой любовников и арфисток: теперешний царь занят этим всецело». В то время Никагора рассмеялся и замолчал; несколько дней спустя, ближе познакомившись с Сосибием по делу о лошадях, он передал ему только что приведенные слова Клеомена; а когда заметил, что Сосибий слушает его с удовольствием, Никагора рассказал все о давней неприязни своей к Клеомену.

38. Сосибий видел враждебное настроение Никагоры против Клеомена, и частью предложенными тут же подарками, частью обещаниями склонил его написать письмо с обвинением на Клеомена; затем, когда Никагора через несколько дней уедет отсюда, раб должен доставить ему, Сосибию, это письмо, как бы присланное самим Никагорой. Никагора сделал свое дело; по отплытии его из Александрии раб принес письмо Сосибию; сей последний тотчас вместе со слугой и с письмом в руках предстал перед царем. Слуга рассказал, что письмо оставлено ему Никагорой с приказанием вручить его Сосибию, а письмо гласило, что Клеомен намерен поднять восстание против царя, если только не будет отправлен в Элладу с достаточным войском и припасами. Сосибий тут же воспользовался случаем и подстрекнул его принять немедленные меры безопасности и заключить Клеомена под стражу, что и было сделано. Клеомену отвели какой-то очень большой дом, где и содержали его под надзором с тем только отличием от простых узников, что помещением для царя служила более просторная тюрьма. Положение в настоящем и ожидание мрачного будущего побуждали Клеомена испытать последнее средство не столько потому, что он рассчитывал на удачу предприятия — для этого у него не хватало средств, — сколько для того, чтобы умереть с честью и не претерпеть чего-либо недостойного его прежней отваги. Кроме того, Клеомена, как мне по крайней мере кажется, воодушевляла та же мысль и то самое желание, какими обыкновенно руководствуются гордые характеры:

Но не без дела погибну, в прах я паду не без славы,
Нечто великое сделаю, о чем и потомки услышат!

(Ил. XXII, 304)

39. Дождавшись отъезда царя в Каноб, Клеомен распустил молву между стражами, будто царь дарует ему вскоре свободу. По этому случаю сам он угощал своих слуг, а стражам послал жертвенного мяса, венков и вина. Ничего не подозревая, стража наслаждалась яствами и вином, а когда опьянела, Клеомен в сопровождении находившихся при нем друзей и собственных слуг вышел в полдень из заключения, не замеченный стражей; все были с кинжалами в руках. Проходя дальше, они повстречались на улице с Птоломеем, оставленным на это время в городе в звании начальника, и неожиданностью появления навели такой ужас на спутников Птолея, что самого его стащили с колесницы, запряженной четверней, лишили власти и народ призывали к свободе. Но предприятие было совершено неожиданно, и потому никто не слушал их и не присоединялся к восстанию. Тогда мятежники повернули в сторону и устремились к тюрьме с целью сломать ворота и соединиться с заключенными. Однако и этот план не удался, потому что начальники тюрьмы догадались и укрепили ворота. После этого они с мужеством, достойным спартанцев, наложили на себя руки. Так кончил дни Клеомен, человек искусный в обращении, способный к ведению государственных дел, словом, самой природой предназначенный в вожди и цари.

Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко.
М.: Е. К. Гербек, 1899

НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ВОЙНА

Автор этого трактата неизвестен. В древности пропововали называть или Оптия, или же Гирция, написавшего VIII книгу «Галльской войны». По многим признакам автор трактата был участником Александрийской войны.

4. Тем временем, как выше было указано, возникли раздоры между начальником ветеранов Ахиллой и младшей дочерью царя Птолея — Арсиной, причем оба они строили козни друг против друга и каждый стремился присвоить себе верховную власть. С помощью своего воспитателя, внуха Ганимеда, Арсиноя опередила Ахиллу и приказала убить его. После его смерти она одна, без товарищей и без опеки, держала в своих руках всю власть. Войско было

передано Ганимеду. Последний, взяв на себя эту должность, увеличил подарки солдатам, но всем остальным руководил с такой же бдительностью, как Ахилла.

5. Почти вся Александрия подрыта и имеет подземные каналы, которые идут к Нилу и проводят воду в частные дома, где она мало-помалу осаживается и очищается. Ее употребляют домохозяева и их челядь; ибо та вода, которая идет прямо из Нила, до того илиста и мутна, что вызывает много различных болезней. Но тамошний простой народ и вообще все население по необходимости довольствуются ею, так как во всем городе нет ни одного источника. Но эта река находилась в той части города, которая была в руках александрийцев. Это навело Ганимеда на мысль, что римлян можно отрезать от воды; будучи распределены для охраны укреплений по кварталам, они брали воду из каналов и водоемов частных домов.

6. Его план был одобрен, и он теперь приступил к этому трудному и важному делу. Прежде всего он приказал заложить подземные каналы и отгородить все части города, которые занимал сам. Затем по его распоряжению начали энергично выкачивать массу воды из моря вальками и машинами и непрерывно пускать ее с верхних местностей в ту часть, где был Цезарь. Вследствие этого вода, которую там добывали из ближайших домов, стала солонее обыкновенного, и люди очень изумлялись, почему это случилось. Но они не доверяли самим себе, так как жившие ниже их говорили, что вода, ими употребляемая, сохранила прежнее качество и вкус; поэтому они вообще стали сравнивать ту и другую воду и определять ее разницу на вкус. Но через короткое время ближайшая к неприятелю вода стала совсем негодной к употреблению, а вода в нижних местах оказывалась испорченной и более соленой.

7. Когда, таким образом, были устранены все сомнения, то солдатами овладел такой страх, что все стали считать себя стоящими на краю гибели, некоторые упрекали Цезаря за то, что он медлит с приказом садиться на корабли, другие боялись худшего, ввиду того, что приготовлений к бегству нельзя было скрыть от александрийцев, которые так близко от них находились, да и отступление на корабли

оказалось совершенно невозможным, когда те стали бы наседать и преследовать их.

В части, занимаемой Цезарем, было много горожан, которых он не выселил из их домов, так как они наружно притворялись верными нам и казались изменившими своим. (Но, по моему мнению, если бы пришлось защищать александрийцев от обвинения в лживости и легкомыслии, то много слов было бы потрачено попусту, стоит только познакомиться с их национальными и природными свойствами, и тогда ни для кого не останется уже сомнения в чрезвычайно большой способности этого народа к предательству.)

8. Цезарь старался уменьшить страх своих людей утешениями и ободрениями: пресную воду можно добыть, если вырыть колодцы, так как все морские берега имеют от природы пресноводные жилы. Если же египетский берег по своим природным свойствам отличается от всех других, то ведь римляне беспрепятственно владеют морем, а у неприятеля нет флота; следовательно, им нельзя помешать добывать воду морским путем — или слева, из Паретония, или справа, с острова; так как оба эти рейса направляются в разные стороны, то противные ветры никоим образом не могут одновременно сделать их неосуществимыми. О бегстве нечего и думать не только людям, занимающим первые ранги, но даже и тем, которые помышляют исключительно о спасении своей жизни. Очень трудно выдерживать атаки неприятелей уже теперь, укрываясь за укреплениями; если же оставить эти укрепления, то нельзя будет сравняться с неприятелем ни по численности, ни по позициям. Посадка на корабли трудна и требует много времени, особенно с лодок; александрийцы же очень проворны и хорошо знают местность и дома и, таким образом, помешают нашим бежать на корабли. Поэтому лучше забыть об этом плане и думать только о том, что надо во что бы то ни стало победить.

9. Снова подняв такой речью мужество солдат, Цезарь поручил центурионам временно оставить все другие работы, обратить все внимание на рытье колодцев и не прекращать его даже ночью. Все взялись за дело, напрягши свои усилия, и в одну ночь открыли пресную воду в большом количестве. Таким образом, все хлопотливые ухищрения и сложные попытки александрийцев были парализованы

кратковременным трудом. Через два дня после этого пристал к берегам Африки, несколько выше Александрии, посаженный на корабли Домицием Кальвином 37-й легион из сдавшихся Помпеевых солдат, с хлебом, всякого рода оружием и метательными машинами. Эти корабли не могли подойти к гавани из-за восточного ветра, дувшего много дней подряд; но вообще там вся местность очень удобна для стоянки на якоре. Однако так как экипаж надолго задержался и начал страдать от недостатка воды, то он известил об этом Цезаря, послав к нему быстроходное судно.

10. Желая принять самостоятельное решение, Цезарь сел на корабль и велел всему флоту следовать за собой, но солдат с собой не взял, так как предполагал отплыть на довольно большое расстояние и не хотел оставлять укрепления беззащитными. Когда он достиг так называемого Херсонеса и высадил гребцов на сушу за водой, то некоторые из них в поисках добычи зашли слишком далеко от кораблей и были перехвачены неприятельскими всадниками. Те узнали от них, что Цезарь сам лично пришел с флотом, но солдат у него на борту нет. Это известие внушило им уверенность, что сама судьба дает им очень благоприятный случай отличиться. Поэтому александрийцы посадили на все готовые к плаванию корабли солдат и вышли со своей эскадрой навстречу возвращавшемуся Цезарю. Он не желал сражения в этот день по двум причинам: во-первых, у него совсем не было на борту солдат; во-вторых, дело было после десятого часа дня, а ночь, очевидно, прибавила бы самоуверенности людям, полагавшимся на свое знание местности; между тем для него оказалось бы недействительным даже крайнее средство — ободрение солдат, так как всякое ободрение, которое не может отличить ни храбрости, ни трусости, не вполне уместно. Поэтому он приказал все корабли, какие только можно было, вытащить на сушу там, куда, по его предположениям, не могли подойти неприятели.

11. На правом фланге у Цезаря был один родосский корабль, находившийся далеко от остальных. Заметив его, враги не удержались и, в числе четырех палубных и нескольких открытых кораблей, стремительно атаковали его. Цезарь принужден был подать ему помощь, чтобы не подвергнуться на глазах неприятелей позорному оскорблению, хотя и признавал, что всякое несчастье, которое мо-

жет с ним случиться, будет заслуженным. В начавшемся затем сражении родосцы проявили большой пыл: они вообще во всех боях отличались своей опытностью и храбростью, а теперь в особенности не отказывались принять на себя всю тяжесть боя, чтобы устранить разговоры о том, что урон понесен по их вине. Таким образом, сражение завершилось полным успехом. Одна неприятельская квадрирама была взята в плен, другая потоплена, две лишились всего своего экипажа; кроме того, и на остальных кораблях было перебито множество солдат. И если бы ночь не прервала сражения, то Цезарь овладел бы всем неприятельским флотом. Это поражение навело ужас на неприятелей, и Цезарь со своим победоносным флотом, при слабом противном ветре, отвел на буксире грузовые корабли в Александрию.

Пер. и коммент. М. М. Покровского.
М.: АН СССР, 1962

СТРАБОН ГЕОГРАФИЯ

Страбон (греч. Strabon — Косой) (ок. 64—63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) — греческий географ и историк из понтийской Амасии. Происходил из знатной семьи. Несмотря на то что Страбон посетил Египет ок. 25—24 г. до н. э. (поднялся вверх по Нилу до Сиены и до острова Филе на нубийской границе), бóльшая часть приведенной им информации (не только о Египте) заимствована из многочисленных письменных источников, в том числе из произведений Эратосфена, Артемидора Эфесского, Полибия, Посидония. География для Страбона — часть философии. Труд Страбона интересен не только с географической, но и с исторической, мифографической и культурно-исторической точек зрения. Это единственное из античных произведений такого рода, которое дошло до нас почти полностью. С ним можно сравнить лишь математическую географию Птолемея («Руководство по географии»).

I

5. Древние писатели основывались главным образом на догадках, но позднейшие, став очевидцами, установили, что Нил наполняется от летних дождей, когда происходит наводнение в Верхней Эфиопии, особенно в ее самой отда-

ленной горной области, и что после прекращения дождей постепенно прекращается и наводнение. Это обстоятельство стало совершенно очевидным тем, кто плывал в Аравийском заливе вплоть до Страны корицы, и людям, посылаемым охотиться на слонов (или по каким-нибудь другим делам, которые побуждали египетских царей Птолемеев отправлять туда людей). Ведь эти цари интересовались подобными вещами, в особенности Птолемей, прозванный Филадельфом, так как он отличался любознательностью и в силу телесной немощи постоянно искал новых развлечений и увеселений. Однако древних царей это не особенно интересовало, хотя как и сами они проявляли благожелательное отношение к науке, так и жрецы, с которыми цари проводили большую часть своей жизни. Поэтому приходится удивляться не только этому, но и тому обстоятельству, что Сесострис прошел всю Эфиопию вплоть до Страны корицы и памятники его похода — стелы и надписи — показывают еще и теперь. Когда Камбис овладел Египтом, он достиг вместе с египтянами даже Мероз; и действительно, как говорят, он дал это имя острову и городу, потому что сестра его (иные говорят, что жена⁴¹) умерла там. Во всяком случае, он назвал это место в честь женщины. Поэтому представляется странным, как же у людей того времени, которые обладали сначала такими сведениями, не было вполне ясного представления о причинах дождей, в особенности потому, что жрецы довольно старательно заносили в свои священные книги и сохраняли там все, что обнаруживает их замечательные знания. Ведь если они вообще занимались наукой, то должны были изучать и этот вопрос, который изучается еще и теперь: почему же, наконец, дожди выпадают летом, а не зимой, и в самых южных частях, а не в Фиваиде и в области около Сиены? Но то обстоятельство, что разлив реки происходит от дождей, не подлежит изучению, и этот вопрос не требует таких свидетелей, о которых упоминает Посидоний. Например, он говорит, что Каллисфен считает летние дожди причиной разливов, хотя Каллисфен заимствовал это утверждение у Аристотеля, Аристотель же — у Фрасиалка Фасосца (одного из древних физиков), а Фрасиалк — у кого-то другого, а этот последний у Гомера, который называет Нил «бегущим с неба»:

Снова к Египту, к земле бегущего с неба потока
[Корабли я направил].

(Од. IV, 581)

⁴¹ По Диодору (I, 33), мать.

Однако я отказываюсь от обсуждения этого вопроса, так как им занимались уже многие писатели; из них достаточно указать только двоих (которые в мое время написали книгу о Ниле), именно Евдора и перипатетика Аристона; ведь, за исключением композиции, все остальное у этих писателей в смысле стиля и аргументации одинаково... Таким образом, древние писатели называли Египтом только одну часть страны — обитаемую и орошаемую Нилом, начиная с Сиенской области до моря; позднейшие авторы вплоть до нашего времени прибавили на восточной стороне почти все части между Аравийским заливом и Нилом (эфиопы вовсе не плавают по Красному морю); на западной стороне — части, простирающиеся до оазисов и на побережье от Канобского устья до Катабафма и владений киренцев. Ибо цари после Птолемея⁴² достигли такого могущества, что овладели самой Киренаикой и даже присоединили к Египту Кипр. Римляне, которые стали наследниками Птолемеев, отделили их владения и сохранили за Египтом его прежние границы.

8. По очертанию территория города (то есть Александрии. — С. А.) похожа на хламиду⁴³; длинные стороны ее, имея диаметр приблизительно в 30 стадий, с двух сторон омываются водой; короткие же стороны представляют перешейки в 7 или 8 стадий ширины каждый, ограниченные с одной стороны морем, а с другой — озером. Весь город пересечен улицами, удобными для езды верхом и на колесницах, и двумя весьма широкими проспектами, более плевфра шириной, которые под прямыми углами делят друг друга пополам. Город имеет прекрасные священные участки, а также царские дворцы, которые составляют четверть или даже треть всей территории города. Подобно тому как всякий царь из любви к пышности обычно прибавлял какое-нибудь украшение к фамильным памятникам, так он воздвигал на собственные средства дворец вдобавок к уже построенным, так что сюда относятся слова поэта:

Одно [здание] за другим идет следом.

(Од. XVII, 266)

Все дворцы тем не менее соединены друг с другом и с гаванью, даже те, которые расположены вне гавани. Мусей⁴⁴

⁴² Птолемей I Сотера (323—285 гг. до н. э.).

⁴³ *Хламида* — македонский военный плащ.

⁴⁴ Букв. «храм Муз» — общежитие ученых и помещение для ученых занятий.

также является частью помещений царских дворцов; он имеет место для прогулок, «экседру» и большой дом, где находится общая столовая для ученых, состоящих при Мусее. Эта коллегия ученых имеет не только общее имущество, но и жреца — правителя Мусея, который прежде назначался царями, а теперь — Цезарем. Частью дворцовых помещений царей является так называемая Сема. Это была ограда, где находились гробницы царей и Александра. Ведь Птолемей, сын Лага, успел отнять у Пердикки тело Александра⁴⁵, когда тот перевозил его из Вавилона и свернул в Египет, движимый алчностью и желанием присвоить себе страну. Кроме того, Пердикка погиб, убитый своими воинами, в то время когда Птолемей напал на него и запер на пустынном острове. Таким образом, Пердикка был убит, пронзенный сариссами⁴⁶ своих воинов, когда те напали на него; находившиеся с ним цари — Аридей и дети Александра, а также Роксана, супруга Александра, были отправлены в Македонию; Птолемей же перевез тело Александра и предал погребению в Александрии, где оно находится еще и теперь⁴⁷, однако не в том же саркофаге, как раньше, ибо теперешний гроб из прозрачного камня, тогда как Птолемей положил тело в золотой саркофаг. Похитил саркофаг Птолемей, прозванный «Коккесом»⁴⁸ и «Парисактом»⁴⁹, который прибыл из Сирии, но был тотчас изгнан, так что похищение оказалось для него бесполезным.

11. Птолемей, сын Лага, был преемником Александра; Птолемею наследовал Филадельф, Филадельфу — Эвергет; затем следовал Филопатор, сын Агафоклеи. Далее Эпифан и Филометор, причем сын всегда наследовал отцу; Филометору наследовал брат, второй Эвергет, которого называли также Фисконом; преемником последнего был Птолемей, прозванный Лафуrom⁵⁰; Лафуру же наследовал Авлет уже в наше время, который был отцом Клеопатры. Все ца-

⁴⁵ Другие историки (Диодор и Псевдо-Каллисфен) сообщают различные версии.

⁴⁶ Длинное копье до шести метров длиной. (Прим. сост.)

⁴⁷ Октавиан Август при посещении Александрии еще видел саркофаг и тело Александра (Светоний. Август 18; Дион. II, 16).

⁴⁸ «Багрыйный».

⁴⁹ «Незаконный претендент», «узурпатор» — вероятно, Птолемей XI.

⁵⁰ То есть Птолемей VII. Страбон в своем перечислении пропускает Птолемя IX и Птолемя X, которые, по-видимому, не значились в официальном списке законных царей.

ри после третьего Птолемея, испорченные жизнью в роскоши, управляли государственными делами хуже своих предшественников, но хуже всех четвертый, седьмой и последний — Авлет⁵¹; он, помимо беспутного образа жизни, играл на флейте, аккомпанируя хорам, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце; на этих состязаниях он вступал в соревнование с соперниками. Александрийцы, однако, изгнали его. Так как из трех дочерей царя только одна, старшая, являлась законной, то ее и провозгласили царицей⁵²; однако два его малолетних сына⁵³ были тогда совершенно устранены от власти. После ее вступления на престол в мужья царице пригласили некоего Кибисакта⁵⁴ из Сирии, который претендовал на происхождение от сирийских царей. Царица, однако, уже через немного дней велела задушить этого человека, не будучи в состоянии переносить грубость и низость его характера; вместо него явился человек, который также выставлял себя сыном Митридата Эвпатора; это был Архелай, сын Архелая, воевавшего против Суллы, который после того получил почести от римлян; он был дедом последнего царя, правившего каппадокийцами уже в наше время, и жрецом в Команах на Понте. В то время он жил вместе с Габинием, собираясь отправиться с ним в поход против парфян; тайно от Габиния какие-то люди привели его к царице и провозгласили царем⁵⁵. Тем временем Помпей Великий, приняв Авлета, который прибыл в Рим, рекомендовал его сенату и добился не только его восстановления на престоле, но даже смерти большей части послов (числом 100), которые участвовали в посольстве против него; среди этих послов находился Дион, философ-академик, ставший главным послом. Таким образом, восстановленный Габинием на престоле Птолемей убил не только Архелая, но и собственную дочь. Прибавив немного времени к годам своего царствования, Птолемей скончался от болезни; он оставил двоих сыновей и двоих дочерей; старшей из них была Клеопатра. Александрийцы провозгласили царями старшего из мальчиков и Клеопатру; однако сторонники мальчика подняли восстание и изгнали Клеопатру, и она вместе с сестрой отплыла в Сирию.

⁵¹ «Флейтист».

⁵² По Диону Кассию (XXIX, 13), ее звали Береникой.

⁵³ Будущие Птолемей XII и Птолемей XIII.

⁵⁴ Прозвище «Торговец соленой рыбой». Дион (XXIX, 57) называет его «каким-то Селевком».

⁵⁵ Он царствовал всего шесть месяцев и пал в битве с Габинием.

В это время Помпей Великий, спасаясь бегством из Палефарсала, прибыл в Пелусий и к горе Касию. Сторонники царя изменнически убили Помпея; прибыв в Египет, Цезарь велел убить подростка-царя, затем он вызвал Клеопатру из изгнания и сделал ее царицей Египта; в соправители ей он назначил оставшегося еще в живых брата, хотя он был очень молод. После смерти Цезаря и битвы при Филиппах⁵⁶ Антоний переправился в Азию; он окружил Клеопатру еще большими почестями, избрал ее даже себе в жены и имел от нее детей; вместе с ней Антоний вступил в битву при Акциуме и вместе с ней бежал. После этого Август Цезарь, следуя за ними по пятам, уничтожил их обоих и положил конец пьянству и распутству властителей Египта.

16. На правой стороне, если выйти из Канобских ворот, находится канал, соединяющийся с озером и ведущий к Канобу; по этому каналу совершается плавание не только к Схедии, к большой реке, но также к Канобу, однако сначала к Элевсину. Элевсин — это поселение поблизости от Александрии и Никополя, расположенное на самом Канобском канале; в нем есть беседки и вышки с открывающимися оттуда красивыми видами для желающих кутить, как мужчин, так и женщин; это как бы начало «канобской» жизни⁵⁷ и принятого там легкомыслия.

17. Каноб — это город в 120 стадиях от Александрии, если следовать по суше, названный по имени умершего здесь кормчего Менелая Каноба. В городе находится храм Сарписа, окруженный большим почетом и производящий такие исцеления, что даже самые уважаемые люди верят в его целительную силу и либо сами спят там для своей пользы, либо заставляют спать других. Некоторые записывают случаи излечения, другие же — высокие достоинства здешних оракулов. Но прежде всего удивительное зрелище представляет толпа людей, спускающаяся вниз по каналу из Александрии на всенародные празднества. Ибо каждый день и каждую ночь народ собирается толпами на лодках, играет на флейтах и предается необузданным пляскам с крайней распущенностью, как мужчины, так и женщины; в

⁵⁶ 42 г. до н. э.

⁵⁷ Роскошная жизнь в Канобе вошла в поговорку.

веселье участвуют и жители самого Каноба, которые содержат расположенные на канале гостиницы, приспособленные для отдыха и увеселений подобного рода.

19. В глубине страны над Себеннитским и Фатнитским устьями (Нила. — С. А.) лежит Ксоис — остров и город в Себеннитском номе. Здесь находятся Гермуполь, Ликополь и Мендес, где почитают Пана, а из животных — козла; как говорит Пиндар, козлы здесь имеют сношения с женщинами:

Мендес у крутого морского утеса,
Крайний Нила рог, где с женами
Как супруги — козлы сходятся.

33. Отойдя от города (Мемфиса. — С. А.) 40 стадий, достигнем горного плато; на нем расположено много пирамид — гробниц царей; особенно замечательны две-три из них, их тоже причисляют к семи чудесам света; ведь они достигают стадии в высоту, четырехугольные по форме, а их высота немного больше длины каждой из сторон; одна⁵⁸ из них только немного больше другой⁵⁹. Наверху, приблизительно посредине между сторонами, находится камень, который можно вынимать; если камень поднять, то открывается извилистый проход к гробнице. Эти пирамиды стоят поблизости одна от другой на одинаковом уровне; но далее, на большой высоте горного плато, стоит третья пирамида, гораздо меньше первых двух, хотя для ее сооружения потребовалось гораздо больше средств, ибо от самого основания и почти до середины она построена из черного камня, из которого делают ступки, причем камень доставляют издалека — с гор Эфиопии; вследствие своей твердости и трудности обработки этот материал сильно удорожает строительство. Пирамида эта называется «Гробницей гетеры»; она построена любовниками гетеры, которую Сапфо⁶⁰, мелическая поэтесса, называет Дорихой, возлюбленной ее брата Харакса, привозившего в Навкратис на продажу лесбосское вино; другие же называют ее Родопис⁶¹. Они рассказывают мифическую историю о том,

⁵⁸ Пирамида Хеопса.

⁵⁹ Пирамида Хефрена.

⁶⁰ Выдающаяся поэтесса античности, которую называли десятой музой. Среди ее подражателей были Катулл и Гораций.

⁶¹ Геродот II, 134—135.

что во время купания орел похитил одну из сандалий Родопис у служанки и принес в Мемфис; в то время когда царь производил там суд на открытом воздухе, орел, паря над его головой, бросил сандалию ему на колени. Царь же, изумленный как прекрасной формой сандалии, так и странным происшествием, послал людей во все стороны на поиски женщины, которая носила эту сандалию. Когда ее нашли в городе Навкратисе и привезли в Мемфис, она стала женой царя; после кончины царица была удостоена погребения в вышеупомянутой гробнице.

43. У древних искусство предсказания и в особенности оракулы были в большом почете; теперь же господствует большое пренебрежение к ним, так как римляне довольствуются оракулами Сивиллы и тирренскими предсказаниями по внутренностям животных, по полету птиц и небесным знамениям. Поэтому и оракул в Амоне также почти что заглох, в то время как прежде он был в большом почете. Яснее всего доказывают это писатели, описывавшие подвиги Александра; хотя они и прибавляли много лести, но все же сообщали кое-что, достойное доверия. Каллисфен говорит, что жажда славы побудила Александра подняться вверх по Нилу к оракулу, так как он слышал о том, что в прежние времена Персей и Геракл совершили такое путешествие. Александр выступил из Паретония и попал в полосу южных ветров, но был вынужден продолжать путь, сбившись затем с пути от поднявшихся облаков летучего песка; он был спасен наступившими ливнями и двумя воронами, которые указали ему дорогу. Этот рассказ уже является лестью, такого же рода и следующий о том, что жрецы разрешили только одному царю войти в храм в обычной одежде; остальные же должны были переодеться и (кроме Александра) слушать изречения оракула, находясь вне храма, и только он — из храма. Ответы оракула давались не словами, как в Дельфах и у Бранхидов⁶², но большей частью кивками и знаками, как у Гомера:

Рек и во знаменье черными Зевс помавает бровями.

(Ил. I, 528)

Причем прорицатель принимал на себя роль Зевса. Однако прорицатель в точных выражениях сказал царю,

⁶² Этот оракул находился в Дидимах близ Милета.

что он — сын Зевса. К этому рассказу Каллисфен прибавляет, подобно трагическому поэту, еще следующее: после того как Аполлон покинул оракул у Бранхидов, с тех пор как святилище было разграблено Бранхидами (которые во времена Ксеркса⁶³ держали сторону персов), иссяк и источник; однако с прибытием Александра не только источник вновь появился, но и милетские послы доставили в Мемфис много изречений оракула относительно рождения Александра от Зевса, о предстоящей победе около Арбел, кончине Дария и попытках восстания в Лакедемоне. Каллисфен говорит, что Эритрейская Афинаида также возвестила о божественном происхождении Александра, ибо, по его словам, эта пророчица была похожа на древнюю Эритрейскую Сивиллу. Таковы рассказы историков.

II

5. Верно известие Геродота⁶⁴ о том, что у египтян в обычае месить глину руками, а тесто для хлебопечения — ногами. Таюже какис⁶⁵ — особый сорт хлеба, действующий как закрепляющее средство для желудка, и кики⁶⁶ — род плода, который сажают на полях; из него выжимают масло, отчасти употребляемое почти всеми жителями страны в святильниках, отчасти же служащее для смазывания тела у самой бедной части населения и занимающейся тяжелой работой, как у мужчин, так и женщин. <...> Один из наиболее ревностно соблюдаемых египтянами обычаев следующий: они выкармливают всех новорожденных детей; таюже подвергают обрезанию мальчиков, а девочек — вырезанию, как это в обычае и у иудеев; ведь эти последние таюже египетского происхождения, как я уже сказал в моем описании их страны⁶⁷.

Пер. Г. А. Стратановского.
М.: Наука, 1964

⁶³ *Ксеркс* — персидский царь с 486 по 465 г. до н. э., вступил на трон во время восстаний в Египте и Вавилонии. Пал от рук заговорщиков.

⁶⁴ Геродот II, 36.

⁶⁵ Это название встречается только один раз и только у Страбона.

⁶⁶ *Кики* — плод клещевины *Ricinus communis*, из которого добывается касторовое масло.

⁶⁷ Страбон XVI, II, 34.

ПАПИРУС КАРЛСБЕРГ XIII.
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ СОННИК

Папирус Карлсберг XIII был записан около 100 г. н. э. *Изначально этот памятник был значительно длиннее, но, к сожалению, не сохранился в полном объеме. Текст читается справа налево. Папирус Карлсберг XIII был размечен точками, а затем расчерчен по линейке параллельными горизонтальными линиями, разделенными посередине вертикальной чертой: справа записывались мотивы сновидений, а после разделителя — их толкование. Оба памятника построены так, как обычно составлялись эти весьма распространенные тексты предзнаменований: описание сновидения в форме условного предложения с последующим толкованием в будущем времени. Длина строки приблизительно равна 11 см. В примечаниях использованы следующие сонники: Achmes. Achmetis Oneirocriticon. Lipsiae, 1925; A. Boissier. Choix de textes relatifs a la divination Assyro-Babylonienne. Geneve, 1906. Vol. II; A. Oppenheim A. L. The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East. Philadelphia, 1956; Артемидор Далдианский. Онейрокритика. Пер. с др.-греч. М. Л. Гаспарова, В. С. Зилитинкевич. М., 2000; Маллицкий Н. Г. Мусульманский сонник. Казань, 1902; Псевдо-Даниил. Сонник / Пер., вступ. ст. и прим. Т. И. Самойленко // Вестник древней истории. 1999. № 1.*

b,2	1	Если человеку приснится, что он сидит на весах, ждет его плохой конец ⁶⁸ .
		Если человеку приснится, что он сидит на циновке, испытает он страх.
		Если человеку приснится, что ему дают нечто в залог, это означает для него: «не будет тебе вреда» ⁶⁹ .
		Если человеку приснится, что нечто [опустилось?] на его голову, испытает он страх.
	5	Если человеку приснится, что его бьют по щекам, дочь его будет красива ⁷⁰ .
		Если человеку приснится, что он обтесывает бревно, родится у него (ребенок) ⁷¹ .
		Если человеку приснится, что он [задрал] ногу на голову, достигнет он долгих лет и прекрасной старости.
		Если человеку приснится, что он подносит к носу цветок, будет он господином людей ⁷² .
		Если человеку приснится, что он натягивает лук, [целься] в ихневмона ⁷³ , станет он обладателем имущества.

		<i>Виды сонитий, которые человек видит во сне, [когда это] снится женщине⁷⁴</i>
15		Если женщине приснится, что она совокупляется со своим мужем, будет ей дан развод ⁷⁵ .
		Если женщине приснится, что она обнимает (своего) мужа, познает она печаль.
		Если женщине приснится, что с ней совокупляется мышь ⁷⁶ , воздастся ей от мужа ее ...
		Если женщине приснится, что с ней совокупляется конь ⁷⁷ , случится ей претерпеть насилие от своего мужа.
		Если женщине приснится, что с ней совокупляется земледелец, получит она [прибыль?] от земледельца.
20		Если женщине приснится, что она совокупляется с ослом ⁷⁸ , подвергнется она наказанию за великий грех.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с козлом ⁷⁹ , смерть ее близка.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с бараном ⁸⁰ , получит она награду от царя.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с диким животным, познает она нищету ⁸¹ .
		Если женщине приснится, что она совокупляется с волком ⁸² , получит она прибыль от ремесленника.
25		Если женщине приснится, что она совокупляется со львом ⁸³ , узрит она красоту.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с крокодилом ⁸⁴ , смерть ее близка.
		Если женщине приснится, что она совокупляется со змеей ⁸⁵ , получит она мужа, который будет с ней суров, и она заболет.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с павианом ⁸⁶ , будет она делать добро [другим] людям, но не самой себе.
30		Если женщине приснится, что она совокупляется с ибисом, то дом, отданный [за ней] в приданое, перейдет в ее собственность.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с соколом, то судьба ее и ее [детей ?] будет [обеспечена].
		Если женщине приснится, что она совокупляется с птицей, ее соперница возьмет над ней верх.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с женщиной ⁸⁷ , познает она нищету и ее ребенок будет...
		Если женщине приснится, что она совокупляется с варваром, получит она мужа, [но] скоро умрет.
35		Если женщине приснится, что она совокупляется с сирійцем, случится ей плакать, [а после этого] отдастся она своему прислужнику.

		Если женщине приснится, что она совокупляется с чужеземцем, случится ей плакать, [а после этого] даст она ложную клятву и будет рада всякому, кто придет к ней, а ее муж возьмет себе другую жену.
		Если женщине приснится, что она совокупляется с незнакомцем, будут ее искать, но не найдут.
	40	Если женщине приснится, что она совокупляется со своим сыном, сын ее из-за нее разорится ⁶⁸ .

Пер. и коммент. С. В. Архиповой.
Volten A. Demotische Traumdeutung (Papyrus Carlsberg XIII und XIV verso). Kopenhagen, 1942

⁶⁸ Крупные веса для взвешивания значительных грузов. Этим же словом обозначались веса, на которых взвешивали душу умершего в царстве мертвых на суде Осириса.

⁶⁹ У греческих снотолкователей имелся сюжет заимодавца, но, как и в предыдущем случае, он был значительно расширен: «Деньги, взятые займы, означают не что иное, как жизнь: ведь своей жизнью мы обязаны природе, творцу всего сущего, так же как деньгами — заимодавцу. Поэтому заимодавец, явившийся во сне больному и требующий отдать долг, означает опасность, а если он хоть часть долга получил, это грозит смертью. Кончина заимодавца предвещает избавление от забот и печалей. Кроме того, заимодавец означает дочь, потому что дочь всегда требует расходов, а когда, наконец, ее с великим трудом вырастят, покидает родителей, унося с собой приданое. Для раба, отпущенного на заработки, заимодавец означает господина, требующего оброк. То же, что и заимодавец, означает и сборщик платы за жилье» (Артемидор III, 41).

⁷⁰ У греков изначально, возможно, существовал сходный мотив, но затем он был изменен (разделен) и не получил дальнейшего развития. Вместо мотива удара по щеке налицо мотив битья, который уводит в сторону от первоначального сюжета: «Щеки иметь полные всем к добру, а особенно женщине» (Артемидор I, 28); и далее: «Быть битым нехорошо от богов, покойников и своих подначальных, а от всех остальных — к добру. Когда бьют рукой или палкой — это к добру, а не к добру, когда ремнем (потому что остаются синяки) или тростиной (потому что бывает много шума). От кого битому достаются удары, от того будет ему и помощь» (Артемидор II, 48). Мотив битья, который предвещает сновидцу добро, был известен и в Византии: «Быть биту — добро означает» (Псевдо-Даниил, 256).

⁷¹ В ассиро-вавилонской мантике видение во сне плотничьих работ не предвещало сновидцу ничего хорошего: так, если человек изготовлял дверь, делал стул, кровать, стол или лодку — им мог овладеть «злой демон»; если во сне он видел себя плотником, его ожидали смущение сердца и убыль имущества (A. L. Oppenheim. *The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East. The Assyrian Dream-book*. Philadelphia, 1956. P. 263). В античную эпоху, напро-

тив, строительные и плотничьи инструменты (особенно угломер, уровень и отвес) стали считаться символами праведной жизни (Pseudoasop. Carm. III, 15,2) и как таковые нередко изображались в Галлии и Италии на алтарях и надгробиях. Ср. у византийцев: «Ходить по дрова — прибыль означает» (Псевдо-Даниил, 381). Согласно Артемидору, сон о плотничьем ремесле благоприятен для всех, кто старается жить праведно (Артемидор I, 51). Возможно, именно эта традиция оказала влияние на представление о том, что Иосиф, земной отец Христа, был плотником. В пользу такого мнения свидетельствуют, в частности, языковые данные. Например, согласно исследованиям И. Ф. Фихмана (*Фихман И. Ф.* Оксиринх — город папирусов. М., 1976), в первые века нашей эры наиболее распространенным обозначением работника по дереву было *táktwn* (плотник; строитель, мастер; создатель, творец). А. Д. Вейсман, составитель «Греческо-русского словаря» (М., 1991, указывает на родство этого слова с глаголом *t...ktw* (рожать, производить на свет), а следовательно, с производным от него существительным *Ἰ τέκον* (отец, родитель). Отсюда паронимазия *táktwn* (плотник, творец, создатель) — *τέκον* (отец).

⁷² Ср. у Ибн Сирина: «Тот, кто увидит, будто берет розу и нюхает ее — то это благо и добрая хвала. То же самое о базилике» (Ибн Сирин VI, 7). Греческие толкователи разделяли мотив цветов и мотив носа, относя их к разным рубрикам, хотя в первом случае внимание толкователя было обращено на процесс дыхания: «Нос иметь красивый и правильный всем к добру. Ведь это означает тонкое чутье, предусмотрительность в делах, знакомство с достойными людьми. Ведь вдыхая носом воздух, люди чувствуют себя лучше» (Артемидор I, 27). В Византии был известен сходный мотив: «Дерево цветущее увидеть — всякому благо» (Псевдо-Даниил, 127).

⁷³ О символике лука в древности см., например, прим. 12 к папирусу Честер Бити III. Ихневмон по египетским религиозным представлениям был связан с культом слепого бога Хора Летопольского, «владыки воплощенный в Дуате», то есть в загробном мире. На монетах летопольского нома эпохи римских императоров был изображен ихневмон с солнечным диском на голове. Это животное считалось также воплощением Ра-Атума в Гелиополе. В одном из магических текстов говорится, что Ра превратился в ихневмона длиной в 46 локтей, чтобы поразить своего извечного врага змея Апофиса. Свойство истреблять змей объясняет популярность ихневмона в магии, а также его роль в качестве домашнего охранительного божества. Одно из названий ихневмона переводится как «спаситель» (H. Kees. *Der Götterglaube im alten Agypten*. Berlin, Akademie-Verlag, 1977. S. 32, 34—35). По данным античных источников, ихневмоны уничтожают не только змей, но также крокодилы яйца и даже самих крокодилов (Diod. I, 23; Strab. XVII, 812).

⁷⁴ Толкователи снов в Древнем Египте делили сны на мужские и женские. Возможно, это деление было связано с медициной, также рассматривавшей дифференцированно мужчин и женщин и рекомендовавшей пациентам, соответственно, составы на «мужских» и «женских» растениях.

⁷⁵ Ср.: «Тот, кто увидит, будто его жена вышла замуж — ей будет ниспослан мальчик» (Ибн Сирин VIII, 10⁹). У греков мотив совоплощения во сне со своей женой толкуется по-разному: «Соеди-

няться со своей женой, когда она к тому охотна, податлива и не противится, одинаково к добру для всех: ибо жена есть для сновидца его ремесло или занятие, доставляющее ему удовольствие, или же то, над чем он начальствует и властвует, как над женой. Сон означает, что от всякого такого будет ему выгода, потому что и от выгоды людям приятно, и от любовных соединений приятно. Если, однако, жена неподатлива и противится, то значение сна противоположное. Тот же смысл имеет и соединение с любовницей» (Артемидор I, 78). В византийском соннике Псевдо-Даниила эта тематика разработана подробно и имеет различные толкования: «Жена если с иным мужем соединится — болезнь означает. <...> Свадьбу играть — несчастье и опасность означает. <...> Со знакомой женщиной вступать в сношения, даже если она другим мужем взята, — болезнь означает. <...> Вступать в брак женатому — вдовство означает. <...> С искусной женщиной совокупляться — благо означает» и т. д. (Псевдо-Даниил, 96, 100, 104, 105, 107).

⁷⁶ Мышь у египтян была священным животным одного из главных богов пантеона — Хора. В связи с тем, что у семитов мышь считалась символом чумы, интересна легенда, которую приводит Геродот. Повествуя о войнах царей Египта с ассирийцами (671— 653 гг. до н. э.), он рассказывает, как один царь, доведенный до отчаяния, отправился в храм и стал горько жаловаться божеству на постигшее страну несчастье. «Когда царь так рыдал, напал на него сон и во сне предстал ему бог и, ободряя его, сказал: “Пусть царь, ничего не боясь, идет на арабское (то есть ассирийское. — А. С.) войско; он, бог, сам придет ему помощь” Ободренный этим сновидением, царь взял с собой египтян, готовых следовать за ним, и разбил стан в Пелусии... Когда они прибыли в Пелусий, то ночью на вражеский стан напали стаи полевых мышей и изгрызли их колчаны, луки и рукоятки щитов, так что на следующий день врагам пришлось безоружными бежать и множество врагов пало. И поныне еще в храме... стоит каменная статуя этого царя. Он держит в руках мышь, и надпись на статуе гласит: “Взирайте на меня и имейте страх божий!”» (Herod. II, 141). Относительно мыши в сновидениях у греков были распространены следующие представления: «Мышь означает домашнего раба, потому что живет в одном доме с хозяином, с ним вместе питается и очень боязлива» (Артемидор III, 28).

⁷⁷ На Ближнем Востоке письменные источники и памятники искусства отмечают появление лошадей в первой половине II тысячелетия до н. э., что подавляющим большинством ученых ставится во вполне определенную связь с проникновением индоевропейцев (*Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука, 1977. С. 18). В Египте появление лошади ставят в связь с нашествием гиксосов и потерей независимости страны после окончания Среднего царства. Отсюда, видимо, и толкование мотива: «конь — насилие».

⁷⁸ Осел у египтян, так же как свинья, считался воплощением Сета и пассивным врагом бога солнца Ра, «который побежден» (H. Kees. *Der Götterglaube im alten Ägypten.* Berlin, Akademie-Verlag, 1977. S. 70, 72; P. Newberry. *The Pig and the Cult-animal of Set*, in: *JEA* 14. P. 211). В папирусе Честер-Бити III сновидения, где присутствовали домашние животные, в том числе осел, считались благоприятными — см. прим. 19. Шумерская традиция воспринимала осла не как основную рабочую скотину, а как средство передвижения и

связывала его с легендарным героем Шульги, вторым царем III династии Ура, который был обожествлен еще при жизни:

Гордый осел, который спешит по караванной дороге,
Быстрая лошадь с развевающимся хвостом,
Ослиный жеребец Шакана, который хорошо умеет бегать,
Это я!

(A. Kammenhuber. *Hippologia Hethitica*. Wiesbaden, 1961. S. 11; Дьяконов И. М. *Общественный и государственный строй Древнего Двуречья*. Шумер. М.; Л., 1959. С. 266). В греческих сонниках видение во сне осла считалось очень благоприятным знаком; этот мотив толковался на основе звукового созвучия: «Ослы, навьюченные, послушные погонщику, сильные и быстро передвигающиеся, к добру для женитьбы и товарищества, причем жена и товарищ не будут вводить сновидца в расходы, но охотно будут ему подчиняться и хорошо к нему относиться. И для других дел этот сон хорош из-за самого слова «осел» [ὄποι], ибо оно означает «пользу» [ὄψασθαι]» (Артемидор II, 12).

⁷⁹ Египтяне в религиозных текстах величали козла, наряду с бараном, «Великой душой небес». Центром почитания культа козла был город Мендес: с глубокой древности священным животным здесь считался так называемый мендесский овен; после его исчезновения этот вымерший вид баранов (на основании сходства названия) был заменен козлом (H. Kees. *Der Gotterglaube im alten Ägypten*. Berlin, Akademie-Verlag, 1977. S. 73, 79 Anm. 2, 80, 438). Это имело неожиданные последствия: в поздний период в Мендесе объявили запрет на принесение в жертву коз, которые в Египте считались основными животными для жертвоприношений (Herod. II 42, 46). Зловещее истолкование мотива в данном случае, видимо, связано с тем, как сами египтяне объясняли выбор этих животных в качестве жертвы богам: «Воистину, сторонники Сета превратились в коз. Поэтому забывают их [в жертву] перед каждым богом и струится из них их кровь» (Urk. V, 128; Тб. XVIII). В ассирийском соннике: «Если человек (во сне) облачен в козлиную шкуру: знатный человек будет удален [от двора] и умрет» (A. L. Oppenheim. *Ibid.* P. 258). У Артемидора мотив коз трактуется отрицательно: «Браки, дружбу и товарищество такой сон не создает и не поддерживает, ибо козы пацуют не стадом, но отдельно друг от друга на кручах и скалах, доставляя неудобства и себе, и пастуху» (Артемидор II, 12).

⁸⁰ У греков мотив толковался на основе параномазии, но, как ни странно, трактовка его близка египетской: «Баран (κρίον) должен означать хозяина, правителя и царя: слово *kreEein* у древних значит «властвовать», кроме того, баран предводительствует стадом. Хорошо, когда снится, что спокойно едешь верхом на баране по равнинной местности, особенно для ученых и стремящихся разбогатеть; ведь баран — животное быстрое и считается средством передвижения Гермеса» (Артемидор II, 12).

⁸¹ В ассирийском соннике имеется похожий сюжет с противоположным толкованием: «Если человек (во сне) «идет» к дикому животному: [дом его] будет процветать» (A. L. Oppenheim. *Ibid.* P. 258). У византийцев: «Зверей увидеть и быть среди них — от врагов досаждение означает» (Псевдо-Даниил, 218).

⁸² В греческой традиции волку было отведено значительное место: «Волк (λύκος) благодаря своему имени означает год, и поэты называют годы *luk&bantej* из-за одной особенности этого зверя,

волки пересекают реку, всегда следуя друг за другом (и даже, будто бы, держа друг друга за хвосты, чтобы не снесло течением — см.: Элиан. О природе животных. III, 6), так же как времена года, следуя друг за другом, составляют год. Кроме того, волк означает врага злобного, хищного, наглого и нападающего открыто» (Артемидор II, 12).

⁸³ В ассиро-вавилонской мантике есть схожие мотивы: «Если человек (во сне) превратится в льва: поте[ри и...]. Если человек (во сне) превратится в льва и... против... унижен будет [этот] человек» (A. L. Oppenheim. Ibid. P. 257). Греки толковали мотив более подробно: «Льва видеть ручного, ласкающегося и дружелюбно подходящего — к добру и приносит пользу воину от царя, атлету от крепости его тела, гражданину от должностного лица, а рабу от хозяина, ибо лев силой и могуществом подобен этим людям» (Артемидор II, 12). В византийской мантике: «Льва свирепого увидеть приближающимся — врага являет», но «львиное мясо вкушать — судебную победу над тяжущимися с тобой предвещает» (Псевдо-Даниила, 322, 313).

⁸⁴ О крокодиле в египетских представлениях см. прим. 20 к папирусу Честер Бити III. Греческая трактовка мотива очень интересна: «Крокодил означает морского грабителя, грабителя, убийцу или другого столь же лихого человека, и как сновидец пострадал от крокодила, так же он пострадает от человека, которого этот крокодил означает» (Артемидор III, 11).

⁸⁵ Змеи занимали значительное место в религиозных верованиях и обрядах Древнего Египта, их роль трактовалась очень неоднозначно, что нашло отражение и в толковании снов (см. папирус Честер Бити III 2,15; 4,1; 7,19). Мотив змеи-врага известен в египетских источниках: Achmes. Achmetis oneirocriticon 228, 28; 229,5.28. В греческой мантике имеется близкое толкование: «Змея означает болезнь и врага, и поэтому, как она поступит с кем-либо, точно так же болезнь и враг поступят со сновидцем» (Артемидор II, 13).

⁸⁶ Греческая трактовка мотива, возможно, имеет египетские корни: «Обезьяна означает человека коварного и обманщика. Псоглавая обезьяна имеет то же значение, а вдобавок приносит болезнь, по большей части так называемую “священную” (эпилепсию), ибо это животное посвящено Селене так же, как по словам древних, и эта болезнь» (Артемидор II, 12).

⁸⁷ У Артемидора этот мотив разобран подробно: «Если женщине снится, будто она обладает женщиной, это значит, что она выдаст ей свои тайны; если же соединяется с незнакомой женщиной, то это предвещает тщетные труды. Если женщине снится, будто ею обладает женщина, то она разведется или овдовеет, а кроме того, будет знать тайны той женщины» (Артемидор I, 80).

⁸⁸ Эдиповские сны в античности были не редкостью (Софокл. Царь Эдип. 981—982; Платон. О государстве. IX, 571); особенно связывались они с образами тех, кто боролся за власть (тиран Гиппий — Herod. VI, 107; Юлий Цезарь — Plut. Div. Jul. 32, etc.). Случаи, когда сновидица-мать видит в этой роли свою дочь, у Артемидора отсутствуют. Ему были известны только примеры сновидца-отца. В этом случае, если дочери на момент сновидения не было еще пяти лет, то такой сон сулил ей гибель; если ей было от пяти до десяти лет — то болезнь; если дочь достигла брачного возраста, то сон ее отца предвещал ей брак, а если она уже была замужем — то развод (Артемидор I, 78).

Составитель С. В. Архипова

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Антигониды — династия, которая правила в различных регионах македонского Востока с 306 по 286 год, а также в самой Македонии с 277 по 168 год.

Ангиграф — чиновник, контролирующий документы, помощник эконома нома.

Апомойра — налог, взимаемый с садов и виноградников, равный одной шестой общей стоимости продукции, доход с которого предназначался храмам для совершения культа Арсиной Филадельфии.

Арсиноя — имя трех цариц династии Лагидов. Наиболее знаменитая — Арсиноя II Филадельфия, дочь Птолея I Сотера, фактическая правительница Египта. После Арсиной III Филопатор это имя носила только сестра последней Клеопатры — Арсиноя IV (умерла в 40 году).

Артаб — персидская мера веса, использовалась для рассыпчатых материалов, например круп. Точный объем варьируется от 30 до 40 литров.

Арур — площадь земельного участка, равная ста локтям или 2756,25 квадратным метрам.

Базилевс (*греч.* *basileus*) — царь.

Базилнкограммат — дословно: царский писарь. Секретарь главы нома.

Береника — имя многих цариц и царевен рода Лагидов. Береника III и Береника IV носили также имя Клеопатра.

Диадок — буквально: «наследник». Имя, данное историками предводителям войск Александра Македонского, поделившим после смерти великого завоевателя его огромную империю.

Диосет — звание главы экономической и финансовой администрации района. Его могущество делало его одним из самых влиятельных лиц, приближенных к царю.

Каток — военный поселенец. Практически эквивалент клеруха. Этот титул относился к греческим кавалеристам, являвшимся владельцами важных наделов земли начиная со II века.

Клеопатра (*греч.* *Клеопатра* — славная по отцу) — имя многих цариц и царевен династии Лагидов. Необходимо отметить, что принятая историками нумерация произвольна: Клеопатра VII (69—30 годы) может иногда значиться как Клеопатра VI или VIII.

Клерух — военный, получающий прибыль с участка земли (клероса), дарованного ему царем. Этот надел он мог обрабатывать сам или через посредника.

Комарх — ответственный за сельскохозяйственную продукцию на уровне деревни.

Комограммат — деревенский писарь, подчиненный базиликограммата.

Крематисты — имя, данное трем судьям, рассматривавшим дела, следуя греческому праву.

Локоть — египетская мера длины, равная примерно 52 сантиметрам. Локоть аттический — 0,44 метра.

Селевкиды — наследники Селевка I, полководца Александра Македонского, принявшего титул царя в 305 году. Царствовали в Азии до 64 года.

Статер — стандартная монета из золота или серебра. Статер серебра соответствует четырем драхам.

Стратег — изначально глава армии. Начиная с III века стратег становится одновременно военным и гражданским правителем одного или нескольких номов.

Талант — монета, равная 6000 драхм. После 210 года серебряный талант отличался от медного, более распространенного во внутреннем хождении страны.

Тетрадрахм — монета в 4 серебряные драхмы, равная одному статеру.

Топограммат — писарь округа (топоса), среднее звено между базиликограмматом и комограмматом.

Хаохит — буквально: «возлиятель жертвенного вина». Низший чин жрецов культа мертвых.

Хора — вначале сельская территория греческого города. В греко-римском Египте хора обозначала совокупность местных городов и деревень, находящихся за пределами территорий греческих городов Александрии, Навкратиса и Птолемаиса.

Эконом — ответственный за соблюдение царских финансовых интересов на уровне нома. Значимость этого титула сошла на нет к III веку, уступив место базиликограммату.

Эпистат — титул различного рода чиновников, обладающих юридической и охранительной властью. Существовали эпистаты, направленные стратегами в те номы, где не было своего стратега. На более низком уровне эпистаты представляли централизованную власть в деревнях.

Эпистратег — важное должностное лицо, стоящее выше стратега. Известен эпистратег хоры, обладавший такими же правами, какими располагает современный министр внутренних дел, чья власть распространялась на всю страну, за исключением Александрии. Также есть сведения об эпистратеге Тебаид, воспринимавшемся практически как правитель Верхнего Египта.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

6

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Наследие Александра Великого. — Кризис государства времен правления Филадельфа и Эпифана. — Птолемей VI Филадельф и восстановление Египта. — Царь-толстяк и его жены. — Дети Фискаона. — Птолемей Флейтист. — Бегство и возвращение Авлета. — Дети Авлета. — Клеопатра — союзница Рима. — Клеопатра и Антоний

12

ГРЕЧЕСКИЕ ФАРАОНЫ И ИХ СЛУГИ

Цари, царицы и их венценосные дети. — Царь и греки. — Обожествленный царь. — Фараон и египтяне. — Фараон и боги. — Защита храмов. — Царская «филантропия». — Путешествия по провинции. — Царская жизнь. — Система египетских титулов. — Верность жречества. — Идеология сопротивления

38

ГОРОДА И ПРОВИНЦИИ

Общий обзор. — Население. — Столица Лагидов. — Центр эллинистического мира. — Дельта. — Мемфис и Фаюм. — Верхний Египет. — Городская архитектура

67

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Тяжелое бремя бюрократии. — Стратег. — Государственный писарь. — Бремя налогов. — Неповиновение и контрабанда. — Денежная экономика. — Губительные последствия инфляции. — Нищета крестьянства. — Жизнь деревни Керкеозирис. — Ремесленники и торговцы. — Греки и египтяне перед лицом закона. — Рабство

92

ЖРЕЦЫ И ХРАМЫ

Самые религиозные люди. — Новейшие храмы. — Священные животные. — Престиж жрецов. — Почитание богов за пределами храмов. — Греческие священнослужители. — Экономика храмов. — Оракулы и клятвы. — Странные рабы. — Боги Мемфиса. — Жизнь и сны отшельника Птолемайоса. — Желанные девы. — Несчастья нищенствующего египетского брата. — Быть греком в египетском храме. — Доносчик в храме

128

ЖИТЬ СМЕРТЬЮ ДРУГИХ

Мир мертвых. — Греки и потусторонний египетский мир. —
Профессии на службе мертвых. — Хоахиты за работой. —
Профессиональная ассоциация. — «Святые», не дающие покоя. —
Разделение работы между другими ассоциациями. —
Спорный дом. — Покойники в городе. — Бальзамирощик
обращается к царю

161

СОЛДАТЫ И КРЕСТЬЯНЕ

Военное государство. — Солдаты в деревне. — Превратности
существования. — Жизнь за счет ренты со своей земли. —
Солдат-мошенник: Дионисий, сын Кефала. —
Странный «перс». — Военная колония на юге Египта: Пафирис. —
Критянин в Египте: всадник Дритон. — Солидарность
египетского клана. — Неожиданное исчезновение гарнизона. —
Конец армии Лагидов

182

ДВА ЯЗЫКА, ДВЕ КУЛЬТУРЫ, ТРИ ВИДА ПИСЬМЕННОСТИ

Многокультурное общество. — Новые Афины. — Угасание и
возрождение александрийской культуры. — Медицина в эпоху
Клеопатры. — Греческая культура в провинции. — Поэма среди
бухгалтерских книг. — Эллинистические забавы в Серапеуме. —
Аполлоний и последний фараон. — Местные храмы —
хранители священной культуры. — Демотика: живой язык
и новая письменность. — Египетские рассказы и романы. —
Сатира и притча. — Эллинизм в Эдфу

208

Заключение

236

Примечания

241

Приложение

С. В. Архитова

Закат Египта глазами современников

252

Терминологический словарь

291

Шово М.

Ш 78 Повседневная жизнь Египта во времена Клеопатры / Пер. с фр. Е. Е. Масловой; Науч. ред., хрестоматия и прим. С. В. Архиповой. — М.: Мол. гвардия, 2004. — 294[10]с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02639-X

Книга Мишеля Шово, почетного члена французского Института восточной археологии Каира, открывает неизвестные страницы истории Египта в эпоху, когда безраздельно царствовала великая Клеопатра. В повседневной жизни обитателей этого могущественного и таинственного региона перемешивались древние традиции фараоновских времен и греческая культура, проникшая в Египет вместе с войнами Александра Македонского. Используя самые последние археологические открытия, автор словно оживляет египетскую цивилизацию, которая долго сопротивлялась Риму, прежде чем покориться его власти, окончательно установленной с победой Августа в битве при Акции.

Книга дополнена хрестоматией и снабжена интересным иллюстративным материалом.

**УДК 931
ББК 63.3(0)31**

Шово Мишель

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕГИПТА ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **В. М. Петров**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технический редактор **Н. И. Михайлова**

Корректоры **Т. И. Мальяренко, Л. М. Марченко,**

Г. В. Платова, Т. В. Рахманина

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 11.11.2003. Подписано в печать 16.04.04. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 15,96+0,84 вкл. Тираж 7000 экз. Заказ 34531.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02639-X